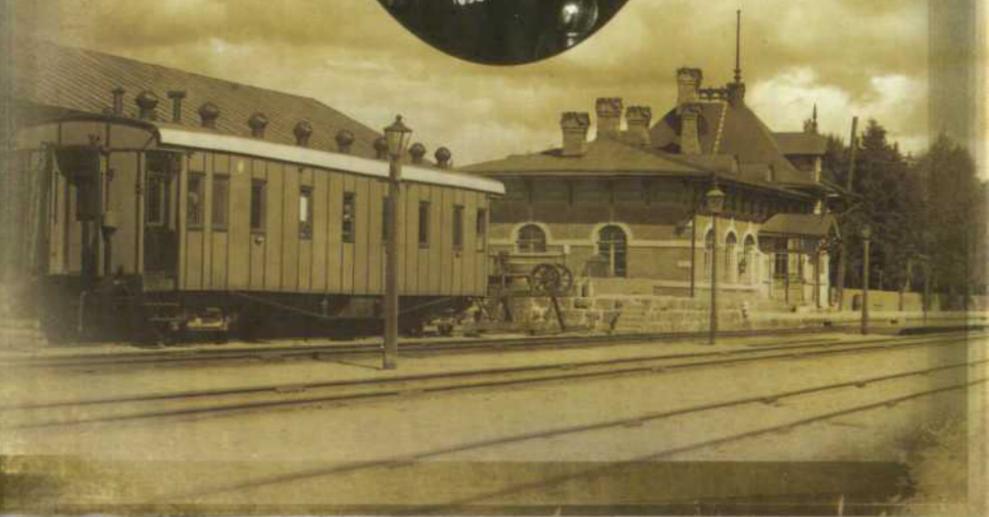

СВЯТЫЕ ЦАРСТВЕННЫЕ
СТРАСТОТЕРПЦЫ

ГОСУДАРЬ НА ФРОНТЕ

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России.

Император Николай II

Государь не раз говорил мне, что никогда не простит себе, что во время японской войны он не стал во главе действующей армии. По его словам, долг царского служения повелевает Монарху быть во время опасности вместе с войском, деля и радость, и горе. Когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью Русского Царя быть среди войска и с ним либо победить, либо погибнуть.

Председатель Совета министров
Российской империи В.К. Горемыкин

*Его Императорское Величество
Государь Император Николай Александрович*

ГОСУДАРЬ НА ФРОНТЕ ВОСПОМИНАНИЯ

**СЭР ДЖОН ХЭНБЕРИ-УИЛЬЯМС,
генерал-майор Британской армии,
Глава Британской военной миссии
в России**

**Император Николай II,
каким я его знал**

Лондон, 1922
Перевод с английского

**ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ
КОНДЗЕРОВСКИЙ**

**В Ставке Верховного
Воспоминания дежурного генерала
при Верховном Главнокомандующем**

Избранные главы
Париж, 1967

Русский Хронографъ

20 (X[®]) 12

Москва

УДК 088

ББК 63

Г 72

**Рекомендовано Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-101-0016**

Г 72 Государь на фронте. Воспоминания. / Сэр Джон Хэн-
бери-Уильямс. Император Николай II каким я его знал;
П. К. Кондзеровский. В ставке Верховного: Сборник. /
Сост.: С. Лизунов. — М.: «Русский Хронографъ», 2012. —
272 с.

ISBN 5-85134-043-6

ББК 63

ISBN 5-85134-043-6

© Мышкова О., перевод
с английского, 2011

© Александрова О., обложка, 2011

© «Русский Хронографъ», 2011

Предисловие

В этой книге представлены воспоминания о пребывании святого страстотерпца Императора Николая II Александровича на фронте, в Ставке Верховного Главнокомандующего русскими войсками в 1914–1917 годах, во время Первой Мировой войны — невиданного противостояния мировых держав, которое столь печально закончилось для двух главных монархий Европы. Война с немцами, с самого начала приобретающая ожесточенный и бескомпромиссный характер, потребовала нечеловеческого напряжения сил и подлинного самоотвержения от Верховного Главнокомандующего Русской армии, которым, в соответствии с Основными Государственными Законами Российской Империи, становился Государь Император. Взявший на себя поначалу эту ношу Великий Князь Николай Николаевич, дядя Государя, не смог ее понести, а впоследствии и вовсе оказался недостойн того высокого доверия и братской любви, которыми его всегда щедро одаривал Царь. В критической для армии и всей страны ситуации, во время всеобщего отступления русских войск на Западном и Юго-Западном фронтах в августе 1915 года, в дни хаоса и паники, Император принял решение возглавить армию в качестве Верховного Главнокомандующего. Несмотря ни на какие протесты «общественности» и интриги придворных кругов (которые при

этом поддержала значительная часть министров русского правительства), он провел это решение в жизнь с той твердостью, мужеством и спокойствием, которые на деле всегда (а особенно в решительные минуты) отличали Императора Николая II. И почти сразу же после вступления Императора в эту должность, после его переезда в Ставку, благодаря выдержке, трезвомыслию и мудрости Царя наступило успокоение и в армии, и в Генеральном штабе. Проведенная осенью 1915 года Вильно-Молодечненская операция показала, что боевой дух русских войск не сломлен, что даже «снарядный голод» и острый недостаток других боеприпасов не может обескуражить армию, сражающуюся под началом своего Царя. Войска постепенно стали получать необходимое оружие и снаряды, благодаря ускоренному развитию отечественной военной промышленности. Этого, несмотря на бюрократические препоны и спекуляции различных дельцов, наживавшихся на войне, удавалось добиться прежде всего теми непрерывными заботами и усилиями, которые предпринимал Император, уделявший особое внимание собственному производству и приобретению у союзников новых видов вооружений — тяжелых аэропланов, броневедомостей, усовершенствованных артиллерийских орудий, — строительству новых линкоров и линейных крейсеров для русского флота. К концу 1916 года стала возможной и разработка плана стратегического наступления на Западном фронте. Весной 1917 года должно было начаться общее, совместное с союзниками, наступление на Германию, которое планировалось развернуть на двух главных театрах

военных действий — в России и на Западе, во Франции и Бельгии. Измотанная годами войны на два фронта, Германия, естественно, не смогла бы долго сопротивляться натиску Русской армии, которая, несмотря на серьезные трудности, все же находилась в лучшем состоянии, чем это описывают некоторые недобросовестные исследователи. Не хуже обстояли дела и на юге — здесь намечалось провести операцию на Босфоре, которая при умелом руководстве, правильной тактике и концентрации сил имела все шансы на успех. После разгрома основных турецких сил открывалась прямая дорога не только на Константинополь, но и на Ближний Восток, — путь к созданию Русской Палестины, к торжеству православного христианства на Святой Земле и шире — в пределах бывшей Византии.

Все это, конечно, не могло не беспокоить Англию и других «союзников» на Западе, которым хотелось, с одной стороны, удержать Россию в войне, а с другой — не допустить ее усиления. Для этой цели использовались любые методы: от газетной клеветы и жалоб на «авторитарное государство» в России до прямых обвинений в «прогерманизме» в адрес Царя и его семьи. С грустью отметим, что русское общество представляло собой благодатную почву для таких взглядов. Собственно, здесь даже и не надо было вести никакой пропаганды извне. Либеральная общественность как будто задалась целью (на самом деле так оно и было) использовать войну как средство свержения законной исторической власти. Ее грязный, отвратительный рупор — пресса, избрала своей мишенью Царскую Семью и близких ей людей, чтобы изливать такую

гнусную и неслыханную клевету, до которой, признаюсь, далеко будет и Гитлеру с его приспешниками. В организованном порядке (через специальные общества «помощи» армии и земские союзы) этот яд проникал в народ и армию, которые, в особенности же рабочие, подвергались еще и усиленной обработке со стороны левых партий — эсеров, меньшевиков и большевиков. Дававшая сбои бюрократическая машина, которую с полным основанием так не любил Император, тем не менее, могла еще посопротивляться наступающей революции. Но изменнические настроения и желание властвовать самим, укоренившиеся и в Генеральном штабе, и в среде русской аристократии, и даже среди Великих Князей — членов Императорской Фамилии, — измена, глубоко прятавшаяся под личиной ложного патриотизма, «любви к Родине» и «верности союзникам», свели на нет все подобные попытки. Когда революция, наконец, случилась, в нашей огромной стране не нашлось почти никого, кто осознавал бы, что, оставляя своего державного хозяина, мы прощаемся со всеми нашими надеждами. Суд Божий над Россией совершился — 2 марта 1917 года (по ст. стилю), через несколько дней после начавшегося бунта, Император под давлением генералов-заговорщиков, действовавших совместно с лидерами Государственной думы, после телеграмм всех командующих фронтами, «на коленях» просивших об отречении, принял решение уйти. Государю еще удалось вернуться в Могилев, в Ставку. Отсюда, после прощания со своей матерью, со штабом и армией, 8 марта 1917 года царственный узник, фактически арестованный комиссарами Временного правительства,

отправился в заточение, в Царское Село, забытый и покинутый русским народом, чтобы вскоре вместе с семьей взойти на свою голгофу.

Светлый образ Царя, однако, жил в сердцах некоторых знавших его людей, которые оставили впоследствии воспоминания о своих встречах с ним. Удивительно, что этими людьми порой оказывались иностранцы, в остальном достаточно далекие от понимания России, а то и просто неприязненно настроенные по отношению к ней. Одним из подобных авторов был генерал-майор Хэнбери-Уильямс, Глава военной миссии Великобритании в России в годы Первой Мировой войны. Его мемуары, до сих пор в полном объеме не переведившиеся на русский язык, представлены в нашей книге.

Джон Хэнбери-Уильямс родился в 1859 году в семье, представители которой на протяжении двух столетий служили английским королям. Его отец, Фердинанд Хэнбери-Уильямс, владел поместьем Колдбрук-Парк в Монмутшире, на западе Англии. Джон получил образование в Веллингтонском университете в Новой Зеландии и в 1878 г. поступил в 43-й Оксфордширский и Букингемширский полк легкой пехоты. Во время египетской кампании 1882 года он был адъютантом сэра И. Хэмли. Храбрость, проявленная Хэнбери-Уильямсом при Тель-эль-Кебуре (в бою под ним убили лошадь) была упомянута в официальных депешах, и он был награжден медалью с пряжкой, звездой и турецким орденом «Меджидие» пятой степени. Джон Хэнбери-Уильямс (после 1908 года — сэр Джон) девятнадцать лет прослужил в действующей армии, в основном в качестве адъютанта губернаторов различных

колоний. В 1886 году в Бирме он стал вторым адъютантом сэра Г. Макферсона, в 1892 г. назначен адъютантом сэра М. Гранта Даффа (губернатора Мадраса в 1884–85 гг.). В 1892 году его назначили военным адъютантом 3-го батальона ополченцев Оксфордшира, и в этом качестве в 1894 году он присутствовал на маневрах германской армии. В 1897 г. Хэнбери-Уильямс был назначен начальником военного секретариата лорда Милнера в Южной Африке, где в звании подполковника принимал участие в англо-бурской войне. В 1899 году он был представлен к кавалерским британским орденам святого Михаила и святого Георгия, и через год направлен в Лондон в качестве секретаря военного министра Великобритании Джона Бродрика (1900–1903). Служил он и в Канаде — секретарем и начальником военного секретариата генерал-губернатора графа Грэй (1904–1909). Затем Хэнбери-Уильямс получил чин бригадного генерала и высокий пост губернатора Шотландии, на котором пробыл с 1909 по 1914 год. Впоследствии он служил в английском Генеральном штабе, и годы с 1914 по 1917 провел в России. В 1917–1918 гг. Уильямс руководил отделом военного министерства по делам британских военнопленных в Гааге и Швейцарии. Закончил он свою карьеру блестяще — в звании генерал-майора Британской армии и Маршала Дипломатического корпуса Королевского двора Его Величества Короля Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в коем прослужил с 1920 по 1934 год. В последние годы жизни (с 1934 по 1946) Хэнбери-Уильямс находился на должности внештатного шталмейстера — у трех королей Англии. Королевский дом высо-

ко оценил службу генерала: он был удостоен званий Рыцаря Большого Креста Викторианского ордена (членство в этом ордене жалуются лицам, оказавшим личную услугу королю) и Рыцаря Большого Креста ордена Бани.

Хэнбери Уильямс прожил долгую жизнь — он умер уже после окончания Второй Мировой войны, в 1946 году. Но окончательно связи с Россией при этом не потерял. По некоторым сведениям, его сын Джон (1892–1965) был женат на русской княжне Зинаиде Михайловне Кантакузен, причем этот брак был заключен уже после революции.

Книга «Император Николай II, каким я его знал» была опубликована сэром Джоном в 1922 году. Основную ее часть занимает дневник, который он вел, будучи представителем Британской армии при Ставке Верховного Главнокомандующего Русской армии в 1914–1917 годах — сначала в Барановичах, а затем в Могилеве. Отдельные главы посвящены воспоминаниям об Императоре и Императрице, а также о Цесаревиче Алексее Николаевиче, который, начиная с сентября 1915 г. и в течение очень продолжительного времени жил вместе с Государем в Могилеве и был общим любимцем не только дружной Царской Семьи, но и всех иностранных военных представителей.

Главное внимание на страницах своего «Дневника в России», или «Русского дневника», Хэнбери-Уильямс, естественно, уделяет своим отношениям с Государем — Верховным Главнокомандующим — и начальником его штаба М. В. Алексеевым по вопросам координации военных операций между союзниками и урегулирования военных поставок.

Однако при этом он внимательно наблюдает за военной ситуацией на русском фронте и вообще за русской жизнью, делая иногда весьма верные, а иногда и опрометчивые, порой высокомерные, характерные для английского аристократа замечания о России. Нужно сказать, что, при всем его добром отношении к Государю, его понимание нашей страны страдает обычной для европейцев (и в особенности для англичан) узостью взгляда. Кроме того, сама миссия британского генерал-майора традиционно заключалась в том, чтобы соблюдать во всем и всегда выгоду Англии и с помощью различных дипломатических приемов и ухищрений выторговывать для нее наилучшие условия — пусть даже и ценой жизни сотен тысяч солдат, брошенных в бой союзной страной. Характерной чертой является превозношение всего английского — в ущерб русскому, выпячивание успехов западных союзников, нелепая убежденность в превосходстве либеральной политической системы, что особенно ярко проявилось в предреволюционное время, а также во время самой русской революции, в феврале-марте 1917 года. В этот период (еще до отречения) Хэнбери-Уильямс даже написал письмо Государю с просьбой ради сохранения власти дать стране «ответственное министерство» и провести другие либеральные преобразования, которых так требовала (причем именно посреди войны) ненасытная российская «общественность» и которые быстро и печально закончились, так толком и не начавшись, когда эта самая «общественность» пришла к власти. Он оправдывает и защищает Алексеева, Великого Князя Николая Николаевича — даже тогда, когда измена

одного и, хочется верить, малодушие и бонапартизм другого становятся очевидны. Однако, как трезво-мыслящий и к тому же заинтересованный в участии России в войне дипломат и военный, Хэнбери-Уильямс не может не видеть повсеместной анархии, развала армии и ее управления и ничтожества новых «демократических» командующих и делает обо всем этом свои выводы. Несомненным достоинством книги являются прекрасные характерные описания приемов у Императора, неизменное светлое чувство, которое сопровождает эти описание, глубокое сочувствие, которое автор высказывает русскому Царю, преданному и отвергнутому своим народом. Важно отметить и то, что Хэнбери-Уильямса Государь называет в марте 1917 года своим другом, и его горячее желание помочь оказавшемуся после отречения в Могилеве, как в ловушке, Императору, желание, которому не суждено было воплотиться в действия вследствие запрещения, исходившего от того же Алексеева. Уважения, несомненно, достойны честность и личное мужество генерала, отказавшегося — даже во время конных прогулок в революционном Петрограде — нацепить на себя красную ленточку, что охотно делали, например, некоторые Великие Князья.

Конечно, этому англичанину было далеко до поступка двух иностранцев, состоявших в ближайшем окружении Государя, учителей Наследника Пьера Жильяра и Сиднея Гиббса, которые добровольно отправились в Сибирь вместе со своим августейшим учеником и его семьей. Но в то же время он и не был прямым изменником, не запятнал свою совесть открытым предательством царственного

союзника своего короля, чем не могли похвалиться многие лица свиты, да и сам английский монарх, отказавшийся предоставить близкому родственнику¹ — русскому Царю — политическое убежище. Самое же главное — этот тот удивительный свет глубокой веры, убежденности в победе, то искреннее и горячее желание разделить со своей Родиной все невзгоды и испытания, пройти до конца вместе с Россией, которые исходили от нашего Государя, в чем мы убеждаемся, открыв страницы книги Хэнбери-Уильямса.

Необходимым дополнением к описанию жизни Императора в Ставке, оставленным Хэнбери-Уильямсом, британским генералом, служат воспоминания генерала русского — Петра Константиновича Кондзеровского. Генерал Кондзеровский (или иначе Кондырев-Кондзеровский) родился в Петербурге в 1869 году. Военное образование он получил во Втором Константиновском училище и Николаевской академии Генерального штаба (1895 г.). С 1897 года Петр Константинович служил обер-офицером для особых поручений при штабе 18 армейского корпуса. Затем перешел на службу в Главный штаб: был исполняющим должность столоначальника, младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета (с 1901 года), начальником 4-го и 14-го (с 1903 года) отделений, членом Хозяйственного комитета (1905–1906 гг.), начальником отделения, исполняющим должность помощника дежурного генерала. 4 июня 1908 года он был назначен дежурным генералом Главного штаба. С началом Первой мировой войны при проведении мобилиза-

¹ Окружение (*фр.*). — *Примеч. перев.*

ции в 1914 году Кондзеровского перевели на пост дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Нужно сказать, что он оставался на этом посту при и Великом Князе Николае Николаевиче, и при Императоре Николае II. Однако после февральского переворота 1917 года — в числе некоторых других генералов — сразу же потерял пост, был назначен членом Военного совета, а 21 мая 1918 года уволен из армии — уже по распоряжению большевистского НКВД.

Петр Константинович активно проявил себя в Белом движении. В 1918–1919 годах он был членом Политического совещания при генерале Н. Н. Юдениче. Со 2 октября 1919 года служил помощником главнокомандующего Северо-Западной армии по должности военного министра, а 28 ноября 1919 года был назначен представителем Северо-Западной армии в Финляндии. После поражения Белых армий в 1920 году переехал из Гельсингфорса (так тогда назывался финский город Хельсинки) в Париж. С 1925 года был начальником военной канцелярии Великого Князя Николая Николаевича. Умер Петр Константинович в возрасте 60 лет в Париже.

В своих воспоминаниях «В Ставке Верховного», вышедших в Париже в 1967 году, Кондзеровский рисует не только верную картину жизни Ставки Верховного Главнокомандующего Русской армией в 1914–1917 годах, но и уделяет особое внимание различным группам политического характера, которые складывались здесь вокруг определенных личностей. Такова личность М. В. Алексева, весьма достоверно описанная Кондзеровским,

сумевшим рассмотреть скрытое неприязненное отношение последнего к Государю. С другой стороны, сам Кондзеровский не принадлежал к партии генералов-изменников, строивших козни вокруг Верховного Главнокомандующего, был искренне предан своему Царю, за что и заслужил нелестную оценку Михаила Лемке в его известном опусе «250 дней в Царской Ставке». Для нас же особенно ценно, что труд Кондзеровского не только позволяет проследить некоторые вехи измены, наметившиеся в Ставке еще в 1914–1915 годах, помогает вскрыть ее «анатомию», но и блестяще показывает величие духа и замечательные человеческие качества Императора, Императрицы, Наследника Цесаревича и Великих Княжон, которые имел возможность наблюдать автор. Завершающая часть воспоминаний относится примерно к тому же периоду, который описан в дневнике Хэнбери-Уильямса — к скорбным дням марта-апреля 1917 года. Здесь, как и в книге английского генерал-майора, показано, как внезапно отступили и скрылись преданные люди, окружавшие Царя, на смену же им пришли совершенно недостойные личности. Трагические страницы русской истории, освещенные в этой книге, помогают понять и наше сегодняшнее положение, служат ключом к разгадке многих исторических тайн XX века и современности.

Книга генерал-майора Джона Хэнбери-Уильямса «Император Николай II, каким я его знал» публикуется нами по лондонскому изданию 1922 года в современном переводе с английского языка с необходимыми купюрами (иногда весьма значитель-

ными). Полный перевод книги выполнен Ольгой Анатольевной Мышаковой. Отобранные нами части в первую очередь показывают деятельность Императора на посту Верховного Главнокомандующего Русской армии, его взаимоотношения с подчиненными и автором, личные свойства Царя. Из воспоминаний П. К. Кондзеровского выбраны отдельные главы, касающиеся описания жизни в Императорской Ставке, а также описания характеров и внутреннего мира Государя, Государыни, Наследника Цесаревича и Великих Княжон.

Редакция

*Philip Alexius de László. Сэр Джон Хэнбери-Уильямс.
Карандашный портрет. 1935 г.*

Сэр ДЖОН ХЭНБЕРИ-УИЛЬЯМС,
генерал-майор Британской армии,
Глава Британской военной миссии
в России

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ¹

Введение

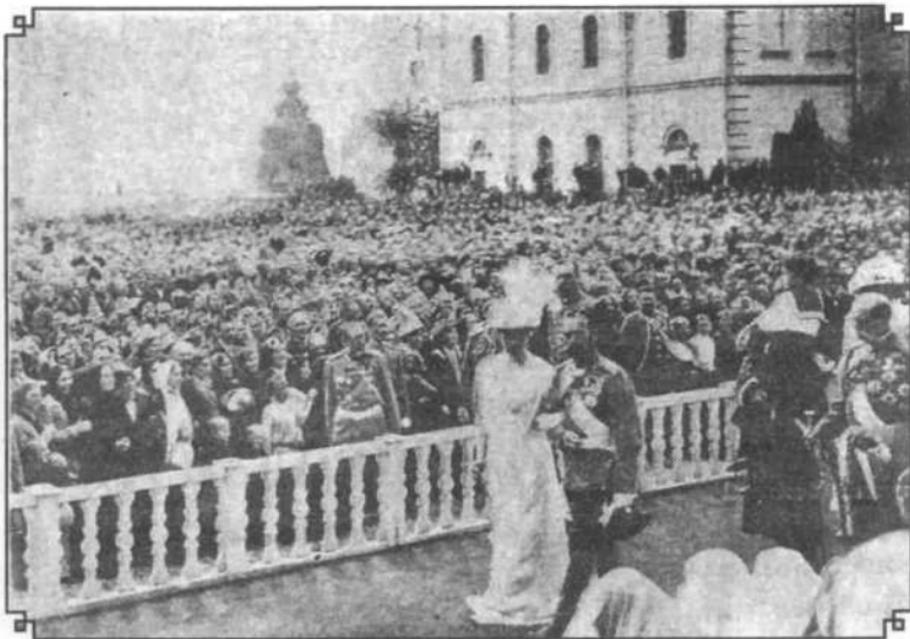
Я написал этот очерк о покойном Императоре Николае и связанных с ним людях и событиях отчасти в форме дневника — это позволяет передать реальные впечатления, которые я записывал время от времени в годы войны [Первой мировой. — *Примеч. ред.*], проведенные в Ставке Главнокомандующего Русской армии.

В период пребывания Николая II на посту Главнокомандующего я имел возможность видеть Его Величество чаще и узнать лучше, чем другие, не принадлежавшие к его ближайшему *entourage*², когда долгие отлучки российского самодержца из столицы волей-неволей сделали меня посредником в других, не только военных, делах.

Когда в августе 1914 года меня неожиданно направили в Россию, я имел очень приблизитель-

¹ Печатается с сокращениями.

² Окружение (*фр.*). — *Примеч. перев.*

*Москва 5 августа 1914 г. Шествие их Императорских
Величеств из Успенского собора в Чудов монастырь*

ное представление об этой стране и населяющем ее народе. Однако я всегда питал интерес к Русской Державе, унаследованный, должно быть, от одного из моих прадедов, бывшего когда-то посланником в России и другом великой Императрицы Екатерины. По приезду я нашел, что здесь по-прежнему ощущается некий ореол таинственности, окутывавшей события в те дни, когда Ее Величество в письмах к моему предку-посланнику обращалась к нему «Мадам», а он, в свою очередь, называл ее «Мсье».

Я ожидал встретить здесь повышенную секретность и трудности на каждом шагу, а Августейшую Семью думал увидеть обуреваемой заботами, беспокойством и страхом перед бомбой анархиста или ножом наемного убийцы.

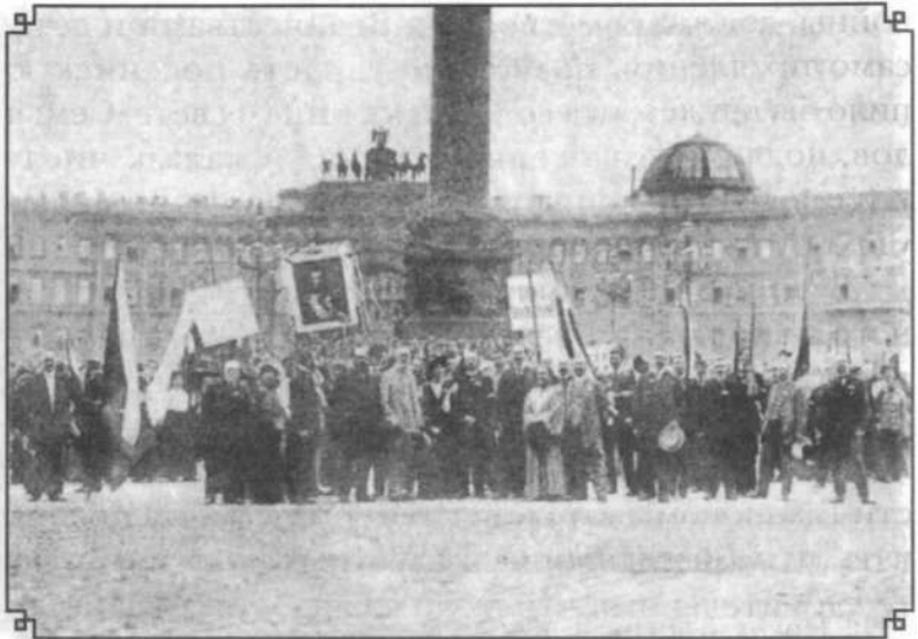
Однако знакомство с Их Величествами и детьми Императора позволило увидеть российскую действительность в совершенно ином свете. Семья Николая II, безусловно, принадлежала к числу счастливых и любящих. Слово «революция» звучало в стране так часто, а ее пророки были столь многочисленны, что привычка породила пренебрежение к опасности — слишком оптимистическое, перешедшее в убеждение, что после войны русский народ непременно сплотится вновь.

При предвоенном населении России около 83 миллионов человек и территории в восемь с половиной миллионов квадратных миль¹ нет ничего удивительного, что люди с гордостью говорили о «русском паровом катке».

Всеобщий энтузиазм, выказываемый союзникам, и наша популярность заметно отличались от оных в обстановке предыдущей войны (с Японией) и давали надежду, что на этот раз Россия сможет пройти великое испытание, не только стяжав себе славу, но обретя расположение тех союзников, с которыми дотоле дружеские связи не были особенно крепки.

Высочайший Манифест о создании Думы (парламента) стал шагом в правильном направлении. Хотя Дума была ограничена в своих решениях и в ней

¹ Данные, которые приводит Хэнбери-Уильямс, неверны. Согласно данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской Империи, по состоянию на 1 января 1914 года общая численность постоянного населения России составляла 178,4 миллионов человек, площадь ее территории равнялась 19,155,587,7 кв. верстам. См. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Перед Зимним дворцом в день объявления войны 20 июля 1914 г.

оставалось очень мало от «либерального института», все же это давало надежду на прогресс в этом направлении и постепенное приближение российской Думы к парламентам других стран.

Печально известную русскую беду, подлинный бич этой страны — пьянство, препятствовавшее успехам Русской армии в войне с Японией, необходимо было остановить эффективной и жесткой мерой, принятой пошедшим на большой риск Императором, — запрещением водки. Успех этого начинания не замедлил себя ждать, выразившись не только в постоянной трезвости солдат, но и в увеличении капиталов крестьянских сберегательных банков — ведь крестьяне, по сути, составляли ядро Русской армии.

По некоторым признакам, Польша, эта злополучная страна, на которую пал сокрушительный удар

войны, должна была получить определенную форму самоуправления, чего она долго ожидала. Это укрепило бы дружеские связи польского и русского народов, подвигнув их на решительные объединенные усилия, направленные на борьбу с врагом, стоящим у врат Отчизны.

В период ультиматумов заявления русского военного министра позволяли общественности предположить, что армия готова к войне «до последней пуговицы на гетрах», поэтому, когда в начале войны Великий Князь Николай¹ взял на себя обязанности Главнокомандующего, перспективы выглядели чуть ли не радужными.

¹ Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) – Великий Князь, сын Великого Князя Николая Николаевича (Старшего) и Великой Княгини Александры Петровны Ольденбургской, двоюродный дядя Императора Николая II. В начале Первой мировой войны, 20 июля (ст. ст.) 1914 г., назначен Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи. После серии тяжелых поражений Русской армии весной-летом 1915 г. Император принял решение отстранить его от Верховного Главнокомандования, которое принял сам. С августа 1915 г. назначен наместником на Кавказе, наказным атаманом Кавказского казачьего войска и главнокомандующим русскими военными силами на Кавказском фронте. Во время февральского переворота, 2 марта 1917 г., в числе прочих командующих фронтами, подписал телеграмму Императору, в которой выражалось мнение о необходимости отречения от престола. В этот же день был вновь назначен Верховным Главнокомандующим, но под давлением Временного правительства отказался от этого поста. Жил в Крыму, в имении Дюльбер. В 1919 г. эмигрировал на английском крейсере «Мальборо» в Италию, с 1922 г. во Францию. В 1924 г. принял от барона Врангеля руководство деятельностью всех русских военных зарубежных организаций (впоследствии – РОВС). В определенных кругах русского зарубежья считался главным претендентом на русский императорский престол. Умер на своей вилле в г. Антиб.

*Император Николай II
и Великий Князь Николай
Николаевич*

Да, были разговоры о прогерманских настроениях и придворных интригах, но общее настроение было самым воодушевляющим и оптимистическим. Все были захвачены идеей короткой, победоносной и, да простит мне читатель эту фальшивую экспрессию, веселой войны.

Поступок Великого Князя, который, несмотря на серьезный риск для своей армии, пришел на помощь союзникам, несшим тяжелые потери (я имею в виду наступление на Северо-Западном фронте), также значительно повысил престиж и популярность русских.

Но внезапно, совершенно неожиданно для всех (кроме тех, кто был «в курсе дел») открылась правда об острой нехватке военного снаряжения и боеприпасов, виной которой стали отнюдь не только огромные объемы необходимого армии снабжения (в той войне это стало неожиданностью и для союзников), — но и коррупция.

Люди начали скептически качать головами — что пользы в «паровом катке», если не хватает смазки, чтобы он работал?

Как обычно, стали искать виноватого.

Бесконечные проволоочки в стране, которая не отличается легкостью усвоения нового и где не годятся привычные в европейских странах способы ведения дела, возникали одна за другой, давая предостаточно пищи для сплетен и скандалов. Только и говорили, что о предательстве, прогерманских настроениях при российском дворе и пагубном влиянии Распутина. Сперва во всем винили военного министра, затем вину переложили на союзников, и вскоре глухой ропот недовольства начал приобретать все более угрожающий характер.

Страну охватили тревога и беспокойство, успешное продвижение вперед уступило дорогу отступлению и неудачам, в которых не было вины Главнокомандующего и его солдат.

Кто же был виноват?

В основном вина лежит на административной части кампании, то есть на нехватке боеприпасов, плохом снабжении и неважном состоянии трактов, железных дорог и путей сообщения в целом.

Последние три фактора затронули и гражданское население: многочисленные беженцы сильно затрудняли военную сторону кампании. Провиант и топливо — эти два арбитра между довольством и ропотом — требовали, особенно в условиях русской зимы, постоянного надзора, строжайшей экономии и отлаженной, безотказной системы. Кто должен получать приоритет в снабжении: армия или гражданское население? И до какой степени?

Эти вопросы необходимо было регулировать железной рукой, причем руководитель не мог не понимать, что перевес будет скорее на сто-

роне частных и личных интересов, чем добросовестного совместного сотрудничества.

Но когда обнаружилась неприглядная истина, лавина событий уже грозила похоронить под собой все и вся, как тот прилив, который никого не ждет; верность и искренние самоотверженные усилия подрывались вероломством и интригами врагов и недовольных.

Временный успех вселял воодушевление, но закрепить его было нечем; именно в этот момент Император принял на себя командование армией. Какое-то время удача была на его стороне, но революция пустила корни слишком глубоко, и почва, на которой она выросла, оказалась слишком податлива и плодородна, чтобы допустить серьезную надежду на этот успех.

Коррупция и интриги всегда существовали в любой стране, в том числе и в нашей, не отличавшейся чистотой белья в былые дни, но в России эти пороки, можно сказать, цвели пышным цветом.

Характер и специфика наших двух народов совершенно различны.

Русские, привлекательные и приятные во многих отношениях, по натуре более нестабильны, переход от экзальтации к сильнейшей депрессии у них совершается очень быстро. Возможно, здесь стоит выразиться как-то иначе, но начавшаяся в те дни депрессия оказалась очень долгой и тяжелой.

Очарование русских, покоряющее любого чужестранца, можно прочувствовать, лишь живя в России, однако и в других странах, встретив русских, проникаешься к ним самыми теплыми чувствами.

Гостеприимство, доброта и сочувствие здесь повсюду. Меня всегда поражало настойчивое жела-

ние русских понравиться гостю наилучшим образом, чтобы тот почувствовал себя «как дома»; за этим, по моему мнению, скрывается некоторая неустойчивость характера и потребность в стабильности.

Таково было мое впечатление от России до установления здесь большевизма.

Эти записки изначально не были задуманы как апология или заочный спор с борзописцами, настроившими немало критических опусов в адрес покойного Императора. Большинство авторов и близко не общались с Его Величеством так, как я; тем не менее, тон их произведений самый враждебный.

Один из подобных критиков, пробыв в России всего двадцать четыре часа, дал Императору такую оценку, что я задумался — не провел ли он эти сутки в петроградских притонах, ибо нигде больше нельзя было насобирать сведений настолько несправедливых и неверных и столь же злобных, сколь и лживых. Этот автор тоже побывал в России до революции.

Какими бы ни были решения Императора, никто не сможет умалить его беззаветную преданность России и союзникам.

Полагаю, у каждого из нас есть скорбные воспоминания, герои которых проходят перед нашим мысленным взором, как корабли ночной порою. Для меня самыми скорбными остаются тени покойного Императора и тех, кто разделил с ним его участь.

Солнечные зайчики, немного оживляющие эти тени, — это неизменная доброта, которую Император выказывал ко мне во время личных и прочих неприятностей, его солнечная, неунывающая натура и непоколебимая стойкость в трудную минуту.

Его верность союзникам могла сравниться лишь с его решимостью продолжать войну до победного конца.

Пусть другие бросают камни. Я могу лишь правдиво рассказать о человеке, которого знал лично. Радостные воспоминания омрачены трагедией его гибели и горьким сожалением, что я не смог сделать больше для спасения Августейшей Семьи в те дни, когда чаша весов их судьбы еще не склонилась на сторону смерти.

Большая часть моих записок, по понятным причинам, не может быть опубликована, но предлагаемые читателю сведения не были специально подобраны с целью дать одностороннее представление об оклеветанном монархе. Я просто описываю черты его характера, которые могут показаться интересными и *действительно* были подмечены мной.

Самодержавия в России больше нет.

Эти записки ни в коей мере не являются словом в защиту системы. Они призваны защитить человека.

Какой-нибудь Мистер Критик может возразить — да-да, все это очень хорошо, но данный человек и существовавшая тогда государственная система неотделимы друг от друга, поэтому нельзя говорить о ком-то или чем-то одном.

Отчасти это верно, но дело в том, что на чашу весов Фемиды положено слишком много именно против человека, а не против системы.

Эта книга — попытка в какой-то мере восстановить справедливость и уравновесить символические чаши весов.

РУССКИЙ ДНЕВНИК¹

Первый год войны

Август 1914. Ставка Русской армии.

Вскоре после моего приезда пришли новости об операции в Восточной Пруссии, которая так фатально завершилась в битве при Танненберге². Однако воодушевление нам вскоре вернули успехи Русской армии на австрийском фронте (совсем другое дело, по сравнению с немцами).

Основными вопросами, которые мы обсуждали с В. К. Николаем в следующие месяцы, были оружие и боеприпасы и события на Кавказе, которые в конце концов привели к Дарданелльской экспедиции.

Провал наступления в Восточной Пруссии Великий Князь переживал очень болезненно, но в то же время рассматривал свою неудачу как услугу союзникам, поскольку эта операция существенно облегчила положение союзнических сил во Франции.

По приезде я не имел в своем распоряжении хорошего шифра, поэтому было совершенно бесполезно телеграфировать даже ту скудную информацию, которую я получал. В связи с вопросами

¹ Все даты в дневнике Джона Хэнбери-Уильямса указаны по новому стилю.

² Битва при Танненберге (17. VIII.–2. IX. 1914) – крупное сражение между русскими и немецкими войсками, в ходе Восточно-Прусской операции Первой мировой войны. В сражении принимали участие Первая (командующий – П. К. Ренненкампф) и Вторая (командующий – А. В. Самсонов) русские армии и Восьмая германская армия (командующий – Пауль фон Гинденбург, начальник штаба – Эрих Людендорф). В ходе битвы немцы отбили наступление русских армий на Восточную Пруссию и нанесли тяжёлое поражение Второй армии, А. В. Самсонов погиб.

снабжения боеприпасами и положением дел на Кавказе мне довелось регулярно общаться с Великим Князем, хотя все равно приходилось ездить в Петроград и слать телеграммы через наше посольство.

Даже при из рук вон скверном снабжении Великий Князь успешно воевал против австрийцев. Он не только не сдал бы своих позиций, но перешел бы в наступление, будь административная сторона его работы так же хорошо организована, как военная. Успешно воевать при острой нехватке предметов первоочередной необходимости, орудий, боеприпасов и аэропланов непосильно для любого командира, и 1915-й стал годом кризиса и временного поражения. Лишь доблесть Русской армии, которую, при удаче на стороне врага, могли оттеснить к самой Москве, нечеловеческое упорство и стойкость русских солдат и напряженные усилия союзников на Западном фронте спасли ситуацию.

Ставка Русской армии в начале войны находилась в Барановичах. Штаб располагался в нескольких поездах, которые по проложенным по песчаной почве путям были заведены в сосновые леса, где пейзажи напоминали Олдершот.

Несколько построенных вблизи времянок служили помещениями для персонала, а нас, представителей военных миссий союзников, разместили в том же поезде, где помещался Главнокомандующий армией, Великий Князь Николай. Нас кормили «за общим столом» в его вагоне-ресторане. Когда приезжал Император, его поезд ставили в сосновом лесу немного в стороне, на особой железнодорожной ветке, но достаточно близко, в пределах двух минут ходьбы.

Государь Император, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Петр Николаевич, генерал-адъютант Рузский, генералы: Янушкович, Данилов, Кондзеровский, протопресвитер Шавельский и прочие члены Штаба Верховного Главнокомандующего. Царская Ставка. Сентябрь 1914 г.

Мы оставались в Барановичах (временами выезжая с инспекцией на разные фронты) до конца лета 1915 года, когда в связи с продвижением врага Ставку перенесли в Могилев.

В тех краях оказалось предостаточно места для прогулок; можно было ехать верхом много миль и почти не увидеть мощеных дорог, однако пейзаж показался мне монотонным и неинтересным, а равнинная местность зимой выглядела очень мрачной и скучной. [...]

6 октября 1914

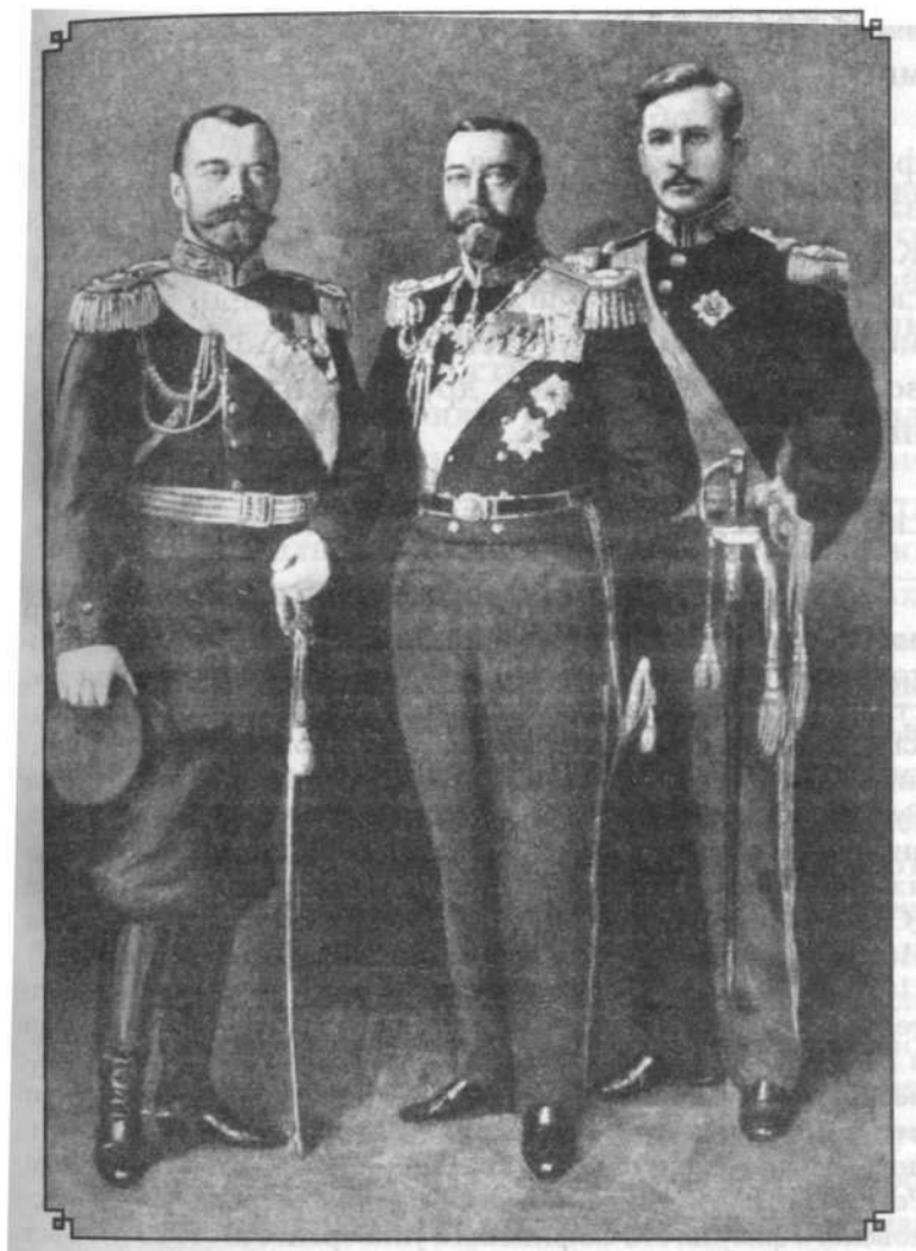
В 14.30 меня вызвали к Императору. У дверей Его Императорского Величества поезда, стоявшие

го в сосновом лесу напротив нашего, я увидел двух огромных казаков, несших караул. Внутри обстановка оказалась комфортабельной, но очень простой. Адъютант проводил меня в маленький кабинет в конце вагона. Император был одет очень просто — военный мундир, пальто, скорее напоминавшее блузу, чем наши шинели, синие бриджи и высокие черные сапоги для верховой езды, — и стоял за высокой конторкой. Я отдал честь; Его Величество тут же подошел ко мне и очень тепло поздоровался за руку. Я поразился его невероятному сходству с нашим королем; осветившая лицо улыбка заставляла поверить, что Николаю II действительно приятно принимать у себя посетителей. Первым делом Император осведомился об английских королевских величествах и августейшей семье, затем спросил о моих жене и детях.

Радушно приветствовав меня как представителя Британской армии в России, он засыпал вопросами о войсках во Франции и нашем контингенте в Индии, что его очень интересовало.

Беседа текла свободно и приятно около двадцати минут, после чего Его Величество пригласил меня на обед, заверив, что я могу уже снять перевязь со шпагой, которая была при мне по случаю официального визита.

Первое впечатление, оставшееся в моей памяти, разительно отличалось от того, что я ожидал. Я рисовал себе русского Императора «монархом печального образа» с челом, омраченным всевозможными заботами и тревогами о судьбах Отечества и другими делами, тяжким грузом лежавшими на нем. Вместо этого я невольно залюбовался свет-

*Император Николай II,
король Великобритании и Ирландии Георг V
и король Бельгии Альберт I*

лым, умным, счастливым лицом человека, видимо, много времени проводившего на свежем воздухе.

Вечером, облачившись в новешенькую военную форму, я приехал на обед, на котором присутствовали, кажется, шестнадцать человек: два Великих Князя — Николай и Петр, начальник Императорского Генерального штаба, генеральный квартирмейстер, священник (отец Георгий)¹, французский военный атташе Лагиш, другие лица и ваш покорный слуга.

Трапеза началась с обычной *zakouska* (закуски), затем подали очень простой обед — суп, рыба,

¹ О. Георгий Шавельский (1871–1951) — протопресвитер военного и морского духовенства Российской Империи (протопресвитер Армии и Флота) (с 1911 г.). Родился 6 января (ст. ст.) 1871 г. в с. Дубокрай Витебской губернии в семье дьячка. Окончил Витебскую духовную семинарию. В 1892 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизионным благочинным, а затем главным священником Маньчжурской армии. Законоучитель в Смольном институте (Санкт-Петербург) (1906–1910 гг.). Профессор богословия Историко-филологического института (Санкт-Петербург) (1910 г.). Член Духовного правления военного протопресвитера (1910 г.). Член Святейшего Правительствующего Синода в 1915–1917 гг. Окормлял военное духовенство в Добровольческой армии Деникина до 1919 г., когда эти функции были переданы епископу Вениамину (Федченкову). Член Временного высшего церковного управления (ВЦУ) на юго-востоке России (1919 г.). Эмигрировал в Болгарию. Профессор богословского факультета Софийского университета (1920 г.). Был приглашен на Карловацкий Всеаграничный церковный собор (1921 г.), но не получил визу и в заседаниях участия не принимал. Председатель Софийской академической группы (1926 г.). В 1927 г. перешел из Русской Православной Церкви Заграницей в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. Скончался 2 октября 1951 г. в Софии. Оставил воспоминания, опубликованные в Нью-Йорке в 1954 году.

ростбиф, йоркширский пудинг, суфле, фрукты, квас и легкие вина.

7 октября 1914 г.

Я рассказал Его Величеству о нашей поездке в Варшаву, где командующий группой русских войск пригласил нас в театр с целью восстановить спокойствие в тамошнем благородном обществе, несколько встревоженном близостью немцев.

После пьесы состоялся балет, который исполняли стройные и тучные леди, изображавшие союзников. Великобританию представляли шесть «моряков» в белых парусиновых брючках, небесно-голубых бескозырках и таких же воротниках. Маршируя, морячки время от времени палили из четырех пугачей не в такт музыке, под которую «британская армия», изображаемая другими шестью леди балетного корпуса в красных беретах, красно-черных килтах (килтов короче я не видел за всю свою жизнь), розовых чулках, белых гетрах и с шотландскими клейморами танцевали и размахивали красными вымпелами.

Лагиша, в свою очередь, немало позабавила «французская армия», но на этот раз «солдаты» обошлись без демонстрации ног, ибо так были закутаны в триколоры, что едва могли двигаться. Каждого из нас (представителей союзников) называли, просили встать и награждали рукоплесканиями в знак уважения к нашим странам.

К нам приставили молоденького казачьего офицера — вылитую младую персиянку с прекрасными глазами с поволокой и мягким, сочувственным взглядом (как мы узнали, его мать была армянка);

в действительности то был весьма отважный юнец, похваставшийся мне, что не далее чем вчера собственноручно убил пятерых немцев.

Кое-кто был настроен в высшей степени оптимистично — один из генералов заявил, что, по его мнению, через четыре месяца мы будем в Берлине.

Однако один из моих коллег-союзников сказал, что США вскоре заговорят о замирении, и война закончится. В настоящее время русские явно не расположены рассматривать какие бы то ни было мирные предложения. [...]

7 ноября 1914 года.

Когда на днях я был в Лодзи, командующий Сибирским корпусом обронил, что двадцать три дня добирался поездом до своего штаба, а его подчиненные и того дольше. Это дает некоторое представление о времени, которое требуется в России для доставки на фронт всего необходимого.

15 ноября 1914 года.

Пришли новости о смерти лорда Робертса¹. Почти от каждого русского офицера, которого я сегод-

¹ Робертс Фредерик Слей (Герцог Робертс Кандагарский) (1839–1914) — видный британский военачальник, фельдмаршал. Родился в Индии в городе Канпур в семье генерала. Закончил Итон и Сандхэрст, на службе с 1851 года в бенгальской артиллерии. Во время Второй англо-афганской войны 1880–81 гг. командовал полком, в следующем году сделан главнокомандующим, занял Кабул и Кандагар. «Звёздный час» Робертса — сражение с армией афганского эмира 1 сентября 1880 г. близ Кандагара. В этой битве англо-индийские войска под его командованием разбили афганцев, рассеяли их армию, потеряв всего несколько десятков человек (потери афганцев доходили до 2–3 тыс. убитыми). Соглашением с новым правителем страны Робертс отказался от завоевания страны, но уста-

ня встретил, и от всех коллег-союзников я получил искренние соболезнования — все без исключения, кто знал «Бобса», любили его. Его Величество прислал мне самые сердечные выражения сочувствия в связи с прискорбным событием.

19 ноября 1914 года.

День именин здешних уланов. По этому торжественному случаю мне вручили стакан водки. Вниз по глотке словно прошествовала факельная процессия — лучше бы я выпил старого доброго бренди.

2 декабря 1914 года.

Император сообщил мне о смерти бедного князя Николая Радзивилла, который прибыл из Англии вместе со мной. Во время прогулки по палубе, когда мы вспоминали былые деньки в Южной Африке, он предсказал собственную гибель и напроорочил, что следующая большая война будет между нами и Россией. Боже сохрани!

Японский генерал Оба, которого все здесь очень любят, пожаловался, что ночью мучился кошмара-

новил контроль над её внешней политикой. В 1885 г. назначен главнокомандующим в Индии, в ноябре того же года открыл боевые действия против Бирмы и к 1 января 1886 г. объявил о её присоединении к Британской короне. С 1895 года сделан главнокомандующим в Ирландии и фельдмаршалом. В декабре 1899 г., во время англо-бурской войны, был назначен главнокомандующим действующей армией на юге Африки, добился перелома в войне и к 5 июня 1900 занял Преторию, объявив о присоединении Трансвааля и Оранжевой республики к Британской империи. В 1901–04 гг. именовался главнокомандующим всеми британскими войсками, пока этот пост не был упразднён. С началом Первой мировой войны 1 августа 1914 года отправился на театр военных действий, но вскоре умер от пневмонии.

ми из-за того, что накануне я водил его на чересчур длинную прогулку.

Я развил эту мысль, предположив, что ему пригрезился немецкий кайзер с торчащими вверх усами, причем на конце одного уса сидела желтая мышь, а на другом — розовая. Это немало позабавило генерала, и утром он приветствовал меня фразой: «Bon jour, pas de souris jaunes hier soir, n'est pas?»¹

Всех порадовала новость о победе адмирала Стэрди.

Император, подняв тему общения на иностранных языках, спросил меня, был ли я в Индии в то время, когда небезызвестный губернатор, которому пришлось как-то раз поддерживать разговор по-французски, сморозил, имея в виду период своей службы в Британском правительстве: «Quand j'étais dans le cabinet...»²

Я ответил, что знал губернатора, о котором идет речь.

20 декабря 1914 г.

Я написал лорду Китченеру³ следующее:

¹ Ну как, желтые мыши вечером не досаждали? (*фр.*)

² В бытность мою в кабинете... (*фр.*). Здесь непереводаемая игра слов: французское cabinet переводится как «кабинет», «шкафчик» и «правительство».

³ Китченер Горацио Герберт (1850–1916) — видный британский военачальник и политический деятель эпохи колониальных войн конца XIX века. С 1899 г. генерал-губернатор Судана. В 1900–1902 гг. (во время англо-бурской войны) главнокомандующий в Южной Африке. В 1902–1909 гг. главнокомандующий в Индии. С 1910 г. член Совета обороны. В 1911–1914 гг. представитель английского короля и генеральный консул в Египте; фактически стал полновластным правителем этой страны, оттеснив правителя — хедива — на второй план. В годы Первой мировой войны был военным министром

Состоящие при Верховном Главнокомандующем представители союзных держав. Слева бельгийский капитан Сема, сербский подполковник Лонткиевич, английский генерал Вильямс, французский генерал маркиз де Лагиш, бельгийский генерал барон де Рикель и японский генерал Оба. Ставка 1914 г.

«Задержка наступления и слухи о тяжелых потерях, которые несут русские, вызывают у меня

Великобритании. На этой должности проявил себя как один из создателей мощной сухопутной армии, выдающийся организатор армейского снабжения. Сторонник осторожных военных действий. В 1915 г. поддержал Дарданельскую операцию английских и французских войск, однако после ее провала осенью этого же года выступал за эвакуацию Галлиполийского полуострова. С конца 1915 г. занимался административными вопросами. Летом 1916 г. по приглашению Императора Николая II Китченер решил отправиться в Россию для обсуждения проблем, связанных со снабжением Русской армии. Отплыл из Англии 5 июня 1916 г. на броненосном крейсере «Хемпшир». Крейсер наткнулся на мину, установленную германской подводной лодкой U-75, и затонул, при этом Китченер и большинство сопровождавших его лиц погибли, лишь 12 человек спаслись. В России и Англии все были потрясены этой катастрофой, так как поездка Китченера держалась в строгом секрете.

озабоченность здешней ситуацией. Мои тревоги подтвердил разговор с французским военным атташе генералом маркизом де Лагишем, который слышал об острой нехватке винтовок, тяжелых орудий и боеприпасов (особенно орудий и снарядов).

Ввиду отсутствия приличного шифра я решил съездить в Петроград посмотреть, что можно сделать, и переговорить с послом. Я попросил аудиенции у начальника Генерального штаба генерала Янушкевича, доложил о моей предполагаемой поездке и сказал, что буду рад любой информации о положении дел, так как, возможно, смогу отправить в Англию телеграмму из нашего посольства, где есть хорошие шифры, которых, как я уже говорил, у меня не было.

Янушкевич подтвердил слухи о нехватке оружия и боеприпасов, существенно замедлявшей наступление, добавив, что командующие армиями крайне разочарованы отказом в просьбе наступать, но наступление, безусловно, было бы обречено, учитывая обстоятельства.

Я очень пожалел, что Янушкевич не высказался раньше, но что толку плакать над пролитым молоком. Оставалось лишь надеяться, что мы и дальше удостоимся доверия начштаба, и новости об очередных проблемах не свалятся как снег на голову.

В тот же день (прошое воскресенье) я уехал в Петроград, куда прибыл в понедельник, и рассказал нашему послу, что произошло. Он направил в министерство иностранных дел составленное мною сообщение, которое вы, несомненно, видели.

Когда я уезжал, сэр Джордж Бьюкенен¹ общался с послом Японии. Я надеялся, что они смогут чем-нибудь помочь, несмотря на неизбежные проволочки. Никто из союзников не знал точных потерь русских — ни людских, ни материальных, но боевые действия требовали огромного количества боеприпасов и тяжелых орудий, и было ясно, что русским придется вести оборонительную войну, пока они не будут обеспечены хотя бы оружием.

Вернувшись во вторник, я сразу отправился к начальнику Генерального штаба, рассказал ему, что происходит, и предложил направить телеграмму русскому военному атташе в Лондон, четко перечислив самые неотложные потребности. Боюсь, даже если Вы сможете оказать нам помощь, она поступит со значительной задержкой из-за сложностей с перевозками в России в зимнее время. Япония и Канада могут направить помощь через Владивосток, но в любом случае мы неминуемо столкнемся с крайне досадными проволочками.

Генеральный квартирмейстер сегодня утром сказал, что готов хоть сейчас направить на фронт 800.000 человек, но их нечем вооружить, поэтому дело застопорилось.

¹ Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — британский дипломат. В 1910–1918 гг. посол Великобритании в России. В годы Первой мировой войны был связан с кадетами и октябристами, поддерживал Временное правительство, был близок к А. Ф. Керенскому. Бьюкенен стоял за спиной сил, которые произвели февральский переворот 1917 г. Он сыграл одну из решающих ролей в свержении Императора Николая II, а затем в течение 1917 г. фактически направлял политику Временного правительства. Отозван. В 1921 г. вышел в отставку. Деятельность Бьюкенена освещается им в его «Мемуарах дипломата».

После нашей «вылазки» в начале ноября мы — мои коллеги и я — вынужденно сидим в Ставке, не имея разрешения на другие поездки, поэтому я не могу доложить, как именно обстоят дела на фронте. Известно лишь, что офицеры крайне разочарованы идеей отступления. При этом я не могу отделаться от пренеприятного ощущения, что кое-кто предвидел подобное развитие событий, но не потрудился действовать достаточно быстро.

Все свежие части, которые перевозят по нашей линии, находятся в хорошей физической форме и хорошо экипированы, однако не могу сказать, какие у них офицеры. Остаюсь с совершенным почтением, Д. Хэнбери-Уильямс».

28 декабря 1914 г.

Обедал с Его Величеством в императорском поезде. После ленча Николай II подошел ко мне и заговорил о моем предке, сэре Чарльзе Хэнбери-Уильямсе, который был послом в России в эпоху Императрицы Екатерины (в то время Великой Княгини).

Затем Император перешел к важнейшим вопросам вооружения, нехватка которого уже ощущалась чрезвычайно остро и стала серьезнейшей проблемой. Его Величество сказал, что очень обязан мне за то, что я обратил внимание Генерального штаба на вопросы поставок из США и Канады, трудности с транспортировкой, вызванные русской зимой, методы ведения дела и необходимость действовать немедленно, если они хотят разместить заказы в указанных странах (пять лет прожив в Канаде и неоднократно бывая в США, я кое-что знал о тамошних методах ведения дел).

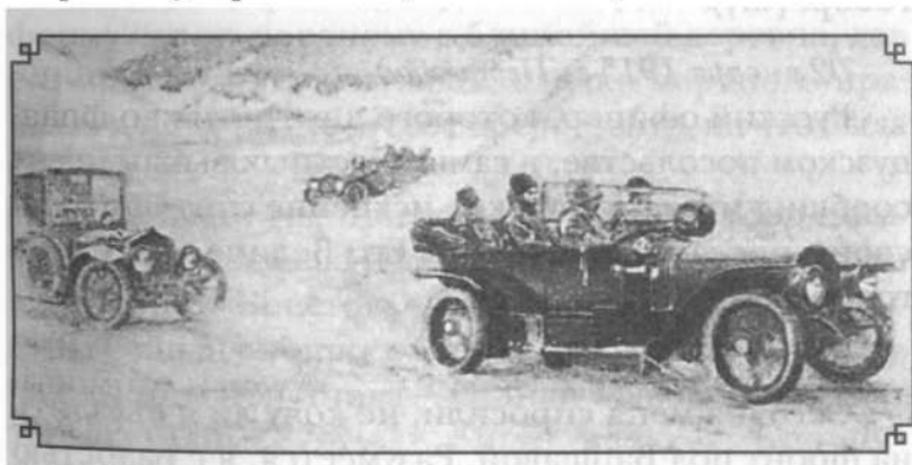
Его Императорское Величество сказал мне, что отдал приказ о немедленном принятии всех необходимых мер.

Боюсь, правда, его приказ не возымеет большого эффекта: снабжение боеприпасами — долгая история, полная неминуемых проволочек и затруднений.

30 декабря 1914 г., Дарданеллы.

Сегодня за мной прислал Великий Князь Николай, ожидавший меня вместе с начальником Генерального штаба. Мой друг, князь Голицын, предупредил меня о характере предстоящего разговора.

Главнокомандующий сказал мне, что положение на Кавказе очень серьезно, турки собирают значительные силы, и хотя он мог удержать корпус Кавказской армии на предназначенном для нее фронте, но не стал этого делать и доложил командующему Кавказским фронтом, что намерен продолжать воевать как можно лучше. При этом он выразил уверенность, что наша (то есть Велико-

*Его Императорское Величество Государь Император на пути из Сарыкамьша на передовые позиции с. Меджингерт Русский.
1-е декабря 1914 г.*

британии) демонстрация сил послужила бы общим интересам союзников, вызвав смятение среди турок и тем самым облегчив положение русских войск на Кавказском фронте. Привыкнув практически подходить к любому предложению, я ответил, что, насколько мне известно, британская армия недостаточно сильна, чтобы выделить достаточно солдат для военной экспедиции, но на всякий случай осведомился, будет ли полезна Кавказскому фронту, по мнению Великого Князя, демонстрация нашей военно-морской мощи.

Великий Князь с радостью ухватился за это предложение.

(N. В.: Эта беседа представляет некоторый исторический интерес, ибо именно она положила начало тому, что впоследствии получило свое развитие под именем Дарданельской операции, хотя в тот момент я и представить не мог, к сколь значительным последствиям со временем приведет наш разговор. [...])

02 января 1915 г., Петроград

Русский офицер, которого я встретил во французском посольстве, в самых лестных выражениях сообщил мне, что русские искренне считают меня своим преданным другом и Его Величество много говорит обо мне.

Пятница, 8 января 1915 г.

Сегодня меня спросили, не хочу ли я съездить на фронт под Варшавой. Разумеется, я с радостью согласился. Все поезда задерживались из-за сильнейших снегопадов: мы должны были отправиться в пять вечера, но остались на ужин и выехали

только в девять. Японский генерал Оба и полковник Муханов, офицер русского Генштаба, сопровождали нас с Лагишем и капитаном Ланглуа, французским офицером, присланным генералом Жоффром для пушного веселья. Бельгийцы вели себя тихо.

Отбыли в одиннадцать вечера; на следующее утро я проснулся в настоящей канадской пурге. Накануне утром Ланглуа заказал русскую военную форму еврей-портному в ближайшей деревне, дав ему время до десяти часов, однако портной управился к пяти (можете себе представить, на что была похожа эта форма).

В Варшаву мы приехали в полдень. Под ногами — снеговая каша и лед. Прямо с поезда поехали в гостиницу «Бристоль», где меня ожидала телеграмма из Ставки с вопросом, не соглашусь ли я принять еще одного попутчика — Стэнли Уошберна, репортера из «Таймс».

В семь тридцать отобедали в польском «Охотничьем клубе». Я сидел рядом со своим старым другом М. (он долго жил в Германии), который счи-

*Джон Хэнбери-Уильямс
и корреспондент английской
газеты «Таймс» Стэнли Уошберн*

тал, что немцы будут обороняться долго и упорно, но политико-экономические беспорядки (недостаток боеприпасов), постепенное осознание невозможной военной ситуации и чудовищные потери, которые несет армия, могут привести к коллапсу в любой момент. Он сказал, что у русских крайне мало оружия и боеприпасов. С его слов, около месяца назад военный министр нанес визит в Варшаву — посмотреть, что можно сделать на тамошних заводах, чтобы увеличить выпуск продукции, и получил ответ: «Найдете уголь — будет вам работа», однако немцы, которые сожгли много угольных складов, положили конец этому начинанию.

Мы оставались в клубе до позднего вечера, после чего я пешком вернулся назад с моими французскими приятелями и Обой.

Воскресенье, 10 января 1915 г. Варшава.

Утром 10-го мы поднялись рано. Перед самым выходом я получил телеграмму из Англии о распространении новостей об успехе русских на Кавказе и по возвращении передал ее Великому Князю.

Как обычно, неточная информация: говорили, едем на два-три дня. Со сложенной сумкой я сошел вниз, где узнал, что мы вернемся сегодня вечером. Оставил Кея и вещи, как и все остальные.

Подали спецпоезд до Гродицы. Добрались туда к десяти утра (в третий раз я приезжаю в этот город) и обнаружили, что штаб-квартира Второй армии (генерал Смирнов) расположена в женской лечебнице «Лечение покоем», как и раньше. Смирнов командует тремя армейскими корпусами — Вторым Сибирским, Четвертым и Первым.

Раздобыли два мотора¹ и поехали, несмотря на настоящую метель, как в Новой Англии (снежный шквал и наледь): Муханов и два француза в одной машине, японский генерал, Уошберн и я — в другой. Привычно плохие дороги и пронизывающий ветер, который порывами нес хлопья снега по широкой степной равнине. Поели в дороге, стараясь воздерживаться от чеснока.

Прибыли в штаб-квартиру Первого корпуса, где пришлось на некоторое время задержаться — нам сказали, до утра мы все равно ничего не увидим. Разумеется, мы согласились, хотя не имели при себе самого необходимого, даже зубной щетки. Я взял с собой мои карты и роман ценою в шиллинг, совершенно бесполезные с точки зрения надеть на ночь или почистить зубы.

Очень приятный старый генерал-командующий, удобный дом, полный гравюр с Наполеоном на поле боя, которые в этих краях можно увидеть во многих жилищах.

На этот раз мы особенно настаивали, чтобы нас проводили к передовым позициям артиллерии — ближе, чем позволялось ранее. Сам генерал, обремененный годами и некоторой тучностью, казалось, больше склонялся остаться дома присматривать за поваром, чем сопровождать нас, но выбрал своего начальника штаба, намекнув знать свое место, и снабдил нас лошадьми и казачьим эскортом с условием не соваться на передний край, пока не стемнеет.

После ленча мы забрались на казачьих лошадок и поехали в штаб-квартиру дивизии. Снежная буря

¹ Автомобилья.

не унималась, но мне досталась низенькая лошадка с замечательно игривым норовом, так что я не только не замерз, но даже взмок. В отдалении слышалась мощная канонада; мы резво потрусили туда, радуясь возможности размяться после путешествия в авто.

В штаб-квартиру артиллеристов мы добрались к четырем часам. Здесь нам сказали, что до темноты ехать дальше нельзя, ибо немцы, как мы и сами прекрасно слышали, как раз обстреливали дорогу. Однако мы все-таки рискнули и еще засветло достигли ближайшей батареи. Командир батареи рвался дать несколько показательных залпов специально ради нас, но у нас возникли сильные сомнения в целесообразности этой стрельбы, и мы с Лагишем выразили более экономические взгляды на расход русских боеприпасов, чем даже сами артиллеристы. В конце концов нам удалось убедить их пропустить этот пункт программы. Мы продолжили наш путь в сгущавшихся сумерках, пока казачий эскорт не остановился. Нам велели спешиться и дальше двигаться пешком. Уже порядком стемнело. Мы прошли через густой и поистине нескончаемый сосновый бор, миновав несколько батарей, очень удачно расположенных и, как нам сказали, приносящих много пользы, и добрались до линии окопов глубиной примерно пять футов шесть дюймов (тамошнюю песчаную почву легко копать). По окопам мы передвигались пригнувшись и короткими перебежками, как кролики.

Тем временем орудийный огонь ослабел, и тишину нарушали лишь отдельные винтовочные выстрелы русских, настолько регулярные, что я поинтересовался, не является ли их целью внушить немцам,

что русские еще не заснули. Меня заверили, что это лишь «нервная пальба», то есть отдельным солдатам, измотанным напряжением ночных дозоров, мерещится, что враг подбирается к окопам. Я почти усомнился в справедливости этих слов, настолько правильными казались интервалы между выстрелами, однако виной тому, пожалуй, был пронизывающий холод безлунной ночи.

Переходя на рысь при звуках летящих снарядов и винтовочных выстрелов, мы добрались до передовой, где попали в офицерский окоп, оказавшийся очень уютным — с часами и застекленным окошком. Пробравшись еще немного вперед, чтобы получить наилучший обзор, мы некоторое время посидели в окопах, тихо переговариваясь. Я спросил, пред-

Атака

принимали ли немцы попытку решительной атаки, и получил ответ, что они вообще не показывались. Война на данном участке фронта практически перешла в артиллерийскую дуэль. Боюсь, российская сторона израсходовала больше снарядов, чем немецкая, без особой на то пользы: по грубой прикидке, русские расстреляли по десять снарядов на один немецкий. Если только немцы не снимались с позиций, прикрывая огнем свой уход, то, боюсь, они проявили куда больше практической смекалки: не в силах обнаружить отлично замаскированные батареи русских, они предпочли не расходовать по ночам снарядов и патронов. В тот период времени, о котором я пишу, эта часть фронта хорошо снабжалась боеприпасами, люди были здоровы, а потери относительно малы.

В темноте мы почти беззвучно отползли назад по окопам, каким-то чудом угадав наших казаков и лошадей на опушке леса. Ночь была чернейшей, а темнота — густой и непроглядной, как в Индии, Африке, Египте, Бирме или Канаде: ни проблеска, ни звездочки, чтобы осветить тропу в снегу. Державший мою лошадь казак каким-то образом меня узнал. В седло садились наощупь, предварительно убедившись, с какой стороны у лошади голова, чтобы не оказаться на коне задом наперед.

Почувствовав всадников, лошади инстинктивно сбились вместе, и мы двинулись вперед — горстка офицеров и проводники-казаки, напоминая уже не кроликов, как в окопах, а скорее выводок куропаток.

Мили две казаки вели нас безошибочно. Единственная примета, которую мне удалось разглядеть

в темноте, — огонь костра, треугольником разложенного в глубокой яме на обочине дороги. Но через милю или две запутались даже казаки, обладавшие острыми, как у краснокожих индейцев, глазами. Некоторое время мы ждали на развилке дороги, пока дружественный пикет не одолжил нам фонарь со свечой. Ведущий нас казак повесил фонарь на железное стремя и снова повел нас вперед. Так, освещая путь свечкой (ни дать ни взять — поход генерала Шермана на Атланту), мы торжественно шествовали по лесной просеке. Лошади то и дело оскальзывалась на обледенелых участках, которые, подтаяв, стали еще более скользкими, словно их смазали жиром. Глубокую тишину нарушал лишь звук очередного снаряда.

Наконец мы спешили у гостеприимных ворот старого генерала, поужинали и сразу же отправились спать. Японский генерал, Уошберн и я расположились в гостиной, где для нас разложили несколько маленьких походных кроватей (укрылись мы очень тепло, но снизу поддувало).

После завтрака в семь часов мы немедленно отбыли в штаб-квартиру пехотного полка, размещавшуюся в старом замке, которым ведала сестра Красного Креста.

Оттуда мы пешком направились на артиллерийские позиции, где продолжалась оружейная дуэль. Почти ползком пробравшись по лесам, чтобы не выдать местонахождение редко расставленных батарей, мы поднялись на гребень горы, откуда открывался вид на долину реки Равка. Наши пушки вели интенсивный обстрел вдоль всей линии огня. Мы отлично видели позиции противника;

*Государь Император среди офицеров Ивангородской крепости
30 октября 1914 г. Около Его Величества генерал Шварц,
генерал-адъютант Сухомлинов, Великий Князь Николай
Михайлович, генерал Воейков и др.*

воздух дрожал от пронзительного свиста немецкой шрапнели. Я не мог видеть передвижения пехоты противника, но артиллерийский офицер, командовавший батареей, возле которой мы находились, сказал, что мощная пехотная колонна днем раньше ушла на северо-восток — возможно, на Скерневицы, вновь оккупированные немцами.

Вторник, 12 января 1915 г. Варшава.

Настоящий русский старт: нам сказали подняться очень рано и настроиться на долгий день посещения передовой на другом направлении. Мы спустились вниз к восьми утра и болтались без дела до одиннадцати, тщетно высматривая машины. Терпеливо ждали до половины двенадцатого, когда один из штабных офицеров предложил нам завтрак.

В результате выехали в двенадцать — слишком поздно. Установилась холодная оттепель, но выглянуло солнце, и мы поплыли через океаны грязи к штабу командира соединения. Нас высадили в грязевое озерцо; пришлось письменно просить разрешения двигаться дальше. В ожидании мы следили, как русские стреляли в немецкий аэроплан, круживший высоко над нами, но видели лишь маленькие белые клубы дыма от шрапнели. С сожалением замечу, что германский аэроплан улетел невредимым.

В сопровождении штабного офицера мы пешком направились к батарее. И сопровождающий, и его карта оказались почти бесполезными, так что мы шли на звук канонады через лес и какие-то поля. Вышли к небольшому хутору, где снарядом сожгло амбар и конюшню. Во дворе у коновязи валялись двадцать или тридцать убитых лошадей — видимо, они были привязаны, когда начался обстрел.

Канонада становилась сильнее — своего рода прощальный салют перед наступлением темноты, когда обе противоборствующие стороны слегка облегчаются перед ужином. После оружейных залпов и редких винтовочных выстрелов настала тишина. Вдали можно было видеть зарево над горящими домами в ближайшем городке. Немцы всегда выпускали пару снарядов по пехоте на ночь глядя, чтобы вызвать смятение среди солдат.

Остановились у одной из батарей, где бойцы отдыхали после дневных трудов. В сгущавшейся темноте отчетливо виднелись огоньки множества костров. Становилось поздно, а нам еще предстояла обратная дорога, поэтому мы шлепали по колёно в грязи мили полторы до автомобилей и вернулись

в Варшаву. В штаб добрались ранним утром тринадцатого января.

(Вышеприведенный отрывок может служить иллюстрацией всех инспекционных поездок на фронты, которые мы предприняли за время пребывания в Ставке).

Вторник, 13 января 1915 г.

Десятого числа ездили с инспекцией из Гродиц до Воли Пекосене и оттуда — до Паплина, а одиннадцатого — в Оссу, где после описанного выше посещения артиллерийских позиций перешли к поддерживающей пехоте. Командующий пехотными частями полковник оставил свой первый штаб и переехал в более скромное по размерам жилище из-за опасной близости к линии огня: шальной немецкий снаряд насквозь прошел соседний дом, убив двух человек, и закончил свою карьеру в первом полковничьем штабе.

Очень красивая здесь местность, более освоенная и лесистая. От Оссы линия обороны русских круто сворачивает к юго-западу, к Новомясто.

Съездили в штаб армии в Гродице, где переговорили с немецкими пленными, назвавшимися солдатами Восемнадцатого полка Двадцатой резервной армии, воевавшими, по их словам, с середины августа. Они нимало не сомневались, что их войска дойдут до Варшавы, и, несмотря на худобу и жалкий вид, весьма гордились будущим успехом немецкой армии. Однако их поведение и готовые ответы заставляли заподозрить, что солдат тщательно учили, что говорить, оказавшись в плену.

Достав машину, поехали в Варшаву около 9 часов утра.

24 января 1915 г.

Снова встал вопрос о содействии с российской стороны во время Дарданелльской операции. По этому поводу я долго беседовал с Великим Князем и князем Кудашевым.

Последний сказал, что положение на Кавказе облегчилось благодаря успехам Русской армии, и подчеркнул, что не указывал, какими методами мы должны пользоваться, чтобы оттянуть на себя силы турок, заставив их снять войска с Кавказского фронта, и никогда не гарантировал содействия с российской стороны, но что российская сторона, безусловно, окажет помощь, если представится такая возможность.

Русский Генеральный штаб подчеркнул, что Черноморский флот, с учетом затянутых сроков постройки дредноутов, при скудности эсминцев и недостатке современных субмарин, по мощности недостаточно превосходит турецкий флот (считая последний, естественно, вместе с крейсерами «Гебен» и «Бреслау»). Более того, прибавил он, это соотношение сил проявится лишь в случае выступления всех до единого судов; отсутствие одного-двух немедленно склонит чашу весов на сторону турок. Конструкция российских судов такова, что они могут брать на борт четырехдневный запас угля, а загрузка углем в море была названа чрезвычайно сложной задачей, учитывая плохую погоду и сильное волнение, обычные для Черного моря зимой. Ближайший угольный порт находится в пределах суточного хода от Босфорского пролива.

Как бы сильно ни желали они помочь Британскому флоту, руки у них связаны.

Турецкие батареи, расположенные на берегах Босфора, учитывая число и калибр их орудий по сравнению с вооружением российского флота, оставляют небольшую надежду на успех последнего.

Когда встал вопрос о помощи союзникам в рамках договора о военном альянсе, то единственное, что Россия могла сделать после взятия Дарданелл, — это выделить два армейских корпуса, перебросив их с передовой в ущерб основному театру военных действий.

На Кавказе даже взятием Эрзерума не удалось добиться полного поражения Турции.

Укрепление военно-морских сил на Черном море за счет дредноута «Императрица Мария» и современных эскадренных миноносцев и субмарин ожидалось лишь в мае.

Николаев. 15 апреля 1915 г. Его Величество в сопровождении директора завода Дмитриева обходит мастерские завода

Великий Князь считал чрезвычайно важным выступление союзников против Турции: ее поражение, безусловно, вызвало бы огромный резонанс на Балканах.

Он не мог обещать поддержку морских или сухопутных сил, но при любой возможности приложил бы все усилия для всемерной помощи союзникам. [...]

7 февраля 1915 г. Ставка Главнокомандующего.

Обедал с Императором, который прибыл в Ставку, желая подробно узнать о прибытии наших частей во Францию. Он очень доволен успехом адмирала Битти, который был в России предвоенным летом и произвел на Императора большое впечатление.

Также Его Величество пожелал услышать все о моей последней поездке на фронт и о Стэнли Уошберне, корреспонденте «Таймс», о котором я отозвался в высшей степени положительно, как об очень лояльно настроенном к России человеке.

Его Величество вспомнил высказывание Гарибальди о том, что если разразится большая война, первые шесть месяцев определяют исход, а следующие шесть — закончат войну, но высказал опасение, что в данном случае Гарибальди плохой пророк.

Он склонен верить данным разведки, в которых сообщается, что немцы решили послать все свои субмарины (кажется, сто десять, если у них столько наберется, в чем Император сомневается) в британские территориальные воды — потопить все корабли, которые удастся. Также планируется подвергнуть наш флот массовой атаке цеппелинов.

15 марта 1915 г.

Встретив Императора на одной из его долгих прогулок в Ставке, я, естественно, сошел с дороги, уступая ему путь, за что он выбрал меня за ленчем.

Его Величество прекрасный ходок — придворные буквально валяются с ног, пытаясь всюду следовать за ним. Император сказал, что я должен гулять где мне нравится, не боясь встретить его самого или кого-либо из весьма многочисленной свиты; кроме того, территорию круглосуточно патрулирует конная полиция.

Император заговорил о статье в «Современнике», где поднималась тема содержания будущего мирного договора, и заявил, что единственно правильными условиями будут условия союзников, добавив, что уничтожение морской и сухопутной военной машины Германии унесет за собой значительную долю влияния кайзера, которым обусловлена милитаристская политика Германии.

Его Величество расспрашивал о моей семье. Позже он прислал мне много английских газет, иллюстрированных и прочих, и любезно продолжал это делать все время, пока я находился в Ставке. Император выглядит очень хорошо — привлекательный, подтянутый, всегда в ровном, хорошем настроении.

18 марта 1915 г.

Говорил с Его Величеством о письме, недавно полученном от Стэнли Уошберна. Он писал: «Я считаю серьезной ошибкой русских полное недопущение «саморекламы». Когда дела у России идут плохо, как, например, в Восточной Пруссии, вся пресса,

особенно американская, пестрит сообщениями Германии о якобы захваченных пленных, а когда дела у русских идут хорошо, об этом сообщается лишь в кратких официальных коммюнике. В результате лучшие новости из России выходят в наикратчайшем, куцем виде. Как следствие, наблюдается некоторое охлаждение британского общественного мнения. Русские настолько препятствуют любой «саморекламе» и огласке любого легального толка, что беспрецедентная для мировой общественности возможность прочесть о ее армии и новом духе русских бездарно теряется. Очень, очень жаль».

Секретность здесь, конечно, носит преувеличенный характер. Это проистекает из опасения, что новости попадут не в те руки, и из русского презрения к любым шифрам, кроме своих собственных.

Боюсь, однако, что дело не сдвинется с мертвой точки, потому что хотя Император видит проблему, он не станет вмешиваться в сложившийся порядок вещей. В этом отношении мне приходится трудно. Очень кстати пришлось письмо от нашего как всегда доброжелательного посла сэра Джорджа Бьюкена, сообщавшего: «В своей переписке с министерством иностранных дел я уже просил обратить внимание на Вашу прекрасную работу, подчеркнув, насколько Вас ценят и любят в Ставке Император и Великий Князь».

19 марта 1915 г.

Присутствовал на ленче с Его Величеством, которого немало развлек недавний киносеанс. Одна сцена, явно снятая на Ривьере, изображала купающуюся леди, на которую напал лобстер; бедняжку

спас очень толстый джентльмен, внешне смахивающий на оперного певца.

Его Величество невинно спросил, водил ли я уже на прогулку японского генерала Накаиму, сменившего в Ставке Обу. Император явно подтрунивал надо мной, ибо в ответ на мое приглашение на «une petite promenade»¹ Накаима поспешно ответил: «Excusez-moi, Excellence, mais General Oba m'a déjà parlé de vos petites promenades, et mes pieds sont tres courtes»².

Он намекал на тот случай, когда после нашей совместной пешей прогулки Оба едва добрел обратно.

20 марта 1915 г.

Император говорил о хороших новостях из Франции, упомянув, что действия немцев напоминают поведение затравленного зверя, но не соблаговолит сообщить мне подробности.

Позже он прислал мне новости о возникшей в Дарданеллах проблеме.

22 марта 1915 г.

Слышал о падении Перемышля. По этому случаю за ленчем мы впервые выпили шампанского. Император выглядел очень довольным хорошей новостью.

27 марта 1915 г.

Получил от Императора, который сейчас находится в Петрограде, «Таймс» с опубликованной

¹ Маленькую прогулку (фр.).

² Извините меня, экселенц, но генерал Оба мне уже рассказал о ваших «маленьких» прогулках; для них у меня слишком короткие ноги. (фр.)

речью Китченера в палате лордов, очень заинтересовавшей Его Величество.

Надеюсь, это подстегнет решение проблемы со снабжением Русской армии оружием и боеприпасами.

19 апреля 1915 г.

За обедом мне пришлось подробно рассказать Его Величеству о моей недавней поездке в Карпаты.

19 мая 1915 г.

Получил телеграммы с поздравлениями в адрес Русской армии от лорда Китченера и сэра Джона Френча, которые доставили большое удовольствие

*Ставка. Апрель 1915 г. Его Императорское Величество
Государь Император, генерал-адъютант Фредерикс,
Св. Е. В. Генерал-майоры Воейков, граф Граббе,
князь Долгоруков, флигель-адъютанты: полковник Нарышкин
и капитан 2-го ранга Саблин, лейб-хирург Федоров*

Его Величеству, восторженно говорившему об обо-их адресантах.

Говорили о репрессалиях, соглашаясь, что сей-час единственно правильным является спокойно относиться к тому, что произошло, а наказания отло-жить до окончания войны.

«Пусть другие компрометируют себя излишней жестокостью, если хотят, — сказал Его Величество. — А мы должны выйти из этой войны с чистыми руками».

20–21 мая 1915 г.

Оба эти дня провел с Его Величеством. За ленчем он неожиданно обратился ко мне, сказав: «Мне нра-вятся люди, которые смотрят прямо в лицо; Вас никто не обвинит в обратном». Затем он заговорил о своей давнишней поездке в Индию и что лорд Робертс всячески приглашал его в Кветту, однако дипломаты «не одобрили».

Ровно, 1915 г. Государь Император и Августейшая сестра милосердия, Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Ольга Александровна обходят раненых

Я ответил, что в 1885 году прошел маршем по горному проходу Болан до самой Кветты, спеша в Пенждех на помощь России, и мы вместе посмеялись над старой песней: «Мы не любим воевать, но уж если раскачались... И русским не видать Константинополь!»

Затем Его Величество заговорил о Египте, сказав, что видел могилы наших воинов у Тель-эль-Кебира (я участвовал в той схватке).

Жара и духота в вагоне стояли невыносимые, но Император всегда замечал, когда мне становилось не по себе, и окон в такие дни было открыто больше.

23 мая 1915 г.

Его Величество был рад услышать, что в ночь на 21 мая начальник Генерального штаба Янушкевич собрал у себя представителей союзников, и мы подписали военное соглашение с Италией. Я вновь обратил внимание Янушкевича на бесконечные проволоочки с заказами на поставки боеприпасов. Великий князь вправе ожидать большей исполнительности в делах подобной важности.

В письме из Англии сообщается, что 8 мая при наступлении двенадцать французских дивизий расстреляли по 276 семидесятипятидюймовых снарядов на орудие. Когда же мы достигнем подобного уровня?

28 июня 1915 г.

Вернулся с передовой в Ставку. После ленча Его Величество увел меня на разговор, сообщив о своем обращенном к русскому народу манифесте, который собирался издать на следующий день. Он был очень доволен «мерами Ллойд-Джорджа по поставкам бое-

припасов» и выразил уверенность в благополучном будущем снабжения фронта оружием.

Императора очень опечалила скорбная утрата, обрушившаяся на лорда и леди Стемфордхэм, чей достойный сын пал на поле брани.

Июль 1915 г.

Ходят слухи о переходе верховного командования от Великого Князя Николая к Императору.

7 июля 1915 г.

После обеда в Ставке разговаривал с Его Величеством наедине. Император держится весьма уверенно, невзирая на трудности с вооружением и прочие, и твердо намерен воевать до победы.

15 июля 1915 года.

Я сообщил Его Величеству о новых слухах, якобы мы присвоили боеприпасы и оружие, предназначавшееся для России, — одна из многих небылиц, способных причинить немало вреда. Император посмеялся и сказал, что позаботится об опровержении.

Идея послать сюда британского адмирала немало порадовала Его Величество. Наши действия в Дарданеллах, независимо от возможного результата, тоже произвели благоприятное впечатление (по крайней мере, на некоторых наших русских друзей): они сослужили России хорошую службу, оттянув на себя значительные силы турок, которые иначе могли бы выступить на Кавказе.

4 августа 1915 года.

Варшава пала. Это не стало неожиданностью, но явилось для всех нас большим ударом. Великий

Князь не обескуражен, но после всего, что он уже сделал и совершил бы в будущем, ему тяжело сознавать, что причиной неудач стало отсутствие столь остро необходимого оружия и боеприпасов.

Однако немцы не достигли своей основной цели — раздробить Русскую армию и разбить ее.

Алексеев сказал мне, что на позициях все готово к отступлению и обороне Петрограда — руководящего центра России.

18 августа 1915 года. Петроград.

Ходят слухи о революции и сепаратном мире с Германией. Поговаривают, что в Ставке Император держится твердо и способен на волевые решения, однако вне Ставки подпадает под чужое влияние и слабеет духом. Однако, насколько я знаю Его Величество, он при любых обстоятельствах сохранит нерушимую верность своим союзникам.

Спокойно и беспристрастно оценивая создавшееся положение, я могу с уверенностью заявить, что:

1. Высказывается множество нападок, если не хуже, на задержку наступления союзников во Франции;

2. Нервы людей до предела натянуты затянувшимся отступлением; растет раздражение против тех, кто кажется им настоящим бедствием для России — у всех так и чешутся руки найти и повесить виноватого;

3. Они не понимают, что сами и только сами виноваты в провале снабжения действующей армии оружием и боеприпасами;

4. Пресса не принимает активного участия в освещении событий.

Nicholas

1914.

Государь Император Николай II

Игнорировать признаки надвигающейся опасности — непозволительная роскошь, и хотя я с трудом находил каплю истины в массе панических слухов, не было сомнения, что в стране очень беспокойно и что без самых срочных мер ситуация станет не просто плохой, а очень плохой.

Ввиду создавшегося положения дел Ставка будет переведена на фронт.

6 сентября 1915 года.

Сегодня Его Величество принимает на себя командование действующей армией, а Великий Князь Николай отправляется на Кавказ в качестве генерал-губернатора и командующего Кавказским фронтом — великий раздел вооруженных сил.

В десять утра мы выстояли обедню в честь прибытия Его Императорского Величества. Служба была короткой, но красивой и торжественной: золотые митры и облачения священнослужителей, казалось, горели еще ярче на фоне черного платья остальных.

Император стоял впереди всех, один; остальные слушали обедню, выстроившись рядами позади Великого Князя, с которым я ежедневно общался начиная с августа 1914 года и который назавтра уезжал. Между тем атмосфера накалялась от слухов и вражеских интриг. Принимая на себя командование армией, Царь автоматически брал на себя огромную ответственность и получал огромную власть. Если бы он только захотел ею воспользоваться, если бы он мог воочию увидеть исполнение своих желаний, а не только непреодолимые препоны, постоянно возникавшие в его государстве...

Николай II всегда был очень добр и открыт в разговорах со мной, а его превосходный английский и прекрасное знание британских порядков существенно облегчали наше общение.

Я получил письменное приглашение отобедать в императорском поезде. Получилась небольшая прелестная вечеринка; Его Величество принимал участие во всех разговорах и, кажется, пребывал в хорошем расположении духа.

После обеда он послал за мной, пригласив в свой маленький кабинет, и сказал, что с самого начала войны намеревался принять личное командование армией, но его сдерживали давление правительства и дипломатические вопросы в Петрограде.

Однако теперь он чувствует, что момент настал, что в трудное время его долг — быть рядом со своими солдатами и что в генерале Алексееве он нашел преданного слугу, хорошего начальника Генерального штаба и опытного военного советника.

Я спросил, как мне теперь с ним держаться (не как с Императором, разумеется, но как с Главнокомандующим) и как я впредь должен излагать дела. Его Величество настойчиво просил вести себя с ним так, как я общался с Великим Князем: «Вы можете попросить об аудиенции в любое время, когда захотите, я буду только рад обсудить дела. Есть у вас сейчас что-нибудь на уме?»

Я рассказал о двух срочных вопросах — состоянии дел в порту Архангельска и строительстве новой железной дороги от Александровска (Мурманское направление).

По поводу последнего Его Величество сказал: «Я глубоко заинтересован в этом строительстве —

идея этой железной дороги принадлежит моему отцу, и я хочу — по многим причинам — видеть, что дело движется».

Я рассказал, как Великий Князь Николай говорил мне при расставании, что он уверен — мы с Императором поладим так же, как и с ним, и о том, что высоко ценит Алексеева.

Думаю, Императору было очень приятно это слышать. «Он вам лично это сказал?» — переспросил Его Величество, и я был рад доказать в дни злонамеренных слухов и вредоносных сплетен, какую лояльность и поддержку он имеет со стороны своего предшественника на посту Главнокомандующего.

Мы поговорили еще немного и, когда я прощался, Его Величество добавил: «Вы знаете, каковы теперь мои полномочия. Я могу отдать любой приказ, какой заблагорассудится, и добиться его выполнения, помните это».

9 сентября 1915 года.

Его Величество расположился на постой в доме генерал-губернатора г. Могилева, где теперь находится Ставка.

Молебен перед сражением

12 сентября 1915 года.

Мы устраиваем ленч для военных миссий союзников и ежедневно обедаем с Императором.

Вчера вечером сидел за обедом рядом с Его Величеством. Получилось вылитое затруднение из «Ярмарки тщеславия»: «Что надлежит делать, если за обедом вы сидите рядом с Императором, страдаете ужасным насморком и умудрились забыть носовой платок?» Боюсь, единственным облегчением для меня были «шмыганья» носом, когда Его Величество не смотрел в мою сторону.

Мы говорили на всевозможные темы — от персидского шаха до болезненной застенчивости. По поводу последней Император сказал мне, что в молодости ездил в Берлин с государственным визитом и во время официального банкета так оробел, что не смог вымолвить ни слова. Желая помочь молодому Царю освоиться, герцог Кембриджский, сидевший напротив, громко сказал: «Ваш сосед совершенно глухой, говорите с ним погромче!», что, однако, ничуть не помогло Его Величеству побороть смущение.

19 сентября 1915 года.

Смена Главнокомандующего прошла более или менее гладко, однако в любой момент можно ожидать неожиданностей.

20 сентября 1915 года.

Беседовал с Императором по ряду вопросов, которые просил осветить сэр Джордж Бьюкенен:

1. Нехватка продовольствия и горючего в Петрограде, трудности зимнего времени, огром-

ный наплыв беженцев и влияние военной ситуации в случае мятежа. Положение Горемыкина весьма непростое.

2. Важность организации русских портов для приема и отправки припасов, особенно зимой.

Главную трудность для Его Величества представляет полное отсутствие методов, позволяющих отделить истинное от ложного. В России давно существует противоречие между дедовскими способами сто- и тысячелетней давности и современностью, но если до конца войны самодержавное правление продержится, то после ее окончания неизбежна борьба двух систем. Хотя прежде всего, конечно, необходимо эту войну закончить.

Что касается Франции, то дела не ускорили всерьез застрявшие на Галлиполийском полуострове одиннадцать наших дивизий и две французские.

В Британии, похоже, введут обязательную воинскую повинность; в этом случае можно ожидать значительного усиления наших позиций на фронтах.

25 сентября 1915 г.

Император, которому я показал краткую записку по вопросу снабжения боеприпасами, ответил, что вновь поднимал этот вопрос в Военном министерстве в Петрограде. Обнадеживающий в целом разговор Его Императорское Величество закончил словами: «Я твердо настроен вести эту войну до победы над Германией». Он сказал это очень эмоционально и был со мной добр, как обычно.

28 сентября 1915 года.

Убийство мисс Кэвелл¹ вызвало здесь волну возмущения. Один офицер сказал мне: «Может, хоть это заставит Вильсона² начать что-то делать!»

29 сентября 1915 года.

Император послал письмо с поздравлениями Британской армии вечером в понедельник; ответ пришел в три часа дня во вторник (быстрая работа в наши дни!), по поводу чего Его Величество выразил большое удовольствие.

30 сентября 1915 года.

Положительно, в этой стране даже министры не застрахованы от дорожных перипетий. Вчера к нам прибыл Совет министров; к их поезду позабыли прицепить вагон-ресторан, поэтому все доехали порядком изголодавшимися и присоединились к прибывшему раньше старому Горемыкину в пре-скверном расположении духа.

Мой сосед за столом во время обеда, глядя на премьер-министра, заметил: «Посмотрите на этого старого лиса. Как бы я хотел накрутить ему хвост!» Бедный пожилой джентльмен явно не пользуется особой популярностью. После обычного утреннего доклада начальника Императорского Генерального штаба Император был очень занят визитами министров.

¹ Эдит Кэвелл, английская монахиня и медсестра, обвиненная в шпионаже, была расстреляна немцами осенью 1915 г. в оккупированной Бельгии.

² Вудро Вильсон — президент США в 1913–1921 гг., удерживавший свою страну от вступления в Первую мировую войну вплоть до 1917 года.

*Его Величество обходит почетный караул Кабардинского
Своего имени полка на станции Вышки 29 января 1916 г.*

Один из министров завел речь о том, что болгарский царь обеспокоен судьбой своей собственности в Австрии и Германии и это скорее повлияет на его решение встать на ту или иную сторону, нежели высокие идеалы или справедливость.

Разнообразные прозвища, которыми министр осыпал болгарского государя (начиная с собаки и заканчивая свиньей), боюсь, весьма шокировали бы упомянутого государя и сразу решили вопрос выбора им союзников. В принципе изысканная вежливость русских выше всяких похвал, но вместе с тем у них превосходный словесный репертуар для выражения неудовольствия или несогласия. Мини-

стерский монолог завершился фразой: «Он — то, что ваш Гладстон называет болгарским кошмаром!»

02 октября 1915 года.

Император произвел смотр двум тысячам сибирских рекрутов — невысокие, крепкие деревенские парни хорошо маршировали и выглядели молодцами.

Мы следовали за Его Императорским Величеством в том же направлении, куда рекруты уходили с песней. После обеда Император сказал мне, что сибиряки спели много «соленых» куплетов о враге. Я прочел Его Величеству письмо моей дочери о последнем налете цеппелинов, которое его немало заинтересовало.

Мобилизация у болгар, сказал Император, проходит быстро.

04 октября 1915 года.

Вчера за обедом Его Величество рассказал, что ездил днем на автомобиле вдоль реки; остановив машину, он вышел, нанял лодку и отлично покатался, пока не стало слишком жарко. Тогда он попросил лодочника, не знавшего, кто перед ним, высадить его на берег примерно в том месте, где Императора ждал автомобиль. Лодочник спорил и возражал, настаивая на другом месте для высадки; в конце концов пришлось ему объяснить, кого он везет, и бедняга чуть не упал за борт от шока.

Император сказал мне, что уезжает с визитом в Петроград и что если я туда наведаюсь, то должен непременно навестить его в Царском Селе. Его Величество еще раз подчеркнул, что я могу видеть его лично по любому поводу и в любой момент.

*Император
Николай II
и Наследник
Цесаревич в Ставке
Верховного
Главнокомандующего*

Я вновь заговорил с ним о нехватке пушек и гаубиц; Император вполне понимает острую нужду фронта в большом количестве тяжелых орудий и тщательно запомнил требования к ним, но проволочки продолжались и после того, как он поднял этот вопрос в Петрограде.

Император говорил со мной о своих детях, которых он явно очень любит, признавшись, что иногда забывает, что он их отец, и радуется совместным развлечениям, словно старший брат. Его Величество редко говорил о здоровье Цесаревича, но сейчас я видел, что он тревожится о сыне. Полагаю,

Император отдает себе отчет, что здоровье мальчика никогда не будет крепким, и, без сомнения, серьезно задумывается, что произойдет, если Цесаревич доживет до того, чтобы унаследовать трон. Пока Николай II делает все возможное, чтобы обучить мальчика тому, что, если Цесаревич воссядет на русский престол, станет для него очень тяжелой задачей. Его Величество всей душой желает, чтобы его августейший сын мог путешествовать и видеть мир, заимствовать опыт других стран, который может быть полезен России со всеми, как выразился Его Величество, хитросплетениями этой огромной Империи.

Не знаю, есть ли у него сомнения насчет перспектив самодержавия. Когда возникали вопросы о мерах или действиях, которые неволью ожидаешь от самодержавного властелина огромной страны, Его Величество не упускал случая подчеркнуть: «Видите, каким должен быть Царь!»

Проблема в том, что если что-либо идет не так и мне приходится докладывать Его Величеству, ответственные лица начинают шевелиться, меры почти всегда принимаются немедленно, состояние дел становится внешне удовлетворительным, и так оно и оставляется. Исполнение приказов недостаточно отслеживается и, соответственно, не доводится до конца.

В эпоху Екатерины еще можно было прекрасно править, но теперь не екатерининские времена...

17 октября 1915 года.

Состоялся парад гвардейских казаков, на котором присутствовали Его Величество и Цесаревич,

а на следующий день — праздничная служба в честь именин последнего, после которой мы имели честь разделить ленч с Императором. На торжественном приеме присутствовал Стэнли Уошберн из «Таймс». Альбом фотографий, подготовленный сопровождавшим Уошберна г-ном Мьюсом, я преподнес в подарок Цесаревичу, после чего обсуждал с Его Величеством вопросы, связанные с Владивостокской железной дорогой.

*Государыня Императрица
и Наследник Цесаревич*

29 октября 1915 года.

За обедом я имел честь сидеть рядом с Ее Величеством, приехавшей в Ставку с кратким визитом.

Императрица снова расспрашивала меня о семье. Я рассказал, что сегодня день рождения моего отца, которому исполнилось бы сто шестнадцать лет, ибо он родился в 1799 году.

Ее Величество высказала свое возмущение задержанием Матери-Императрицы, следовавшей в Россию, немецкими властями. Императрица говорила о своем глубоком убеждении в справедливости целей России и союзников, возникшем у нее еще в тревожные дни перед началом войны. Страшась неизбежных ужасов войны, Ее Величество, тем не менее, полностью поддерживала Россию.

По словам Ее Величества, для нее большим облегчением стало узнать, что одним из союзников России будет Великобритания: она всегда любила нашу страну и не сомневалась, что мы не отступим от нашей цели и поддержим Россию. [...]

01 ноября 1915 года.

Вчера Император уехал, обеспокоенный сообщением о несчастном случае с королем Георгом во время верховой прогулки во Франции, но, к счастью, пришли обнадеживающие новости. Его Величество сказал мне, что неохотно покидает Ставку, так как солдатское дело ему куда больше по душе, нежели политика.

Императора обрадовал приезд адмирала Филлимора¹, которого он очень любит.

Сэр Джордж Ллойд, ставший теперь губернатором Бомбея, также нанес визит в Ставку и произвел самое хорошее впечатление на Его Величество и других.

11 ноября 1915 года.

Князь Голицын пишет мне из Тифлиса:

«Лишь замечая, как долго идут письма, осознать, как далеко мы друг от друга. Великий Князь (Николай) надеется, раз Вы побывали на всех западных фронтах, стало быть, захотите взглянуть и на Кавказский фронт, и по этому случаю просил передать, что будет рад встретиться с Вами.

Побывав в Карсе, мы отправились дальше по линии фронта. Войска, которым мы произведе-

¹ Ричард Филлимор — английский контр-адмирал, представитель Великобритании по военно-морским делам при Ставке Русской армии.

ли смотр, просто превосходны. Кроме того, очень интересно повидать места, где я не был с 1877 года (с Турецкой войны). Мы ездили в Батум, который я знавал и ранее, но все же был поражен роскошью и красотой пейзажа и пышной растительностью.

Тифлис, куда я не заглядывал шестнадцать лет, очень вырос, но это уже не тот веселый городок, каким был раньше. Возможно, это из-за войны или потому, что многих моих старых друзей уже нет на этом свете».

(N. В.: Автор письма отличился в военной кампании 1877 г.)

14 ноября 1915 года.

Съездив в действующую армию, я доложил Императору о том, что видел. Его Величество, в свою очередь, рассказал мне о своем визите на британские субмарины, как хорошо его принимали и какую замечательную работу они делают.

Пока я говорил, маленький Цесаревич, как всегда, полный веселья и проказ, подкрался сзади и схватил меня за фалды, несколько нарушив достоинство высочайшей аудиенции со своим обожаемым отцом.

Министр императорского двора и уделов граф Фредерикс попросил меня зайти к нему вечером после обеда, желая сообщить нечто особенное. Я пришел к нему после ужина; Фредерикс начал со слов о том, что наша дружба теперь особенно крепка и именно поэтому он решился со мной поговорить.

Он сказал, что получил сообщение от графа Эйленбургского, гофмейстера прусского двора

*Государь и Цесаревич принимают встречу почетного караула
на вокзале в Могилеве*

(пост, аналогичный тому, который занимал Фредерикс в России), о том, что кайзер настойчиво ищет средство вернуть дружбу русского Императора — дескать, как прискорбно, что они вынуждены воевать, и т. п., — пытаясь фактически склонить Россию к соглашению с Германией.

Это сообщение, сказал Фредерикс, было положено на стол Государю; по прочтении Император разрешил бросить письмо в огонь и обещал, что туда же полетят и другие подобные письма.

«Это мой ответ кайзеру», — сказал Его Величество.

Фредерикс добавил: «Я хотел сказать вам это лично, раз мы с вами так прекрасно ладим и вы так привязаны к Императору».

Я поблагодарил его за доверие и добавил, что никогда ни секунды не сомневался в Николае II и не думал, что он станет вести переговоры с вра-

гом, но я очень рад, что граф оказал мне честь, осведомив меня о вражеских поползновениях.

(N. В.: Я сообщил об этом моему начальству в Англию, но не узнал ничего нового. Любопытно, что в июле 1918 года «Голуа» опубликовала письмо Фредерика Массона о документе из самого надежного источника, свидетельствующем, что Император Николай II хранил абсолютную верность своим союзникам.

В ноябре 1915 года гофмейстер прусского двора граф Эйленбургский в своем письме министру Императорского двора и уделов России графу Фредериксу выразил желание восстановить прежнюю дружбу между двумя Императорами.

Царь доверил черновик ответа министру иностранных дел Сазонову, который написал: «Пусть кайзер пришлет коллективное предложение о мире всем союзникам России».

Царь нашел ответ удачным, но после некоторого размышления все же оставил письмо графа Эйленбургского без ответа, написав на полях: «Прежняя дружба умерла и больше не должна упоминаться».

В июле 1918 г. отчет об этих событиях был передан агентством «Рейтер» для британской прессы.)

15 ноября 1915 года.

Сегодня мы говорили о рыбалке; Император рассказывал о своем английском гувернере, который научил его забрасывать удочку, подсекать и вообще ловить рыбу.

Утром мы обсуждали дела, и теперь было приятно поговорить о другом.

Затеялась долгая дискуссия о слухах и сплетнях и о том, кому нужно больше доверять — политикам, дипломатам или солдатам. Видимо, под влиянием окружающей обстановки вопрос был решен в пользу последних. Его Величество всячески стремится к установлению добрососедских отношений с Англией; сейчас связи между двумя державами, насколько это зависит от него, не могли быть лучше. Великий Князь Николай прислал мне письмо с приглашением провести его на Кавказе; я сообщил об этом Императору, но обстановка пока не позволяет мне уехать.

16 ноября 1915 года.

Его Величество заговорил о сообщениях в прессе о махинациях в г. Бетлехеме (США), где выполняют крупный заказ для России. Я ответил, что подобные трудности предвидели еще на стадии размещения заказов, и указал на необходимость не уменьшать объем заказанного.

Его Величество рассказал мне о своем визите в Петроград, где разговаривал как раз по этому вопросу, а также о Рижском заливе, где начал вскрываться лед, грозивший уничтожить мины; не исключалась попытка германских кораблей форсировать залив, пока не установили новые минные заграждения. Во время последнего визита в Ригу Император уже говорил об этом и о необходимости выбить сухопутные немецкие части из ближайших районов до наступления весны.

На своих плечах Его Величество несет внушительное бремя, так как, помимо решения военных вопросов — морских и сухопутных, — осуществляет

*Император Николай II возглавляет заседание
командующих фронтами в Ставке*

управление государством и дипломатические функции, что слишком много для одного человека.

29 ноября 1915 года.

Вчера вечером Его Императорское Величество сказал мне, что, согласно имеющейся у него информации, строительство Александровской железной дороги завершится к февралю или даже в январе. Надеюсь, что так и будет, хотя, по-моему, это чересчур оптимистическая оценка. Император сказал, что обдумывает мои слова о Владивостокской железной дороге и коррупции среди чиновников этой отрасли и специально поедет в Петроград, чтобы попытаться ускорить дело.

Сколько сил Царь вкладывает в решение насущных вопросов! Если бы только его начинания подхватывались и исправно выполнялись...

12 декабря 1915 года.

Я думал отправиться в Киев, но начальник Императорского Генерального штаба пожелал, чтобы я остался в Ставке, поэтому я смог обсудить с Его Величеством идею приезда офицера высокого ранга из Англии для поддержания связи и передачи устной информации с той стороны. Император нашел идею удачной, добавив: «Я ставлю одно условие: чтобы вы не покидали нас и остались здесь».

14 декабря 1915 года.

Говоря о суевериях, которых полным-полно у русских, — например, перебежавший дорогу заяц считается дурным предзнаменованием, — хочу сказать, что имел возможность лично убедиться в силе предрассудков. Во время ночной поездки в автомобиле дорогу нам перебежал заяц, и офицер, ехавший со мной, немедленно принялся уверять меня, что это был не заяц.

В полном соответствии с русской пословицей «не было бы счастья...» плохое состояние российских железных дорог обернулось для России самым выгодным образом: сколько боеприпасов и прочего поступило бы в распоряжение германцев во время стремительного наступления в начале года при наличии здесь налаженных путей сообщения!.. Император направил в Архангельск телеграмму с приказом сделать все возможное, чтобы высвободить корабли из ледяного плена.

16 декабря 1915 года.

После обсуждения ситуации в Салониках Император рассказал мне, как получил от кайзе-

ра последнюю телеграмму буквально за несколько дней до начала войны (телеграмма была отправлена уже после начала мобилизации немецкой армии); как, смирившись с неизбежным, он начал действовать и отправился спать, лишь вымотавшись до последней степени, как сам шифровал часть посланий и какой незаменимой поддержкой и опорой стала ему августейшая супруга в те тревожные дни и ночи — Императрица вместе с ним работала над шифрами и так же, как он, возмущалась подлостью Германии.

Вернувшись к себе, я нашел записку от старого графа Фредерикса с просьбой о встрече. Я пришел к нему около одиннадцати вечера. Граф желал обговорить один-два вопроса и, как он выразился, «убедиться, что если сюда пришлют британского генерала, вы нас не покинете». Я обещал, что не уеду. «Ну что ж, — сказал Фредерикс. — Теперь я с чистой совестью смогу заверить моего Государя, что у вас нет намерения уезжать».

17 декабря 1915 года.

Приведенная ниже телеграмма была отправлена Его Величеством адмиралу в Архангельск:

«Российский Император приказывает Вам принять все возможные меры для разгрузки и освобождения изо льда британских пароходов, возвращение которых в Англию является делом первоочередной важности, учитывая острую нехватку транспорта. О состоянии дел телеграфируйте в Ставку после принятия, повторяю, исключительных мер для выполнения возложенной на Вас задачи, ибо этого требуют интересы армии».

В ответе адмирала сообщалось, что он сделает все возможное, но было ясно, что у него недостаточно ледоколов.

Я уделял много внимания вопросам Архангельского и Владивостокского морских путей. Мне было неловко говорить с Императором по этому поводу, так как Его Величество не стоило бы беспокоить подобными деталями, но в разговорах со мной Царь так часто подчеркивал важность этой проблемы, что я решил рискнуть, пусть даже меня сочтут навязчивым, и ускорить решение этих вопросов.

К Новому, 1916, году Император получил новость о своем назначении фельдмаршалом Британской армии. Это доставило ему искреннее удовлетворение и радость. Он много ездил, производя смотр своим войскам, и однажды я в шутку сказал — то были дни его «рекламы». Император ответил, что ненавидит афишировать свою персону, но, вернувшись из очередной поездки, признался, что «стал уделять больше внимания рекламе и фотографии».

Новый год я встретил в Петрограде. За мной приехал министр императорского двора граф Фредерикс и рассказал при встрече, что очень встревожен распространившимся здесь пагубным влиянием, способным причинить немало вреда нашим державам. По возвращении в гостиницу я застал сообщение из Царского Села, где говорилось, что Император хочет меня там видеть.

07 января 1916 года.

Сегодня вечером у меня состоялся длинный разговор с графом Фредериксом в его доме. Он весьма

расстроен известиями об интригах, направленных на осложнение отношений между Англией и Россией и просил меня осветить этот вопрос.

Я сказал, что для подобных сплетен нет ни малейшего основания и что сказки о нашем сближении с германцами были бы смехотворны, не будь они столь вредны.

Затем граф Фредерикс заговорил о том, чтобы не играть английский гимн при объявлении благодарности представителям союзников, так как он очень напоминает немецкий. Я объяснил, что «Правь, Британия», которую исполняют здесь по торжественным случаям, не является нашим национальным гимном (я уже упоминал об этом в разговоре с Императором).

Прощаясь, я вновь подчеркнул полную несостоятельность слухов о разногласиях между нашими странами; если недовольство и существует, то только в России, но не в моей стране. Граф Фредерикс еще раз попросил меня быть начеку, что я охотно пообещал, но подобные слухи ходят в основном в Петрограде, где я редкий гость.

09 января 1916 года.

В 11 часов я убыл в Царское Село, где пересел в присланный экипаж. По приезде меня немедленно провели к Императору, которого я имел честь поздравить с присвоением звания фельдмаршала Британии. Его Величество заверил, что мне нечего опасаться антибританских проявлений — все это слухи интриганов-вредителей, и после обсуждения старых вопросов об отправке грузов морем и затруднений с боеприпасами я уехал.

18 января 1916 года.

За обедом я показал Императору эмалевый портсигар, который мне прислали «четырнадцать валлийцев с Московского металлического завода» как сувенир на память о моем визите.

Английские рабочие работали с материалами, которые применялись для строительства аэропланов. Его Величество сразу сказал, что они должны остаться на заводе и не идти на военную службу, так как специалистов по прокатке луженой листовой стали заменить очень трудно.

14 января 1916 года.

Русский Новый год.

У меня был долгий разговор с Алексеевым и адмиралом Русиным по поводу снабжения армии боеприпасами; здесь вроде бы наметился прогресс, несомненно, благодаря энергии, с которой Император взялся за этот важнейший вопрос.

Алексеев получил орден св. Михаила и св. Георгия, чем очень доволен, и просил меня составить черновик письма с изъявлениями благодарности.

За обедом я сидел рядом с Императором, который говорил о том, что написание истории этой кампании потребует титанических усилий. Он считал, что труд о войне должен быть результатом коллективной работы всех союзников, что упрощенный вариант с иллюстрациями нужно напечатать для гимназий, и т. п.

Мы говорили о техническом образовании. Я сказал Его Величеству о письме лорда Роузбери, написанном несколько лет назад, где подчеркивалось превосходство немцев в этой сфере. Его

Государь беседует с военачальниками

Величество согласился с важностью технического образования, которое, как он сказал, «почти единственная приличная вещь, которую я могу сейчас сказать о немцах». Однако и здесь неизбежны трудности: во-первых, огромные расходы, во-вторых, старый вопрос, готовы ли русские к такому прогрессу.

Телеграмма с наилучшими пожеланиями от имени Британской армии доставила Его Величеству много удовольствия, как и другие — из Индии и со всех концов Российской Империи. «Времена меняются, — говорил он. — Представьте, Российский Император получает поздравления из Индии!»

19 января 1916 года.

Ходили на «благословение вод». Император вел процессию к реке, следуя сразу за архиепископом и другими священнослужителями. Было около

20 градусов мороза, но во льду прорубили отверстие для церемонии.

За обедом Его Величество сказал мне, что доволен речью сэра Джорджа Бьюкенена в Петрограде, и упомянул, что одной из разжигательниц антибританских настроений оказалась дама, вышедшая замуж за австрийца и проникшаяся прогерманским духом. Она пыталась настроить русских против англичан, заявляя, что мы намерены бросить Россию при первом удобном случае, и т. д.

Затем разговор перешел к железным дорогам. Я сообщил о тревогах лорда Китченера насчет Владивостокской линии. Император сказал мне, что завтра в Ставку приедет новый министр путей сообщения, Трепов, о способностях и уме которого Его Величество весьма высокого мнения.

Говорили о королеве Виктории, лорде Салисбери, о-ве Родос и прочем.

После обеда Его Величество увел меня в свой кабинет для редакции текста телеграммы, которую он хотел послать на английском.

Император уделил много внимания оказанию помощи разбитой Сербской армии. Ему очень понравились новогодние открытки с изображениями полков Британской армии, особенно конная королевская гвардия, королевский Шотландский полк и 16-й Уланский полк. Я предложил послать набор открыток в подарок Цесаревичу, что и было сделано.

Задержка с заказом дополнительных тяжелых орудий, надеюсь, будет благополучно устранена, но лишь к вечеру.

*Государь и Государыня во время празднования
300-летия Дома Романовых*

24 января 1916 года.

Император очень рад визиту генерал-майора Коллвелла, принесшего новости о наших операциях во Франции и в других странах. Встреча была названа в высшей степени полезной; Его Величество выразил надежду на новые визиты Коллвелла, сказав, что настаивал бы на этом, будь это в его власти. На это я заметил, что теперь Его Величество — фельдмаршал Британской армии и вправе настаивать.

Благодаря острому уму, опыту и безукоризненному такту Коллвелла его визит оказался на редкость удачным.

26 января 1916 года.

За обедом Его Величество говорил о Империи и республике. С ранней юности он знал, что на него

возложена огромная ответственность, ибо, в отличие от наших западноевропейских стран, его подданные столь многочисленны и разнообразны по крови и темпераменту, что Царь в России просто необходим.

Первый визит Его Величества на Кавказ оставил в его душе глубокие впечатления и лишний раз подтвердил взгляды, сложившиеся у него в юности.

Соединенные Штаты Америки, сказал Император, — совершенно другое дело, эти две страны нельзя сравнивать. В России, со всеми ее проблемами и трудностями, населенной народом с живейшим воображением, истовой религиозной верой, давними традициями и обычаями, корона является необходимостью; Его Величество верил, что так будет еще очень долгое время; определенная децентрализация власти, конечно, нужна, но основная, решающая власть должна оставаться у Императора. Права Думы нужно расширять постепенно, потому что очень трудно достичь хоть сколько-нибудь приемлемого просвещения среди народных масс.

В начале февраля я побывал в Одессе — осматривал порт, летнюю школу и др., после чего вернулся в Ставку для встречи с Императором (каковая состоялась 14 февраля) по вопросу командирования кого-либо из русских генералов в Англию и Францию.

Конечно, это следовало обсудить с Алексеевым, но хорошее знание Императором Англии и английского языка привело к тому, что Его Величество предпочитал решать такие вопросы лично.

Я прямо заговорил о том, что наша армия стала гораздо больше и от нее теперь многое зависит, чего не сознают многие русские, привыкшие считать

наш маленький экспедиционный корпус предельным контингентом, который Британия способна выставить. Его Величество соблаговолил с этим согласиться, сказав: «Еще бы, ведь число дивизий, которые вы разместили во Франции, поистине изумительно!»

Мы поговорили о генерале Беляеве как возможной кандидатуре на роль посланника.

Его Величество поинтересовался, как мне понравился мой первый опыт авиаперелета в Одессу.

17 февраля 1916 года.

Сегодня Император увел меня в свой кабинет и заговорил о прогрессе в наших делах. Я указал, что основным фактором в этой войне являются морские силы Британии, от которых зависит транспорт, торговля и финансирование и благодаря чему мы можем помогать союзникам. Однако наша военно-морская мощь не безгранична и мы не можем бесконечно перевозить людей, боеприпасы и т. д. в разные пункты назначения, одновременно обеспечивая нужды Британии и доставляя оружие и припасы в Россию, Францию и другие страны. Постоянно увеличивающаяся армия означает рост числа солдат и кадровых офицеров, на это накладываются условия заморских кампаний, где приходится учитывать климат, одежду и т. д. — здесь важна каждая мелочь. Я указал на концентрацию наших сил во Франции и Бельгии, где подобные трудности преодолеть гораздо легче, не говоря уже о стратегических соображениях.

Мы всячески стараемся подстраиваться под цели и предложения русского Генерального штаба, но некоторые планы и проекты недостаточно учи-

тывают ограничения морского транспорта и морскую сторону кампании в целом.

19 февраля 1916 года.

Император пожелал, чтобы я переговорил с Куропаткиным, который пришел на ленч.

Куропаткин спросил, как я выдерживаю русские морозы, на что я ответил, что несколько зим провел в Канаде и холод мне даже нравится. «Ну что ж, — сказал он. — Возможно, следующей осенью мы будем наслаждаться климатом Берлина».

Куропаткин показался мне чересчур оптимистично настроенным.

Самым удивительным эпизодом истории этой войны, по его словам, станет «становление Британской армии» — беспрецедентный подвиг, за который нужно благодарить Китченера.

20 февраля 1916 года.

За обедом Император заговорил со мной о своих взглядах на Финляндию и Польшу. Несколько деспотично высказавшись о Финляндии, Его Величество отметил, что любит поляков, ценит все, что они сделали, и жалеет их измученную войной страну. Он сказал, что дарует им некоторое самоуправление, которым, по его мнению, поляки будут довольны, но осуществление этого плана представляет собой трудную и деликатную задачу, аналогичную ирландскому вопросу.

Его Величество добавил — любопытно, как сильно живущие бок о бок люди — русские и поляки, британцы и шотландцы, ирландцы и валлийцы — отличаются друг от друга.

В связи с трудностями с исполнением в России нашего национального гимна, мелодия кото-

рого действительно напоминает немецкий гимн, Император попросил прислать копию подготовленной мною записки об истории создания английского гимна: написанный в 1689 доктором Джоном Булломом, гимн впервые был опубликован в 1742 г., всенародно принят после мятежа в 1745 году, переведен на немецкий Генрихом Харрисом и исполнен на оригинальный мотив по случаю дня рождения датского короля. Таким образом, немцы переняли наш гимн спустя сорок восемь лет после его опубликования.

Император говорил долго и за ужином вел себя беспокойно, так как мечтал покурить.

Его Величество доверительно сказал мне, что лично собирается открыть заседание Думы; при всей своей ненависти к речам он считал за благо сказать несколько слов. В Ставке Император пользуется большой популярностью у генералов-представителей союзных держав; это хорошо, ибо в других штабах много его заядлых критиков.

22 февраля 1916 года.

Открытие заседания Думы Его Величеством сегодня прошло успешно. Я как раз приезжал в Петроград по делам, и мне удалось найти уголок, откуда все можно было увидеть. Я жалел Императора, который, как я знал, терпеть не мог подобные роли, но все прошло хорошо и было подробно описано в газетах.

27 февраля 1916 года.

По возвращению в Ставку я рассказал Императору, что видел сэра Артура Паже, генерала, который вместе с Пемброком привез причитающийся

Государь Император и члены совещания в Ставке в конце февраля 1916 г.: 1) генерал Поливанов, 2) генерал-адъютант Эверт, 3) вице-адмирал Русин, 4) генерал Алексеев, 5) генерал-адъютант Куропаткин, 6) генерал Бонч-Бруевич, 7) генерал-адъютант Иванов, 8) генерал Клембовский и генерал Пустовойтенко

Его Величеству фельдмаршалский жезл. Поздравив Императора с началом работы Думы, я сказал, что Петроград выглядит повеселевшим. «Полагаете, это как-то связано с Думой? — спросил Его Величество. — Я считаю, нет».

Он рассказал мне о визите Великого Князя Георгия в Японию, очень довольный тем, как все прошло.

Я передал Его Величеству историю, рассказанную адъютантом его брата Великого Князя Михаила, командовавшего Дикой дивизией¹: недавно австрийцы, которые вели боевые действия против Дикой дивизии, просигналили противнику: «У нас

¹ Так называемые Дикая дивизия или Туземная армия — кавалерийская дивизия Русской армии, сформированная из добровольцев мусульман, уроженцев Кавказа и Закавказья.

здесь много людей одной с вами веры, турок. Переходите к нам!» «Сейчас», — ответили бойцы Дикой дивизии, перешли на ту сторону, провели хороший рейд, перестреляв много врагов, и благополучно вернулись.

Я упомянул о впечатлении, которое вынес из разговоров самых разных людей, — что Россия ожидает завершения войны к концу 1916 года и все будут очень разочарованы, если этого не произойдет. Император, естественно, согласился с желательностью такой развязки, однако добавил: «Бесполезно спекулировать датами, нужно запастись терпением и стойко воевать до победного конца».

01 марта 1916 года.

Сегодня, с положенной церемонией вручив Императору жезл, отбыла делегация Паже. Они с Пемброком выглядели очень красиво; отрадно было снова увидеть красно-синие мундиры после сплошного хаки. Паже на голову возвышался над большинством присутствующих в комнате.

Император дал завтрак в честь делегации и выпил за здоровье нашего короля. Затем Его Величество обратился ко мне — как всегда, спокойно и мягко, и сказал: «Сэр Хэнбери (так он меня называл), я пью за вас тоже».

17 марта 1916 года.

Вчера после непродолжительного отсутствия Император вернулся в Ставку, как всегда, полный бодрости и жизнелюбия. В присутствии таких, как он, людей у окружающих само собой исправляется

настроение. Поистине замечательный темперамент для человека, чье чело не могут не тяготить заботы и тревоги, и отличный пример для остальных.

За обедом Император говорил о показе присланных в Ставку английских фильмов. «Шоу» оказалось превосходным и длилось около двух часов, в продолжение которых Его Величество не скучал ни секунды.

Получил шутливое послание от князя Голицына (который вместе с Великим Князем Николаем воевал на Кавказе) насчет спичек, в краже которых из вагона-ресторана обвиняли меня (я тогда ехал вместе с Великим Князем); Император предложил запаковать коробок спичек в огромный сверток и отослать его Голицыну, тот получил посылку, перепаковал ее и переслал Великому Князю, снабдив множеством сургучных печатей.

19 марта 1916 года.

Здесь Коллвелл, его адъютант Уилграм и Марк Сайкс. Последний чрезвычайно заинтересовал Его Величество прекрасным знанием арабского языка и хорошей эрудицией.

Его Величество говорил со мной о статье в «Найнтин сенчури», которую я прислал ему, про небезызвестные молебны, отслуженные в Берлине и Лейпциге. Император сказал — трудно поверить в такую низость и злобу со стороны священнослужителей какой бы то ни было Церкви.

Схему высадки десанта в Александретте Император нашел очень неплохой, но связанные с этим трудности считает непреодолимыми.

25 марта 1916 года.

Вчера для нас устроили показ британских кинолент. Присутствовали Император и Цесаревич, оба остались очень довольны.

Поливанова вот-вот освободят от обязанностей военного министра, возможно, оттого, что он больше не персона грата. На этот пост прочат Шуваева.

Я поднимал вопрос о коротком отпуске в Англию — накопилось много вопросов, которые я должен обсудить лично, но Император категорически против моего отъезда в ближайшее время.

В беседе со мной он сказал, что предпочитает хладнокровного, рассудительного человека, способного правильно оценивать людей и «работать в команде», самому блестящему гению, который думает только о себе. Возможно, он имел в виду нового военного министра, которому уже назначена аудиенция.

29 марта 1916 года.

Император рассказал мне о последних сообщениях, где говорится, что немцы назначили русских евреев руководить военнопленными. Последних это оскорбило и даже вызвало ряд побегов — инцидент, который не улучшит антиеврейских настроений в России.

01 апреля 1916 года.

Самое искреннее возмущение было выражено по поводу потопления судна русского Красного Креста в Черном море. Я поднимался на борт этого судна, когда ездил в Одессу. В результате бесче-

Император Николай II и Наследник Цесаревич обходят войска во время пребывания на линии фронта. 1916 г.

ловечной акции врага утонули несколько сестер милосердия.

Визит в Ригу и Ревель и прогулка на одной из наших субмарин в Ревельском порту позволила мне ненадолго уехать из Ставки.

18 апреля 1916 года.

Вернулся в Ставку после поездки на Северный фронт. Его Величество радушно приветствовал меня по возвращении, и за обедом пришлось подробно отчитаться о совершенном вояже и «теплом уголке», который мы с Филлимором нашли себе в окопах на передовой.

Его Величество, в свою очередь, рассказал мне о своей недавней поездке, когда с вражеского аэроплана были сброшены несколько бомб, чудом не накрывших его автомобиль, и добавил, имея

в виду визит принца Уэльского в Египет, что тому следует вести себя осмотрительно. «Хотя я и мой мальчик любим ездить на фронт смотреть войска, у нас нет права подвергать себя ненужному риску», — продолжал он, начисто забыв о инциденте с бомбами, о котором только что рассказал.

Император, очень довольный новостями о взятии Трапезунда, спросил, что я думаю о госте, сидевшем рядом с ним за завтраком. «Несомненно, очень умен, — ответил я. — Но весьма сух и скучен». «Рад слышать, что и вам это показалось, — с облегчением вздохнул Император. — Мне стоило огромного труда завязать с ним разговор». (Его Величество всегда держится очень любезно и гостеприимно.)

Кавалерийский смотр

19 апреля 1916 года.

Когда возник вопрос о совместных боевых операциях на море, я не упустил удобного случая показать Императору, какие тяжелейшие задачи ложатся на Британское адмиралтейство. Нам приходилось обеспечивать морские перевозки для:

1. Франции (из Англии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Канады и Южной Африки);

2. Восточной Африки (из Англии и Кейптауна);

3. Западной Африки;

4. Юго-Западной Африки;

5. Месопотамии (из Англии и Индии);

6. Египта (из Англии, Индии, Австралии, Новой Зеландии и Кейптауна);

7. Салоник;

8. Индии (перевозка новых полков и возвращение с грузами и т. п.);

9. Французских войск на Салониках.

10. Сербских частей на Салониках;

Приходилось доставать:

Суда для сербов на Корфу;

Плавучие госпитали для всех театров войны (кроме русского и итальянского);

Углевозы для Адмиралтейства;

Углевозы для французского флота;

Углевозы для Италии;

Углевозы для России;

Транспорты для перевозки зерна, мороженого мяса и т. п. из Канады, Австралии, Аргентины и для перевозки канадских лошадей в Англию и Францию;

Транспорты снабжения Британского флота;

Транспорты боеприпасов для нашего флота;

Транспорты боеприпасов для всех театров войны.

При этом семьдесят судов зимовали во льдах в порту Архангельска и Александровска. [...]

22 апреля 1916 года.

Сегодня за ужином Император сказал мне, что договорился о направлении нескольких русских офицеров на французский фронт для присоединения к нашей армии.

Мы долго беседовали; истории следовали одна за другой. Когда Его Величество был в Англии по случаю свадьбы короля Георга, сэр Лайндок Гардинер вручил принцу Уэльскому (Георг носил тогда этот титул) приглашение на собственную свадьбу, перепутав его с августейшим русским гостем.

С большим сочувствием Император говорил о бедном Кортни Трокмортоне, муже моей племянницы, который недавно погиб.

Он сказал, что намерен сделать Великого Князя Николая фельдмаршалом, но еще не теперь. Мы говорили в самой дружеской манере, чему я был очень рад после ходивших повсюду злонамеренных слухов. Затем речь зашла о его фельдмаршальской форме и как теперь нужно носить жезл. Император поделился, что сам ухаживает за своими разнообразными военными облачениями.

23 апреля 1916 года.

Прекрасное пасхальное утро. После всенощной все мы собрались у Императора, и Его Величество подарил каждому из нас по фарфоровому пасхальному яйцу работы Фаберже.

Император Николай II христосуется с солдатами

Весна сразу перешла в лето, как это бывает в Канаде.

10 мая 1916 года.

С визитом из Франции прибыли гг. Вивиани и Томас; с ними разговаривал Его Величество.

Много говорят о суде над Сухомлиновым, бывшим военным министром.

Император сегодня в хорошем настроении, лишь слегка раздражен излишней расторопностью нашего боевого охранения. Не обошлось без ляпсусов: охрана случайно задержала слугу бельгийского генерала, а когда я ездил вчера в деревню, арестовали меня самого. Охрану несет свежий полк из Петрограда, и хотя я ношу русскую фуражку (один из здешних обычаев), британская форма явно озадачила часовых. Несмо-

тря на мои объяснения и русскую визитную карточку, гвардейский сержант задержал меня и отправил обратно под конвоем пехотного солдата, который торжественно повел меня назад. Заряженная винтовка явно была для моего конвоира самой привычной вещью, и мне пришлось с позором идти перед ним, пока, к счастью, примерно через милю медленного следования нам не встретился знакомый жандарм, который и отпустил моего охранника назад на пост, предварительно хорошенько «пропесочив».

11 мая 1916 года.

Император очень обеспокоен судом над бывшим военным министром Сухомлиновым. Граф Фредерикс скорее всего будет вызван в качестве свидетеля, хотя он знал Сухомлинова лишь как военного руководителя и ему совершенно неизвестно о его делах в министерстве, к которому Фредерикс вообще не имеет отношения.

14 мая 1916 года. [...]

Император очень заинтересовался показанными в Ставке фильмами о взятии Эрзерума, и искренне восхищался успехами Великого Князя Николая, что доставило и нам большое удовольствие.

18 мая 1916 года.

Его Величество крайне раздосадован недавней «несчастливой случайностью»: русские лишились нескольких орудий, возможно, попавших теперь в руки врага, из-за того, что подразделения поддержки отстали на много миль.

Недавно прибывшие рекруты оказались, по словам Императора, превосходны.

19 мая 1916 года.

Прибывшая вчера Императрица сказала мне, как рада своему визиту в британский госпиталь в Петрограде и какую прекрасную работу делает там леди Сибил Грей.

Я нашел, что с Ее Величеством гораздо легче поладить, чем я ожидал. Немалую роль здесь сыграли искренняя любовь, которую Императрица питает к моей стране — Александра Феодоровна всегда разговаривает с супругом по-английски, — и живой интерес к темам, где я мог сообщить ей новости или дополнительную информацию.

Ее Величество пожаловалась, что ее охватывает ужасная застенчивость, когда она входит в зал, где собираются офицеры Ставки. Собрание и впрямь получилось немалым: главы всех военных миссий союзников — французы, бельгийцы, итальянцы, японцы, сербы и целая плеяда русских офицеров, слегка разбавленная русскими же официальными лицами — как гражданскими, так и дипломатическими. Я ответил, что Император постоянно там, и добавил со смехом: «Ваше Величество привыкли посещать больничные палаты и видеть операции; лучше всего представить, что мы — не более чем интересные медицинские случаи, и все пройдет хорошо».

Возможно, именно из-за природной застенчивости, которая придавала Императрице несколько отчужденный, замкнутый вид, люди не решались с ней заговорить, и любая беседа замирала.

Однако когда кто-то из нас расхохотался над какой-то историей, Ее Величество просияла, и разговор пошел легко и непринужденно.

Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна и Их Императорские Высочества Великие Княжны Ольга Николаевна и Татиана Николаевна среди раненых офицеров Царскосельского Дворцового лазарета

Сегодня день рождения Императора. Мы выстояли очень красивую службу в гарнизонной церкви, после чего состоялось коллективное поздравление. Я, как самый старший, первым произнес речь с традиционными пожеланиями долголетия.

С кратким визитом прибыл сэр Самюэль Хоур.

За праздничным обедом я сидел рядом с Императрицей, много рассказывавшей о своих госпиталях

и крымских садах, откуда были привезены великолепные цветы, украшавшие стол. Император, сидевший рядом с супругой, сказал, что Ее Величество ежедневно присылает цветы для его комнаты. Их Величества говорили по-английски привычно и свободно; Императрица казалась в добром здравии и в хорошем настроении и много расспрашивала о герцоге Конноте и о Канаде. Любопытно, что, вернувшись к себе, я нашел письмо от Его Королевского Высочества из Канады.

20 мая 1916 года.

Император уезжает в Одессу произвести смотр двум недавно сформированным дивизиям. Мы попросили его привезти маленького Цесаревича, нашего общего любимца, красивого мальчика с живым, легким характером.

31 мая 1916 года.

Император с большим нетерпением и интересом отнесся к предполагаемому визиту лорда Китченера. В конце мая я передал все подробности сэру Джорджу Бьюкенену и военному атташе Ноксу (ныне генерал-майору сэру Альфреду Ноксу). Я никогда не говорил об этом деле ни с кем, кроме них, капитана Мак-Ко, прикомандированного ко мне в Ставке, и Императора, первым сообщившего мне о этом предложении.

Его Величество беспокоило, как пройдет визит, поэтому без слов было ясно — чем меньше разговоров об этом, тем лучше.

Вернувшись в штаб, я увидел там министра путей сообщения Трепова. После его аудиенции с Императором я присел с ним рядом, и мы долго

*Император Николай II и Наследник Цесаревич
на берегу Днепра. 1916 г.*

беседовали о железных дорогах. Трепов показался мне знающим специалистом и умным и проницательным человеком.

01 июня 1916 года.

Император вновь вернулся к визиту лорда Китченера, высказав горячее желание встретиться с ним. Однако он признал, что хочет успеть повсюду одновременно — дело упирается лишь в отсутствие аэроплана с телефоном и десятка прикомандированных стенографов.

Его Величество добавил, что хочет самолично услышать мнение лорда Китченера с его обширным ценным опытом в сфере железных дорог и перевозок — это станет существенной помощью россий-

ским министрам. Император желал, чтобы Алексеев тоже участвовал в обсуждении этих и сопутствующих вопросов, и настаивал, что ни телеграммы, ни письма не могут дать таких результатов, как личная встреча.

«Из того, что я слышал о лорде Китченере, — добавил Его Величество, — можно заключить, что это не тот человек, который будет колебаться, говорить начистоту или нет, и выскажет свое мнение, пусть даже оно не вполне совпадает с нашим. Китченер обсудит наши планы с Алексеевым, который, уверен, так же честно поделится своим мнением. Разумеется, наши взгляды не могут во всем совпадать, но, к сожалению, сейчас у России, в отличие, например, от Франции, нет возможности устроить непосредственную дискуссию между двумя такими показательными фигурами, как Китченер и Алексеев».

В ответ я сказал, что о честном изложении лордом Китченером своего мнения можно не волноваться, что насмешило Его Величество — привычка Китченера высказываться без обиняков здесь хорошо известна. Но я добавил, что Его Величество найдет лорда Китченера непохожим на сложившееся о нем представление: Китченер обязательно поладит со всеми, с кем придется работать, однако если он почувствует, что связываться с кем-то попросту не имеет смысла, мы непременно об этом узнаем. Я вызвался особо предупредить лорда Китченера, что Его Величество всегда просил меня высказываться откровенно, если предложение казалось неприемлемым.

На это Император сказал — у Китченера будут абсолютно развязаны руки, пусть делает все по-своему, ибо целью подобных визитов является укрепление

связей между нашими державами, обмен идеями, анализ затруднений и, по возможности, их устранение.

Вместе с тем Его Величество подчеркнул, что такую оказию, как этот визит, ни за что нельзя упустить.

«Мы хотим победить Германию, — добавил он, — и в двух умнейших головах — Китченера и Алексева — должно быть, есть много чего сказать по этому поводу».

**Лорд Китченер генералу Хэнбери-Уильямсу,
личная переписка.**

Лондон, 02 июня 1916 года.

Г-н Барк заявил нашему послу, что мой визит лучше отложить, так как 14 июня ему предстоит ехать во Францию. Согласно расписанию, я должен прибыть в Петроград примерно 11 июня, что даст мне время обговорить с Барком все финансовые вопросы, которые нужно обсудить до его отъезда.

Ввиду военного положения мне вряд ли представится другой шанс приехать в Россию, поэтому, если визит будет отложен, это может означать его отмену.

Не могли бы Вы выяснить, является ли предложение Барка намеком на то, что мне не стоит приезжать? В таком случае я, конечно, воздержусь от визита.

**Генерал Хэнбери-Уильямс лорду Китченеру,
приватно, лично.**

*Ставка Русской армии,
03 июня 1916 года*

Ваша телеграмма от 2 числа получена мною только сегодня утром. Я счел за благо сразу переговорить с Императором, дабы избежать неловкости поста-

вить Его Величество в такое положение, чтобы ему пришлось отвечать немедленно. Между нами состоялась приватная беседа. Объяснив описанную Вами ситуацию с датами, я подчеркнул, что если Вы не приедете сейчас, то не приедете совсем. Я честно сказал, что Вы решились не приезжать, если Ваш визит нежелателен, или потребует дополнительных усилий, или вызовет затруднения. Я дважды просил Его Величество не отвечать немедленно, обдумать этот вопрос, посоветоваться с кем он считает нужным и сообщить мне решение позже. Но Император дважды повторил, что желает вашего приезда и считает этот визит важным и благотворным для обеих наших держав. В связи с этим я считаю, что мои действия одобрены и Вы должны придерживаться прежних планов. Считаю полезным четко разъяснить в других штабах, что у Вас будет достаточно времени для разговора с г-ном Барком и что Ваш визит не связан исключительно с финансовыми вопросами, но с темами, представляющими интерес для обеих союзных держав.

Прошу простить мне мою смелость, но я изучил вопрос самым тщательным образом и могу лишь выразить свое сугубо личное мнение.

Содержание Вашего письма останется между Его Величеством и мной, хотя Император, конечно, вправе обсудить его с другими.

Ответ Его Величества был решительным, и я не предвижу никаких изменений.

Хэнбери-Уильямс.

Я очень хорошо помню ночь на третье июня.

Я прилег на неудобную маленькую походную койку в углу своей комнаты, задернул безобраз-

ные затхлые от старости занавеси, и, вымотанный, немедленно заснул.

Около трех часов утра я проснулся, зажег свечу и предался размышлениям. Теперь я мог разглядеть комнату с «картинной галереей», как друзья называли развешанные по стенам забавные скетчи из «Панча» и «Наблюдателя» работы Бэрнсфазера, которые я собирал, чтобы подбодрить себя, когда дела шли плохо. Две огромные белые печи в углах, письменный стол и вырезанные из иллюстрированных газет фотографии Их Английских Величеств, Китченера, Российского Императора с маленьким Цесаревичем, спортивные снимки и репродукция Джоррокса¹.

Ночь была теплая. В комнату проникали разнообразные запахи — из еврейских лавок, куда как раз выходили мои окна, и, пожалуй, с еще более грязной улицы, разделявшей нас, зато не доносилось ни звука благодаря отсутствию ужасных булыжных мостовых, по которым и кошка не пройдет беззвучно (лишь зимой благословенную тишину нарушают только звуки санных колокольчиков). К запахам я более-менее притерпелся и не обращал на них внимания, но меня мучил вопрос — правильно ли я поступил?

То не был страх принятой на себя ответственности, ибо я никогда не изменил бы своего решения; будь здесь Китченер, он одобрил бы мой выбор. Меня мучило необъяснимое предчувствие

¹ Псевдоним писателя Роберта Смита Сертиса (1803–1864), собрание статей которого, напечатанных в «Спортивном журнале», вышло в 1838 г. отдельной книгой «Поездки и увеселения Джоррокса» (“Jogrocks’ Jaunts and Jollities”)

беды. Я поднялся, прошелся вдоль моей картинной галереи, посмеялся, вернулся в постель и проспал до света и даже дольше. Проснулся я с ощущением удовлетворения, что поступил так, а не иначе.

Если я когда-нибудь вновь окажусь в гостинице «Бристоль» в Могилеве, что за волна воспоминаний нахлынет на меня в той комнате! Именно там я получил известие о гибели моего старшего сына

*Император Николай II и король
Великобритании Георг V*

и о смерти Китченера, но знал и счастливые времена, пока не пришли новости о революции и скором конце России как союзника для нашего альянса.

И именно в ту комнату бедный князь Голицын, прекрасный спортсмен, галантный солдат и преданный друг, пришел сказать мне, что Великий Князь Николай уезжает, ибо никого из Романовых не хотят больше видеть в армии, которой он

служил столь долго, преданно и столь успешно.

Я возвращался к этому вопросу после визита к Его Величеству, который уже не был Императором, и еще раз после того, как попрощался с ним, как оказалось, навсегда.

Да, в этой комнате было много призраков из прошлого...

03 июня 1916 года.

День рождения нашего короля. За ленчем Император произнес речь по этому поводу и выпил за здоровье Его Величества.

06 июня 1916 года.

Император пригласил меня на короткую прогулку по саду, и я рассказал ему о разговоре, который у меня состоялся с начальником Императорского Генерального штаба, по вопросу связей между нами и Россией и о важности укрепления наших отношений. Его Величество обещал вновь переговорить об этом с Алексеевым.

Алексеев выглядит усталым и измученным. Он очень занят, к нему трудно пробиться, и неудивительно — с ним хотят переговорить все представители союзников. Император по-прежнему добр и открыт, но нельзя же идти к Его Величеству по каждому поводу! Обращаться к Царю через голову начальника Генерального штаба некорректно и глупо — именно последнего надлежит держать в курсе дел. Поэтому лишь особые, почти личные вопросы я обсуждал с Его Величеством, не ставя в известность Алексеева.

07 июня 1916 года.

Сегодня, как гром с ясного неба, пришло ужасное известие о Китченере. Не могу в это поверить, но сомнений, кажется, нет, хотя неизвестно, была то мина, атака субмарины и что вообще произошло.

Император подошел ко мне и сказал: «Мне очень жаль — ведь это я настаивал на его визите, но что поделать, таковы превратности войны».

Император глубоко скорбит о Китченере. Он поделился со мной, что получил телеграмму с самыми искренними соболезнованиями от нашего короля.

Все представители союзников и офицеры Генерального штаба приходили меня навестить и выразить сочувствие. Вечером Император вручил мне самое доброе и сочувственное письмо от Императрицы, где говорилось не только о Китченере, но о всех его погибших спутниках.

Сегодня день рождения Ее Величества, и все стараются говорить об этом, забыв о личных невзгодах. Император много вспоминал о супруге, невзначай проговорившись, что до него она была помолвлена с кем-то еще, но соискателю дали отставку.

Маленький Цесаревич повышен в звании. Теперь он капрал, безмерно гордится своими нашивками и проказничает сильнее, чем обычно.

09 июня 1916 года.

Император очень хочет знать, кто станет преемником Китченера в Военном министерстве. Возможно, это будет Дерби, но точно еще неизвестно. Его Величество сообщил, что Императрица прислала много цветов, выбранных специально для меня — весьма любезно с ее стороны. По возвращении я нашел свою комнату полной роз, душистого горошка, орхидей и т. п., что очень подняло мне настроение: в этих местах редко увидишь цветок.

10 июня 1916 года.

Все очень довольны успехами против австрийцев. Сообщается, что с начала наступления мы захватили свыше 64 000 пленных.

Императрица Александра Феодоровна

За обедом Цесаревич передвинул ко мне все чашки, хлеб, тосты, меню и т. п., до которых смог дотянуться, после чего обратился к своему августейшему отцу, попросив сосчитать, сколько у меня всякой всячины.

13 июня 1916 года.

На основании имеющейся у меня информации я вынужден сделать вывод, что сообщения о провизанте, транспорте, горючем и т. д., которые попадают на стол к Императору, слишком «подслащены». Бог с ними, с приписками, дело в перевозках!

Отчеты отдельных департаментов, может, и правдивы, но между департаментами нет связи, что усугубляется возросшими в условиях военного времени потребностями как гражданского населения, так и военных. Полагаю, военнопленные были задействованы на соответствующих работах, но вот еврейское население, весьма многочисленное, в этом отношении совершенно бесполезно.

Перебои со снабжением могут привести к бунтам и революции. Новые железные дороги не слишком полезны без вагонов и паровозов, но что-то необходимо делать, ибо даже при самой победоносной армии необходимо иметь более-менее обеспеченное мирное население. Если война затянется до следующей весны, риск мятежей многократно возрастет.

Как жаль, что с нами нет Китченера, чей огромный опыт оказался бы сейчас поистине бесценным. Лорд Китченер приехал бы со свежим, беспристрастным взглядом и высказался бы безапелляционно и честно.

А мы, прожившие здесь некоторое время и вечно недовольные качеством проделанной работы, ловим на себе косые взгляды вроде «бойтесь данайцев, дары приносящих»; кое-кто высказывает опасения, что мы хотим нагреть на этом руки — в этой стране немало таких любителей. Помню, для ускорения какого-то важного вопроса, связанного с железными дорогами, я предложил привлечь фирму, в хорошем качестве работы которой уже имел возможность убедиться в других странах. Один из моих хороших русских друзей подошел ко мне и сказал: «Если вы хотите, чтобы дело продвигалось, ни под каким видом не предлагайте контракт с английской

компанией: вас немедленно заподозрят в лоббировании собственных интересов». Он произнес это со смехом; я поддержал шутку и тоже расхохотался. Никогда не «зарабатывал» ни на каком контракте, насколько я могу припомнить за свою жизнь, и не собираюсь начинать.

16 июня 1916 года.

От Императрицы прибыла новая партия прекрасных цветов, за что я поблагодарил Его Величество. Мы говорили о трудностях на Салониках, которые я уже обсуждал с Алексеевым: не хватает людей, судов, обмундирования и так далее (практически весь список снабжения, которое столь мало ценится теми, кто незнаком с перевозкой людей, лошадей и различных грузов морем), не говоря уже об ослаблении наших позиций во Франции.

27 июня 1916 года.

Вчера у меня была встреча с Алексеевым и одним из его подчиненных по поводу стратегического вопроса, в котором мы несколько разошлись во мнениях. Я был четко проинструктирован насчет аргументов, которые нужно использовать, и знал вопрос наизусть. Буквально за минуту перед тем, как мне идти на эту встречу, принесли длинную телеграмму. Я поручил моему подчиненному офицеру прочесть ее и, если он сочтет послание способным повлиять на наш с Алексеевым разговор, принести ее прямо туда. Едва я закончил речь и выложил, так сказать, свои козыри, принесли телеграмму. Ее содержание было прямо противоположно прежним распоряжением, и мне ничего не оставалось, как сразу и по возможности эле-

гантно уступить оппоненту. Внезапные изменения такого рода способны существенно ослабить мои доводы в будущем.

Оставалось утешаться тем, что не я первый, не я последний. Мудрый дипломат, наверное, оставил бы лазейку для отступления. Я же сжег за собой все мосты.

Но, полагаю, авторы упомянутой телеграммы, даже не испытывая ко мне симпатии, невольно восхитились бы безукоризненным лингвистическим потоком, которым я разразился, вернувшись к себе на квартиру.

В конце июня я собирался взять короткий отпуск и съездить домой, перепоручив свои обязанности на время отсутствия бригадному генералу Уотерсу, моему старому другу, и представил вопрос на рассмотрение Императору и Алексееву.

Его Императорское Величество охотно дал свое разрешение, прибавив: «Отпускаю Вас с одним условием — возвращайтесь как можно скорее».

Алексеев также прислал очень любезное письмо:

«Дорогой генерал,

мне доставляет большое удовольствие общение с Вами — ведь я считаю Вас не «представителем трудностей», но человеком твердых, сложившихся взглядов.

Буду ждать Вашего возвращения в надежде продолжить совместную работу в дружеской обстановке во имя цели, которой мы служим (это выражение Алексеев позаимствовал из одного из моих прежних писем).

В Ваше отсутствие сочту за честь работать с генералом Уотерсом.

Операции, начатые нами, должны существенно изменить ситуацию. Единственно от их исхода зависят наши дальнейшие планы. Сейчас все усилия нужно сосредоточить на успешном выполнении начатых предприятий.

Перед Вашим отъездом я изложу для генерала Робертсона несколько соображений по поводу общей ситуации.

Примите выражения моего глубочайшего уважения и искренней преданности,

Алексеев».

08 июля 1916 г.

Доставили новые прекрасные цветы, присланные Ее Величеством.

*Император Николай II и Наследник Цесаревич
на берегу Днепра. 1916 г.*

10 июля 1916 г.

Цесаревич здесь и в прекрасном настроении. После ленча в палатке он вытащил нас на прогулку в сад к круглому фонтану, с головами дельфинов с двумя отверстиями на месте глаз. Игра состояла в том, чтобы затыкать отверстия пальцами, дожидаться полного напора воды и отпускать руки. В результате я чуть не утопил Императора и его сына. Они, в свою очередь, в долгу не остались, и всем нам пришлось возвращаться и переодеваться, смеясь чуть ли не до слез. Детская забава, конечно, зато повеселились от души.

12 июля 1916 года.

За завтраком я сидел рядом с министром иностранных дел Сазоновым, напротив Императора. Мы говорили о Южной Африке; меня спрашивали,

*Император Николай II, Великий Князь Николай Николаевич,
Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин,
а также другие министры в Ставке Верховного
Главнокомандующего*

как я там жил, видел ли я Крюгера и тому подобное. Я объяснил, что был там с сэром Альфредом Милнером и видел Крюгера на последней предвоенной конференции. Император заговорил о удивительно слаженном сотрудничестве, которое сложилось у англичан с бурами после той войны (которую он считал необходимостью), и пророчил, что буры станут прекрасными деловыми партнерами Британском империи. «Мы сделаем то же самое в Польше», — добавил Его Величество.

14 июля 1916 года.

Император говорил со мной вчера вечером о Румынии и припасах, которые будут туда доставлены, когда румыны предоставят гарантии выступить заодно с нами. Он сказал, что послал Великого Князя Сергея в Архангельск и что хорошие результаты этого визита не замедлили себя ждать.

Затем Его Величество сказал, что решил избавиться от официальных немецких названий, присвоенных некоторым департаментам российского двора. Многим его подданным казалось, что подобные мелочи свидетельствуют о немецком засилье в России, и Царь надеялся, что изменения докажут иллюзорность и фальшь этих слухов.

Император неукоснительно шел к своей цели — решительно разорвать все связи с Германией.

Старый граф Фредерикс сказал мне после ужина, что усиление демократических взглядов в России вывело на первый план важность не только прочного, но и долговременного союза с Англией, так как мы, будучи абсолютно демократической страной, твердо придерживаемся монархической системы,

что Фредерикс считал очень важным для России. Он говорил, что, даже умирая, будет служить своему Государю и приложит все оставшиеся силы, чтобы укрепить союз между нашими странами и, насколько возможно, перенять наши методы. Польша, добавил граф, станет лишь началом.

Несмотря на почтенный возраст, граф Фредерикс проницателен, опытен и всей душой предан своему Императору, но вместе с тем всячески приветствует либеральные преобразования, которые, однако, требуют внимания и поддержки. Уже сейчас он задумывается, какая ситуация сложится в России после войны. Учреждение демократических институтов не терпит спешки и внезапности, хотя граф Фредерикс, по его словам, отлично сознает, как много придется сделать, чтобы избежать революции.

(N. В.: Хотя мне неоднократно доводилось слышать о прогрессивных проектах России в отношении Польши и от Императора, и от Сазонова, и от Фредерикса, но реакция и интриги, безумно тормозившие дело еще с того времени, когда я тесно общался с Великим Князем Николаем (в чем, впрочем, нет вины последнего), все-таки победили).

17 июля 1916 года.

Император назначил нового главу Черноморского флота: Колчака. Вчера я сидел рядом с ним за столом. Этот спокойный, умный и проницательный красавец, как все надеются, сможет наконец немного ускорить дела на флоте.

(N. В.: Последующая история этого злосчастного адмирала хорошо известна.)

[...]

*Вновь назначенный
начальник
Черноморского флота
адмирал Колчак*

*Государь на корабле «Императрица Мария».
Рапорт князя Трубецкого*

21 июля 1916 года.

Силы, желающие отставки Сазонова, оказались слишком могущественными; ему придется уйти.

Его Императорское Величество сказал мне по этому поводу: «Вас что-то беспокоит, я вижу это по вашему лицу. Полагаю, это из-за Сазонова».

*Император, Цесаревич и Великие Княжны с казаками
Собственного Его Императорского Величества Конвоя*

«Нет, сэръ, назначение министра иностранных дел — не мое дело, просто в целом время мало подходит для перемен. Как известно, коней на переправе не меняют; накопилась масса неотложной работы, и эта отставка может негативно сказаться на военной ситуации. Моя роль в данном вопросе ограничивается обязанностями посредника».

«Уверю вас, — ответил Его Величество, — Сазонов серьезно нездоров, и эта перемена не вызовет ни малейших изменений в проводимой политике».

23 июля 1916 года.

Мне выпала возможность лично поблагодарить Императрицу, рядом с которой я сидел за обедом, за щедрые и постоянные цветочные дары. Она снова уезжает завтра в своей машине Красного Креста.

Когда Императрица с дочерьми вошла в залу, я сравнил бы ее с прекрасной картиной. Ее Величество выглядела опечаленной — единственное

грустное лицо в августейшей семье, которое немного разгладилось, когда Императрица обходила залу, здороваясь с присутствующими. Мне она показалась мучимой каким-то недомоганием или чем-то встревоженной.

Сидя рядом с Ее Величеством, я осведомился, не слишком ли много она работает.

Александра Феодоровна ответила — нет, просто у нее не все в порядке с сердцем и это ее тревожит. Мало зная о болезнях такого рода, я сказал, что знаю один случай, когда человек тоже грешил на боли в сердце, а оказалась просто миалгия, которая скоро прошла.

Удивительно, как мало требовалось, чтобы развеселить Ее Величество: разговор немедленно переключился на тему живописи и работ Верещагина, и до конца обеда Императрица казалась вполне счастливой. [...]

Эта война для Ее Величества более тягостна, чем для многих других, но Императрица называет ее «выходом из тьмы на свет победы» и часто повторяет «нам нужна победа».

25 июля 1916 года.

Я вновь поднял вопрос с Архангельском, где, как я слышал, дело совершенно не движется, несмотря на упомянутый выше визит Великого Князя.

За обедом Император сказал, что в своей ежедневной телеграмме Ее Величество передает мне наилучшие пожелания.

29 июля 1916 года.

Я получил депешу с указанием переговорить с Императором по поводу награждения Сазонова

британским орденом Бани 1-й степени. Сразу после ленча, накрытого в большой палатке в саду возле дома, Его Величество пригласил меня прогуляться по саду.

Мы не спеша шли по дорожке, любуясь панорамой Днепра. Я рассказал о своем поручении.

Император резко остановился, повернулся ко мне и сказал: «Я польщен, что отличная работа Сазонова отмечена английским королем. Никто более Сазонова не заслуживает подобного отличия за достойное выполнение труднейшей задачи. Это высокая награда и ему, и России. Остается надеяться, что Сазонов быстро оправится от болезни, чтобы и впредь служить нам».

04 августа 1916 года.

В связи со второй годовщиной начала войны Его Величество получил официальную телеграмму от нашего короля.

Я пришел с ним в его кабинет, где Император показал мне составленный им ответ. Телеграмма доставила ему большое удовольствие.

Он написал, что тоже твердо настроен воевать до победного конца.

08 августа 1916 года.

Вчера разговор зашел о кавалерии и ее роли в войне. Император отстаивал точку зрения, что в России кавалерия незаменима, однако мой друг, бельгийский генерал де Рикель, считал, что дни кавалерии сочтены. На следующий день пришла депеша, где сообщалось, что наши войска «имели все шансы на успех». Я сказал об этом Его Величе-

ству, и мы долго подтрунивали над нашим бельгийским другом.

Сегодня утром Его Величество прислал мне «Дейли график» от 24 июля с иллюстрацией на первой полосе, изображающей деканскую лошадь до и после работы. Сбоку голубым мелком была сделана надпись: «Кое-что для нашего старого де Рикеля».

(Я до сих пор храню этот выпуск «Дейли график» как воспоминание о тех днях. Сейчас, когда я пишу эти строки, газета лежит на столе передо мной).

10 августа 1916 года.

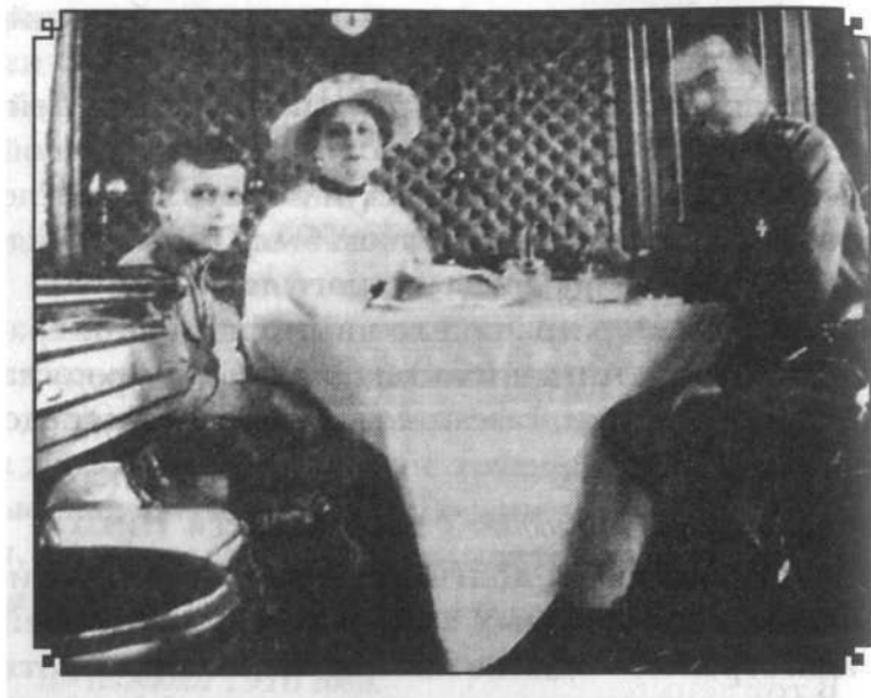
У нас состоялся долгий разговор с Его Величеством о финансовых вопросах между Россией и моей страной — одна из многих тем, которую, хотя это и не совсем мое дело, мне поручили обговорить с Императором.

Вопрос довольно щекотливый и запутанный, требующих объяснений начистоту, что Его Величество мне всегда любезно позволял.

15 августа 1916 года.

Завтракал с Их Величествами. Августейшие супруги любезно настаивали на моем скорейшем возвращении. После завтрака я долго ходил с Императором по саду; он вручил мне много разных писем и депеш от него и Императрицы с просьбой отвезти адресатам в Англию.

Когда мы прощались, Император сказал: «Расскажите в Англии о нашей искренней приязни и о том, как высоко мы ценим хорошую работу Британского флота и армии. В Англии не должны верить вражеским слухам, цель которых — испортить отношения

*Император, Императрица и Цесаревич
за столом в царском поезде*

между двумя странами. При поддержке наших дорогих союзников мы намерены сражаться до победного конца, и единственный мир, который мы согласимся подписать, будет почетным мирным договором стран-победителей».

Императрица говорила об образовании детей, о том, как ей хочется, чтобы дочери вели себя просто и без аффектации, что в Англии у девочек много возможностей для полезных для здоровья игр на свежем воздухе, и т. д.

Она просила меня не баловать Цесаревича. Я заверил Ее Величество — этого не случится: Наследник не того склада, чтобы легко избаловаться, да и гувернер не даст ему нарушать дисциплину.

Ее Величество опасалась, что война омрачит юность ее детей, и надеялась, что пережитое оставит в их душах глубокие впечатления без чересчур печальных воспоминаний.

«Какая ответственность, — говорила она, — ложится на тех, кто начал эту ужасную войну! Убийства, ранения, муки, черная тень, брошенная на молодые жизни, которым должно вестись только радость...» Сперва Ее Величество даже не верила сообщениям из Бельгии об обращении оккупантов с мирным населением. «Но теперь у нас имеются все доказательства, и для захватчиков нет чересчур сурового наказания. Ваши английские солдаты не обошлись бы подобным образом даже со злейшими врагами!»

В тот день, сопровождаемый моим верным русским ординарцем Мисси, я уехал в Англию. В поезде я отобедал с адмиралом Русиним, заместителем начальника Генерального штаба по морским делам, и мельком видел Великого Князя Дмитрия Павловича, направлявшегося в Петроград.

26 августа 1916 года.

В шесть утра добрался до Кингз-Кросс.

26 августа — 07 октября 1916 года.

В течение краткого шестинедельного отпуска, проведенного в Англии (за исключением десятидневной поездки на французский фронт), я был занят по горло.

В полночь 07 октября я уехал в Берген и 18 октября добрался до Могилева, где водворился в мою прежнюю квартиру в Ставке.

18 октября 1916 года.

По прибытии выяснилось, что в этот день именины Цесаревича. Император самым любезным образом принял меня за завтраком и сказал, что я должен подробно рассказать ему, как съездил.

19 октября 1916 года.

День рождения вашего покорного слуги совпал с днем рождения генерала Жанена, моего хорошего приятеля из французской военной миссии.

Сэр Джордж Бьюкенен, Линдли, Гренфелл и Блэр вместе с начальником Императорского Генерального штаба прибыли к Императору. Они были приняты должным образом, а после их отъезда Его Величество послал за мной и снова пригласил меня к себе.

20 октября 1916 года.

Императрица снова в Ставке. За ленчем я сидел рядом с ней, и мы долго говорили об Англии [...]. Ее Величество хотела больше узнать о моей семье, особенно о двух сыновьях (старший, которого я оставил, боюсь, обречен, а младший недавно был серьезно ранен). Ее Величество очень добра и относится к людям с большим сочувствием и предупредительностью. Она пожаловалась, что в последнее время плохо себя чувствует — проблемы с нервами и сердцем. [...]

Император прислал за мной после завтрака. При встрече он заверил меня, что в России все в порядке и решимость биться до победного конца крепка как никогда. По его словам, он хорошо сознает важность поддержки Румынии и надеется, что здесь поможет наступление в Салониках.

Императрица Александра Феодоровна и Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны ассистируют во время операции в Дворцовом госпитале

Его Величество выразил надежду, что любые разговоры о сепаратном мире России с Германией будут наказаны по заслугам, то есть как ничто, ибо подоплекой подобных слухов являются происки врага.

Император, как и его армия, твердо намерен продолжать войну до победы. Он призвал не обращать внимания на пустые сплетни, распускаемые в крупных городах, таких, как Петроград, и выразил надежду, что в Англии никого не заденут эти разговоры, за распространением которых стоят Германия и вражеские интриги.

Императрица не менее горячо желает успеха союзникам и надеется, что ободряющие вести с фронтов продолжат поступать. Я выразил Его Величеству надежду, что Ее Величество хорошо отдохнет, ибо она выглядит переутомленной.

Я не вижу перспектив для скорого перехода армии в наступление, ибо зима в России — трудное время.

24 октября 1916 года.

Императрица прислала мне еще цветов и спросила, нельзя ли ей получить фотографии моих детей. Я смог выполнить эту просьбу. На следующий день за обедом я увидел Императора, который сказал, что Ее Величество передала мне свою фотографию с маленьким Цесаревичем. Император также сказал, что если мой сын справится с «дыркой» (то есть выздоровеет от своей раны), то он должен приехать в Россию и познакомиться с ним. Мы говорили о ситуации в Румынии, которая далека от благополучной. Попытки наладить железнодорожное сообщение между Россией и Румынией — сплошная и безнадежная неразбериха.

28 октября 1916 года.

За ужином у Императора я сидел рядом с российским министром финансов Барком, который мне весьма импонирует. У него светлая голова, и хотя он отстаивает прежде всего интересы своей страны, но в делах с нами ведет себя дружелюбно и в высшей степени честно.

29 октября 1916 года.

За обедом Император говорил со мной о Константинополе, где ситуация выглядит более или менее обнадеживающей.

30 октября 1916 года.

За обедом Его Величество сказал мне, что в Румынии после недавнего боя в одной из русских дивизий осталось всего 600 человек. Затем речь зашла о вспыльчивости; Император сказал, что редко выходит из себя, но уж тогда всем приходится

«очень, очень плохо». Он добавил, как скучал обо мне, пока я был в отъезде, и весьма благосклонно отозвался о Уотерсе.

Завтра Его Величество уезжает в Царское Село. Император спрашивал, смогут ли бронированные автомобили Локер-Лэмпсона доехать в Румынию.

05 ноября 1916 года.

Вчера по дороге в Тернополь, куда мы направлялись с инспекцией фронтовых частей, мы посетили большую столовую, которой ведает княгиня Волконская. Столовая работает с самого начала войны и уже накормила много тысяч солдат. Княгиня владеет имением неподалеку отсюда, и большинство припасов в столовой — ее собственного «производства». Некоторое время назад, когда ближайшие районы были очищены от врага, столовую посетили Императрица и Наследник Цесаревич. Столовые приборы, из которых они изволили откусать,

*Августейшие сестры милосердия и другие служащие лазарета
Киево-Покровского женского монастыря в Киеве*

выставлены теперь на стене, и каждый солдат, заходя сюда, может их видеть.

Княгиня рассказала, что ее управляющий получил на фронте тяжелое ранение и был отправлен лечиться домой. Зайдя проведать раненого и проследить, чтобы рану обработали как следует, княгиня спросила, как его ранило. «О, рана — это пустяки, — ответил управляющий. — Вы подумайте, я собственными глазами видел Императора, он разговаривал со мной, вы только представьте!» Если настроения в народе и впрямь таковы, то это хороший знак.

14 ноября 1916 года.

По возвращении из поездки в армию Брусилова я представил Императору отчет.

Он сказал мне, что Алексеев совершенно измотан и, по его мнению, должен взять отпуск. После ужина Его Величество пригласил меня в свой кабинет, где я вручил ему фотографию лорда Китченера, которую прислал сэр Джордж Артур. Затем мы обсудили поручение британского посла, который просил меня переговорить с Его Величеством касательно официального сообщения по Константинополю (мне сразу вспомнилась Кветта, 1885 год и «русским не видать Константинополь»).

Его Величество по достоинству оценил предложение и, как только Штюмер¹ и наш посол договорятся, официальное сообщение будет сделано.

У себя в комнате я нашел свежие хризантемы и другие цветы от Императрицы.

¹ Штюмер Б. В. (1848–1917) — Председатель Совета министров Российской Империи (с 10 января по 10 ноября 1916 г.): министр внутренних дел России, министр иностранных дел России (с 7 июля по 10 ноября 1916 г.).

16 ноября 1916 года.

В Англии солдатские жены порой присылают невероятные письма о пособиях на детей. Мне передали избранные места из этой переписки, которые я показал Его Величеству. Императора немало позабавили эти шедевры, особенно тот, где говорилось: «Я только что родила ребенка, что мне с ним делать?».

Его Величество сказал, что в четыре пополудни получил телеграмму — Мурманская железная дорога достроена и начнет функционировать через шесть недель. Надеюсь, все пройдет гладко и обойдется без сюрпризов.

Брусилов сказал мне, что дает немцам шесть месяцев продержаться за счет нынешнего урожая, затем еще два месяца, если затянут пояса, и три месяца на окончательный коллапс — итого около года. Если он прав, форсированное строительство железных дорог в России становится крайне важным для снабжения фронта боеприпасами и др. Кстати, Брусилов тоже считает, что кавалерия доживает последние дни и что в будущем войны будут вестись так же, как сейчас, но с применением современных открытий в области химии и механики.

20 ноября 1916 года.

С Кавказа приехал Великий Князь Николай со своим братом, Великим Князем Петром. За завтраком они встретились с Императором, который был очень рад увидеть «победителя турок».

Днем я провел некоторое время с Великим Князем Николаем, который, как всегда, держался любезно и сердечно. Он казался вполне довольным

ситуацией на Турецком фронте, хотя и отметил, как не повезло, что погода, подходящая для его военных операций, оказалась неблагоприятной для британских войск в Месопотамии. Выглядит он очень хорошо и, как мы все надеемся, удача и впредь будет его верной спутницей.

Позже Император сказал мне, как он рад увидеть Николая и узнать последние новости о его «отличной работе».

Его Величество говорил так сердечно, что просто не верилось во все эти истории о ревности, соперничестве между ними и т. п.

22 ноября 1916 года.

Слухи множатся не по дням, а по часам — брожение в стране, беспорядки в Думе, Штюрмер обвинен в прогерманизме. Русский офицер, мой друг, говорит, что ему очень не нравится ситуация в целом.

Один из генералов, в прошлом году командовавший корпусом, сказал мне, что при отступлении у его солдат было всего по пять патронов на человека.

Теперь он командует частями неподалеку отсюда и с возмущением говорит о мошенничестве и надувательстве подрядчиков. Он окружен, по его словам, акулами, которые приходят к нему с gueules ouvertes¹, желая вытянуть из него все, что смогут.

Приезд Валентайна из нашей Воздушной службы дал мне возможность обсудить с Его Величеством эту важнейшую тему, особо подчеркнув необходимость ускоренного продвижения молодых офицеров — в этой сфере молодежь играет основную роль.

¹ С разинутой пастью (фр.).

Иванов (я сидел за столом между ним и Императором) со мной полностью согласился. Также присутствовали Штюрмер и министр путей сообщения Трепов.

23 ноября 1916 года.

Штюрмер стал министром иностранных дел. Его назначение не вызвало в России особого энтузиазма. Возможности для разговора были ограничены, так как за столом Штюрмер сидел по другую руку Императора. Трепов, к которому я искренне расположен, кажется довольным обстановкой в сфере, порученной его ведению. Надеюсь, его оптимизм оправдан. Трепов умен и энергичен, все, кого я знаю, отзываются о нем хорошо, но поставленная перед ним задача очень трудна. Штюрмер, похоже, исчерпал свои возможности.

24 ноября 1916 года.

За обедом у Императора собрались генерал Гурко, адмирал Г. (кто, как сообщалось, займет место Штюрмера), генералы Рузский и Жилинский. Его Величество отозвался о Гурко как о прекрасном боевом командире и опытном финансисте и сказал, что уверен — мы с Гурко поладим (что оказалось правдой).

Жилинский, до недавнего времени исполнявший обязанности атташе при французской армии, очень гордится орденом св. Михаила и св. Георгия, пожалованным ему нашим королем. Сейчас Жилинский отозван в Россию.

Трепов сменил Штюрмера на посту министра иностранных дел. «Слава Богу!» — сказал мой сосед за обеденным столом.

*Генерал Василий Иосифович
Гурко, за болезнью генерала
Алексеева исполнял его
должность в ставке*

Его Величество сообщил о предполагаемом визите ряда высокопоставленных представителей союзников. Гурко, снижавший всеобщее расположение, примет на себя обязанности Алексеева на время отпуска последнего.

Затем мы говорили о Салониках, французской конференции и других вопросах.

Обсуждая слухи о явлении Ангелов в Монсе¹, Его Величество упомянул, что одна из его дочерей беседовала с раненым русским солдатом примерно в то время, когда начали поступать сообщения о чуде в Монсе, и раненый рассказал, как в начале войны во время стремительного наступления в Восточной Пруссии они видели Деву Марию².

¹ Согласно целому ряду источников, 26 августа 1914 года, в ходе сражения, происходившего между английскими и германскими войсками неподалеку от бельгийского города Монс, роте британской армии, преследуемой германской кавалерией, явилось войско Ангелов, стоящих между ними и немцами. Лошади немцев испугались и разбежались в разные стороны. Необходимо отметить, что результаты битвы при Монсе сложились удачно для англичан, несмотря на огромное численное превосходство германской армии, а также неподготовленность английских войск к крупномасштабным сухопутным операциям.

² Вероятно, имеется в виду чудесное явление Божией Матери русским войскам над лесом в районе города Августова Сувалкской губернии Российской Империи, в Восточной

Я показал Императору июньский номер «История войны от «Таймс»», любезно присланной мне Уилтоном из «Таймс». Благодаря курьезной случайности на соседних страницах оказались фотографии нашего посла в России Джорджа Бьюкенена, сидевшего в своем кабинете в посольстве под портретом Чарльза Хэнбери Уильямса, бывшего здесь британским посланником в эпоху Екатерины, и фотография Императора Николая II, беседовавшего со мной. Под ней была подпись: «Генерал Уильямс разговаривает с Императором в Петрограде». Некорректное описание и неправильно указанное место — фотография была сделана в Ставке в Могилеве, но тем не менее любопытное совпадение, что в 1916 г. я появился в прессе вместе с моим предком, бывшим на политической арене году этак в 1754.

27 ноября 1916 года.

День рождения Императрицы-Матери. Его Величество удалился на обед с супругой, а я смог передать ей записку с выражениями благодарности за цветы.

Гурко заходил ко мне после обеда, мы долго говорили.

Польше. Это чудо произошло на второй месяц войны — в сентябре 1914 года, перед крупным сражением под Августовым, во время которого русская армия одержала победу над германскими соединениями. Практически после этого события в России появились почитаемые православным народом иконы, изображающие это явление Божией Матери, получившие название Августовских. В 1916 г. Святейшим Синодом было благословлено совершать церковное чествование этих икон. Уже в наше время, в 2008 году, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II было установлено общецерковное празднование в честь Августовской иконы Божией Матери, совершаемое 1/14 сентября.

28 ноября 1916 года.

За ленчем сидел рядом с Ее Величеством. Императрица пребывала в хорошем настроении. Как всегда любезная, она много спрашивала о моем раненом сыне и выражала надежду на победу в войне. Император виделся со мной до ленча и говорил о Константинополе, Румынии и т. п.

29 ноября 1916 года.

Сегодня после ленча состоялась традиционная футбольная разминка с маленьким Цесаревичем, пребывавшем в самом буйном настроении.

01 декабря 1916 года.

Их Величества передали свои поздравления с днем рождения королевы Александры и выпили за здоровье Ее Величества.

03 декабря 1916 года.

Император опечален отъездом Филлимора, что и мне доставило немалое огорчение.

Я сказал Его Величеству, что уже написал домой:

«Враг держит нас в напряжении своими обычными методами — подстрекает брожение в России, сеет недовольство в армии и навязывает негативное отношение к Британской империи. Немцы хорошо осведомлены о затруднениях русских с железными дорогами и транспортом, об опасности нехватки горючего и провианта. Перед российским правительством стоит нелегкая задача, если они хотят пережить зиму без серьезных беспорядков».

Император ответил мне, что держит эти вопросы под личным неусыпным контролем, но, боюсь,

ему на стол кладутся слишком «подслащенные» отчеты о состоянии дел.

Трепов, по словам Его Величества, произнес в Думе «сильную» речь о продолжении войны. Император надеется, что эта речь возымеет хороший эффект.

05 декабря 1916 года.

Император и его августейшая супруга присутствовали на киносеансе для солдат и были восторженно приняты.

Вечером у нас состоялся долгий разговор с Ее Величеством, говорившей о необходимости сохранять бодрость духа и не терять головы из-за затянувшейся войны, которая, по ее убеждению, непременно закончится победой «наших и союзнических сил».

После обеда Ее Величество жестом предложила мне подняться и подойти к ней, желая продолжить разговор. Я пересек комнату и остановился у пианино, где мы и стояли вдвоем. Императрица заговорила о злобной клевете, которую распространяют в больших городах, но выразила надежду, что недавние высказывания министров «по обе стороны воды» убедят людей в том, что союзники неукоснительно преследуют прежнюю цель — воевать до победного конца.

Затем Ее Величество спросила: «Я слышала, вы скоро едете в Петроград с кратким визитом?»

«Да, Ваше Величество, я собираюсь посетить британского посла и узнать последние новости».

«Ну так обещайте мне, что вы не будете верить злобным слухам, которые распускают сплетники».

*Императрица Александра
Феодоровна. 1890-е годы*

Судьба давала мне редкую возможность высказать то, что давно лежало у меня на сердце, — по собственной инициативе я, естественно, не мог заговорить на эту тему. Слова уже готовы были сорваться с языка, но тут подошел Император и со смехом спросил: «Что это вы вдвоем замышляете в уголке?»

Разговор оборвался. Их Величества пожелали мне доброй ночи, и я откланялся.

(N. В.: То был последний раз, когда я видел Императрицу. Не сомневаюсь, даже выскажись я начистоту, мои слова не возымели бы большого эффекта. Некоторые заинтересованные лица

очень просили меня поговорить с Императрицей на эту тему, но я и представить не мог, что мне представится подобный шанс.)

06–18 декабря 1916 года.

В течение двух недель Император отсутствовал. Я часто видел генерала Гурко, первоклассного, умнейшего солдата. Какое счастье, что он выпол-

няет обязанности Алексеева, пока тот в отъезде. Помимо других хороших качеств, это человек, умудренный жизненным опытом.

09 декабря 1916 года.

Император в Петрограде. Надеюсь, он вернется в лучшем состоянии, нежели уезжал. Перед отъездом он выглядел усталым и обеспокоенным.

Сегодня мы слушали обедню на открытом воздухе в честь дня святого Георгия. Стоял с непокрытой головой при минус 10 °С. Мороз пробирал до костей, вернее, до мозга, и это еще мягко говоря.

После обедни торжественным маршем прошел батальон св. Георгия: все молодцы как на подбор, с «Георгиями» (крестами), перенесшие боевые ранения; за ними следовали старые отставные солдаты. Окропление святой водой, должно быть, казалось

Отъезд Императора Николая II из Ставки

им обжигаяще холодным. Затем состоялся ленч с офицерами батальона — сели за стол в 12.30, а уходить самые первые начали в 15.00.

Как они умудрялись выполнять свои задачи в таких условиях, для меня чудо и загадка. Один офицер сказал мне, что вчера отмечали «День артиллериста» и с праздничной вечеринки он ушел в четыре утра!

Больше физической активности и меньше сидения за столами принесло бы им много пользы.

11 декабря 1916 года.

Приятель сказал мне с самым невинным видом, что два незнакомца, присутствовавшие сегодня на ленче — большие любители «de la pêche et de la chasse». Он не так уж и шутил: это оказались правительственные чиновники, собиравшие доказательства против Сухомлинова, бывшего военного министра, на которого за его «pêche» открыли настоящую «chasse»¹.

19 декабря 1916 года.

За обедом я сидел рядом с Императором, вернувшимся вчера вечером. Его Величество очень заинтересовала смена британского Кабинета министров. Император спрашивал меня о пророчестве Китченера, что Германия запросит мира в ноябре.

Сегодня, в день именин Его Величества, все мы присутствовали на праздничной службе в церкви. Засим настал черед традиционных благих пожеланий: я передал Императору поздравительные пись-

¹ Непереводаемая игра слов: pêche по-французски означает и «рыбалка», и «грех». Таким образом, фразу «любители la pêche et de la chasse» можно перевести как «любители рыбалки и охоты», так и «любители грехов и травли».

ма от моего короля, британской армии, нашего посла в России и так далее.

Отправил Цесаревичу книги Сетон-Томпсона, которые выписал специально для него.

20 декабря 1916 года.

Пришло известие о смерти моего старшего сына, не ставшее, впрочем, неожиданностью. Перед обедом я сидел в маленькой приемной Императора, когда маленький Цесаревич вошел в отцовский кабинет, подбежал ко мне и сел

рядом, сообщив: «Папа велел мне пойти посидеть с вами. Ему кажется, вам сегодня одиноко».

Император, как всегда, проявил доброту и сочувствие, с врожденным тактом сказав именно то, что требовалось.

Я заговорил с ним о моей поездке в Петроград на несколько дней, и Его Величество немедленно согласился.

Очень добрая телеграмма от Императрицы:

«Примите мое самое сердечное сочувствие в вашем великом горе. Помогите вам Господь перене-

*Император и Цесаревич
в казачьей форме, фото 1916 г.*

сти это тяжкое испытание. Да ниспошлет он утешение и силы вашей бедной супруге. Александра».

30 декабря 1916 года.

Вечером, когда мы с моим давним другом Чарли Берном, которого я рад был повидать, сидели в номере гостиницы «Астория», мне позвонил Уилтон из «Таймс»: «Они все-таки достали его, генерал!»

Я понял, о ком шла речь.

Это был конец Распутина.

Год тысяча девятьсот семнадцатый начался смертью Распутина, как говорили в России.

[...]

04 января 1917 года.

Вчера вечером, возвращаясь из Петрограда в Ставку, я ехал в поезде с одним из адъютантов Его Величества. Адъютанта переполняли эмоции по поводу возможных последствий устранения Распутина: что будет с офицерами, принимавшими участие в убийстве? Если их станут преследовать, начнется мятеж. Лучше всего, сказал я, было бы отправить этих офицеров в их полки на фронт. История с Распутиным — случай из ряда вон, захватывающий, как средневековый роман, и способный привести к беспорядкам в стране. Лишь весьма влиятельный и волевой человек при дворе сможет четко и беспристрастно представить обстоятельства дела Их Величествам. [...]

К счастью, высочайший манифест по поводу мирных предложений Германии укрепил власть Императора еще до этого мрачного инцидента.

та, но положение критическое: люди не без черного юмора делают ставки, кто будет следующей жертвой.

Ситуацию мог бы разрядить влиятельный человек при дворе и хороший премьер-министр, которому позволят самому сформировать кабинет министров, но сами русские признаются, что таких людей «днем с огнем не сыщешь».

Если Император заговорит со мной на эту тему, чего он наверняка не сделает, я знаю, что сказать, однако сам я не могу начать такой разговор — это немыслимо, некорректно и мне не по чину. Опасаясь, что убийство Распутина — только начало череды серьезных волнений, я не могу не тревожиться за судьбу Их Величеств, которые всегда были исключительно добры ко мне.

Коронованные особы в этой стране слишком далеки от народа. Императрица из-за своей застенчивости [...] редко показывается на публике. Она самоотверженно ухаживает за больными и ранеными и обладает истинно добрым и сочувствующим сердцем, но этого, к сожалению, не видит никто, кроме ее ближайшего окружения. Скованность Ее Величества производит ложное впечатление отчужденности, способной оттолкнуть тех, кто хочет узнать ее получше или сообщить то, что ей необходимо знать.

Сейчас она осталась одна, и это печально. Глядя на ее хорошеньких дочерей, невольно задаешься вопросом, что с ними всеми будет. [...]

Весь январь и почти весь февраль Император отсутствовал в Ставке. Я ездил в Петроград на конференцию союзников, где встретился с моим ста-

рым начальником, лордом Милнером, с которым в 1899 году, перед второй бурской войной, был на Блумфонтейнской конференции.

11 января 1917 года.

Так как в России Новый год празднуют дважды, я написал сегодня моему старому другу графу Фредериксу, попросив передать самые добрые пожелания Императору и Императрице. Я высказал надежду, что этот год принесет долгожданный мир, завоеванный нашими победоносными войсками, и что в трудные времена Их Императорские Величества всегда найдут хороших советчиков. «В придворных никогда не будет недостатка, — писал я. — Найти дельных советников гораздо труднее. Люди, способные говорить открыто и честно, большая редкость — ведь правду не всегда любят слушать. Вы хорошо знаете меня и неоднократно имели возможность убедиться, что я не привык кривить душой. Я понимаю многое из того, что сейчас происходит, но не могу об этом говорить».

08 марта 1917 года.

Сегодня Император вернулся в Ставку и любезно привез мне цветов от Императрицы. Я видел Его Величество на большом банкете, устроенном для участников конференции союзников в Царском Селе, и нам удалось коротко переговорить, но и только.

За обедом я сидел рядом с Его Величеством и нашел, что Царь выглядит лучше. Мы много говорили о конференции; Его Величество сообщил, что генерал Беляев остается в Военном министерстве.

11 марта 1917 года.

Я заговорил с Его Величеством о моем давно запланированном визите в Румынию. Мне предстояло посоветоваться с Алексеевым (который, поправив здоровье, уже вернулся к своим обязанностям) по ряду вопросов касательно тамошнего штаба российских войск. Прощаясь, Император пожелал мне доброй ночи и спросил меня с особым ударением: «Вы твердо решили ехать в Румынию?» Я ответил: «Да, сэръ», — удивляясь его вопросу.

12 марта 1917 года.

Я попрощался с Императором, но по некоторым причинам отъезд пришлось отложить. Послав узнать, могу ли я, как обычно, отобедать с Его Величеством, я получил ответ, что он уехал накануне вечером, взяв с собой батальон св. Георгия, а Иванов отбыл в сопровождении других частей. Накануне единственной странностью мне показалась особая интонация Его Величества, спрашивавшего, точно ли я намерен ехать, хотя, конечно, были и другие признаки приближающейся беды — в последнее время Алексеев, входя к Императору, выглядел обеспокоенным. Но мы в Ставке понятия

*Генерал М. А. Беляев,
военный министр
Российской Империи
в январе 1917 г.*

*Начальник штаба
Верховного
Главного командующего
генерал-адъютант
М.В. Алексеев. В соглашении
с ним Временный Комитет
Государственной Думы
решился просить отречения
Его Величества*

По слухам, Родзянко провозгласил себя «президентом» нового правительства.

Шесть часов вечера. Только что пришли телеграммы о том, что в Петрограде сгорела гостиница «Астория» и вместе с ней — дом бедного графа Фредерикса. Последнего обвиняют (абсолютно безосновательно) в прогерманизме, хотя всего несколько

не имели о надвигавшейся катастрофе.

Пришли тревожные новости о беспорядках в Петрограде: офицеры арестованы, что с правительством и где оно, неизвестно.

Говорят, Алексеев сделал все возможное, чтобы убедить Императора не закрывать Думу, развязать руки правительству и мягко обойтись с воинскими частями, которые взбунтовались и отказались арестовывать тех, кто принимал участие в забастовках, но его усилия оказались тщетными: Император намерен все решать сам.

Днем, хотя у нас пока все спокойно, депеши приходили одна за другой, и в воздухе чувствовалось напряжение. [...]

дней назад Фредерикс, будучи председателем Яхт-клуба, в разговоре со мной пообещал после войны забаллотировать всех немцев.

14 марта 1917 года.

Сегодня услышал разговоры о том, что императорский поезд стоит на железной дороге недалеко от Царского Села и нельзя добыть ни одного паровоза, чтобы тянуть состав; говорят, что Царское Село охраняется войсками, а две дивизии под командованием Иванова удерживают железную дорогу. Пока все приказы в армии выполняются обычным порядком, и большинство заводов, по слухам, работают. С такого расстояния революция в Петрограде кажется вполне мирной, но — дело плохо.

15 марта 1917 года.

За ночь ситуация ухудшилась. Все телеграммы передаются в Генеральный штаб, и я не могу узнать новости.

Всю ночь я обдумывал создавшееся положение, соображая, чем могу помочь. Кроме тревоги за Императора, от которого я неизменно видел исключительную доброту, я знал, что революция приведет к серьезным беспорядкам в России и фактическому прекращению ее союзнической миссии. Поэтому я решил взять на себя смелость обратиться лично к Николаю II.

Свое послание я, разумеется, показал Алексееву, попросив, если он одобрит содержание и сам факт отправки письма, устроить так, чтобы оно было доставлено. Пока письмо находилось у Алексеева, за мной прислал Великий Князь Сергей. Я немедленно пришел; Великий Князь заговорил о создавшемся

положении, подчеркнув важность разрешения свободных прений в Думе. Очень встревоженный, он настойчиво просил меня сообщить об этом Императору, который знает и доверяет мне.

Я сказал, что мое письмо уже у Алексеева и тот, если сочтет возможным, переправит послание Его Величеству. Великий Князь попросил копию для себя, которую я тут же предоставил. Великий Князь Сергей согласился с каждым словом, написанным мной, но сказал, что вести такой важности нужно передавать телеграфом — письмо будет идти слишком долго.

Алексеев согласился, что письмо может оказаться полезным, и поручил одному из офицеров немедленно доставить его Императору, который находился в Пскове с генералом Рузским.

В той ситуации у меня не было времени посоветоваться с нашим послом или властями в Британии или проинформировать о моих действиях по телеграфу или письмом. Я хватался за последнюю соломинку, желая помочь предотвратить то, что, по моим ощущениям, грозило России неисчислимыми бедами.

В критической ситуации необходимо искать выход, и чем быстрее, тем лучше.

Спокойствие в стране должно быть восстановлено.

Работу необходимо продолжать.

В армии, насколько это возможно, надо не допустить брожения умов.

Деятельность антивоенных партий обязательно нужно взять под контроль.

[...]

(Н. В.: Перевозивший письмо офицер был схвачен и разоружен, но, к счастью, ему удалось бежать; письмо вернулось обратно с целыми печатями и лежит сейчас на моем столе невскрытым).

Сегодня телеграфировали из Петрограда, что Родзянко, глава нынешнего Временного правительства, собирается встретиться с Императором и предложить ему отречься от престола в пользу Цесаревича, назначив своего брата, Великого Князя Михаи-

*Великий Князь
Сергей Михайлович Романов,
инспектор артиллерии при
Ставке. Будущий алапаевский
мученик*

ла Александровича, командовавшего Дикой дивизией и другими кавалерийскими частями, — регентом, а князя Львова — главой Совета министров. Правда, слухов так много, что трудно выяснить что-либо наверняка.

Наиболее разумный план, с точки зрения продолжения участия России в войне, — оставить Его Величество на престоле с условием, что он примет новое правительство.

Но, боюсь, в намерения заговорщиков входит низложить Императора — огромная тактическая ошибка для них же самих.

Сегодня вечером сообщили, что Император отрекся.

Великий Князь Михаил Александрович, брат Императора Николая II, в пользу которого было совершено отречение Государя

16 марта 1917 года.

Слухи об отречении подтвердились. Великий Князь Михаил будет регентом, а Великий Князь Николай — Главнокомандующим.

Последняя новость меня обрадовала, но вопрос с преемником на троне, скорее всего, получит дальнейшее развитие.

Если Великий Князь Николай займет пост Главнокомандующего, это будет означать хорошие перспективы для ситуации на фронтах, но в остальном положение дел оставляет желать лучшего.

Сегодня Император вернулся в Ставку. Возникла небольшая дискуссия, должны ли мы встречать его на станции, однако в сложившихся обстоятельствах разумнее было этого не делать. Его Величеству сейчас достаточно трудно и без толпы зевак.

Тем временем на сцене все чаще мелькала безобразная личина анархии; появились признаки, что актеры этой драмы, которая на наших глазах превращалась в трагедию, взяли на себя слишком большую пьесу, больше, нежели могут разыграть.

Если Великий Князь Николай приедет с Кавказа вовремя и успеет смирить флот и армию, это будет хорошо, однако уже сделано достаточно, чтобы нарушить работу заводов и других важнейших для

ведения войны объектов. Все наши усилия и упования кажутся теперь безнадежными.

Великий Князь Сергей говорил со мной о временной должности регента, на которую назначен брат Императора Великий Князь Михаил. На этот пост требовался человек с очень сильным характером. Я ответил, что нашей ближайшей целью остается продолжать войну до победы, и для этого лучше было оставить на престоле Императора с новым правительством, как я уже писал выше. [...]

Господи, сколько русских говорили мне — революция случится после войны, никак не раньше...

Я страстно желал увидеть хоть малый просвет, хоть какие-то перспективы, но впереди была сплошная чернота, хотя некоторые говорили о создании «новой России».

Новая Россия, если таковая будет, не сможет помочь нам, союзникам.

17 марта 1917 года.

На встрече с коллегами — представителями союзников — в моем кабинете было решено телеграфировать Великому Князю Николаю заверения в нашей союзнической поддержке и сообщить, что мы ожидаем его в качестве Главнокомандующего.

Ко мне зашел Васильев, дипломатический офицер, прикомандированный к штабу; вскоре к нам присоединился генерал Жанен. Васильев говорил, что на Черноморском флоте пока спокойно, однако разгорелся мятеж на Балтийском флоте, где служат в основном выходцы из рабочих, а не сельских районов. Впрочем, утренние отчеты принесли некоторое облегчение.

Высказывалась озабоченность по поводу надежного убежища для Императора. Бедный старый граф Фредерикс прислал спросить, не мог бы я зайти и повидать его. Разоренный и сломленный, этот благородный старик не утратил былого величия, хотя его дом в Петрограде сторел, дорогие предметы искусства разграблены мародерами, а супруга, которая уже в почтенных летах и нездорова, переехала в военный госпиталь Гвардейского корпуса (в этом полку когда-то служил Фредерикс).

Императору разрешили сообщаться с Царским Селом, где Августейшая Семья содержится под стражей; все дети, кроме одной дочери, слегли со скарлатиной, что добавило Императору забот — поистине беда не приходит одна.

Говорят, сегодня арестован Воейков, придворный Императора и зять графа Фредерикса.

Вчера вечером ко мне пришел граф Граббе, командующий императорской казачьей гвардией, и мы с Жаненом и де Рикелем долго говорили. Беспokoясь за жизнь Императора, мы, главы союзнических миссий, предложили проводить его до поезда, который отвезет Его Величество в Царское Село.

18 марта 1917 года.

В моем кабинете прошла ежедневная встреча глав военных миссий; мы обсудили создавшуюся ситуацию и попытались разработать способы поддержания боевого духа в армии, чтобы солдаты оставались на фронтах и продолжали войну.

Сегодня мы направили командующим на фронт телеграмму следующего содержания:

«Сейчас, когда новый Главнокомандующий принимает командование армией и флотом, генералы-представители союзных армий при Ставке Верховного Главнокомандующего Русской армии считают своим долгом заявить, что они по-прежнему сохраняют абсолютную уверенность в скорой и окончательной победе наших армий, выступающих против общего врага.

В создавшейся обстановке представители союзных армий также считают своим долгом сказать русским братьям по оружию, что наша твердая вера в грядущую победу зиждется на неизменных успехах, о которых сообщается со всех боевых фронтов. О непоколебимой вере в победу свидетельствует масштабность подготовки общего наступления, запланированного на весну, и определенные результаты, к которым уже привело укрепление нашего священного боевого союза. Лишь подобный альянс способен обеспечить триумф принципов свободы для наций и граждан».

Были получены ответы следующего содержания:

«Генералу Хэнбери-Уилльямсу.

Обращаясь лично к Вашему Превосходительству, я хочу выразить глубочайшую признательность всем представителям союзных армий в Ставке Верховного Главнокомандующего Русской армией за искреннее выражение чувств и полностью разделяю их уверенность в грядущей победе союзных армий в войне с общим врагом.

Генерал Рузский, Псков, 7/20 марта».

«Генералу Хэнбери-Уильямсу

Высокие цели, за которые проливается братская кровь солдат союзных армий, не могут не гарантировать нам победы над жестоким и упорным врагом, и я прошу Ваше Превосходительство благосклонно принять и передать генералам-представителям союзных армий мое непоколебимое убеждение в том, что армии, вверенные моему командованию, выполнят свой священный долг и приложат все усилия для победы над врагом (который уже начинает ослабевать под давлением наших доблестных союзников) во имя триумфа истины и справедливости.

Генерал Сахаров¹, Яссы».

«Генералу Хэнбери-Уильямсу

Депешу, подписанную Вашим Превосходительством и другими представителями союзнических армий, я разослал для ознакомления всем войскам Западного фронта. Я глубоко уверен, что наша Родина выдержит любые недолговечные внутренние потрясения и выйдет из испытаний еще более сильной, что позволит Русской армии в тесном альянсе с союзниками добиться окончательного и решительного успеха в борьбе против общего врага. Победа послужит делу мирного развития наших свободных народов и охладит притязания Германии на мировое господство, основанное на насилии и жестокости.

Генерал-адъютант Эверт²».

Ответ, полученный от Великого Князя Николая:

¹ Сахаров Константин Вячеславович – русский генерал, в описываемый период – командующий Румынским фронтом.

² Эверт Алексей Ермолаевич – русский генерал, в 1915 г. – главнокомандующий Западного фронта.

«Генералу Хэнбери-Уильямсу, Ставка.

Посылаю Вам и главам военных миссий союзников мою самую искреннюю благодарность за телеграмму. Уверен, Вы поможете мне в организации и осуществлении объединенного руководства действиями союзников, так необходимого для нашего общего успеха и окончательной победы.

Великий Князь Николай».

Ответ пришел и от Алексеева, в распоряжение которого я отдал себя на случай, если смогу быть чем-то полезен. Он писал:

«Мой дорогой генерал, в эти тягостные часы, выпавшие на долю моей страны, я глубоко признателен Вам за чувства, которыми продиктовано Ваше письмо.

Будьте уверены, если представится случай воспользоваться Вашей готовностью и доброй волей, свидетельства которой Вы неоднократно дружески выказывали, я буду счастлив к ней прибегнуть.

Примите, мой дорогой генерал, уверения в моем самом сердечном уважении.

Начальник штаба Верховного
Главнокомандующего
генерал-адъютант Алексеев».

Я разослал телеграммы командующим армий от своего имени и от имени моих коллег.

Его Величество и Императрица-Мать сегодня утром посетили церковную службу.

Связь с Петроградом по-прежнему неважная.

18 марта 1917 года.

Вчера после обеда я получил телефонограмму от графа Фредерикса, просившего его повидать, и немедленно отправился к нему. Хорошо помню, как я шел в непроглядно темной, мрачной ночи, опустившейся на Императорский штаб. Войдя, я увидел, что все вещи графа собраны.

Оказалось, Фредерикс получил информацию о том, что «приговорен к смерти», и ввиду скандала, который вызовет его арест среди приближенных Императора, решил уехать сегодня ночью, если удастся, в Крым. Граф говорил, что ему уже не для чего жить и нет дела до себя, но он твердо намерен не усугублять и без того трудное положение, в котором оказался Император.

Здесь бедный старик окончательно расстроился, несколько раз поцеловал меня по русскому обычаю и просил сообщить о его отъезде моим коллегам.

На прощанье он сказал: «Вы всегда были мне хорошим другом».

(N. В.: Этот прекрасный, величественный старый джентльмен был в высшей степени несправедливо обвинен в прогерманских настроениях на том основании, что он был немец по происхождению.)

Рано утром я получил телефонограмму, где говорилось, что Императрица-Мать хочет меня видеть. Я пришел и оставался с Ее Величеством примерно полчаса; у нас состоялся печальный и весьма болезненный разговор, в котором она выказала великое мужество. Мы говорили на разные темы. Уходя, я встретил Великого Князя Александра, который

*Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна
среди раненых воинов в Петрограде*

заговорил об очень серьезном и опасном положении в стране и о происках врага, подстрекающего рабочий класс к прекращению войны.

Временное правительство объявило о своем решении продолжать войну, но интриги и прочая подрывная деятельность разлагали рабочий класс и лили воду на мельницу сепаратного мира со стороны России.

Чем скорее приедет Великий Князь Николай, тем лучше, но в дороге он может столкнуться с непредвиденными трудностями — революционеры могут задержать состав и чинить препятствия на пути его следования.

Если мы должны держать наши армии на фронтах, новому правительству необходимо сделать заявление о поддержке союзников, но когда это будет,

один Бог ведает. С другой стороны, нужно поддерживать хотя бы Временное правительство, чтобы ситуация не ухудшалась.

Великий Князь Александр обсуждает различные предложения по восстановлению прежних целей — помогать союзникам и продолжать войну.

Сегодня я освободился очень поздно — тревога за поездку Императора в Царское Село заставила нас, союзников, всерьез задуматься, чем мы можем помочь. [...]

Мы решились предложить Его Величеству сопровождать его в поезде в надежде, что присутствие союзных генералов обеспечит его безопасность.

Вернувшись к себе после краткой прогулки, я нашел записку, где говорилось, что Император хочет меня видеть (вернее, что меня требуют «во дворец» к шести вечера).

Я шел по грязным улицам среди заметно сгущавшейся темноты, и мысли мои становились все мрачнее. В памяти проносились счастливые дни, когда я шел на визит к Царю всея Руси, встречавшему меня неизменной веселой улыбкой, даже когда дела шли не лучшим образом.

Я не испытывал дурных предчувствий, отлично зная, что сейчас не может быть хороших новостей.

Кроме небольшой группы бродяг у ворот, кругом не было ни души. Я направился к крыльцу. Луч света из примыкавших кабинетов Генерального штаба скупо освещал заплывшую грязью аллею.

У дверей меня остановил часовой с красной повязкой на руке — символом революции. Сперва он и слушать не хотел о том, чтобы меня впустить, но я объяснил, кто я такой, и в этот момент верный

старый камердинер Царя появился и велел часовому «впустить меня немедленно».

С каждым шагом ко мне возвращались все новые воспоминания. Ступени, по которым сбегал маленький Цесаревич, чтобы попрощаться с нами; приемная, прежде полная офицеров и министров, явившихся с официальным визитом, где мы ежедневно собирались перед ленчем и обедом или по особым случаям вроде достопамятного вручения фельдмаршальского жезла.

Сейчас приемная была пуста и освещалась лишь светом бра над пианино. Здесь я стоял, в последний раз разговаривая с Императрицей. В подобных обстоятельствах такую душевную сумятицу чувствует, наверное, каждый.

У меня не было времени заготовить официальную речь; все, что я смог сказать при виде знакомого лица, было: «Мне очень жаль».

Думаю, Его Величество прекрасно меня понял.

Я прошел за ним в кабинет, и нас оставили одних.

Вещи, видимо, были уже собраны — кабинет, прежде нарядный, украшенный цветами и фотографиями, выставленными на большом столе, казался теперь неприятно пустым. Но Его Величество сидел за столом в своей форме защитного цвета точно так, как прежде, когда я приходил на аудиенции. Он выглядел бледным и усталым, с заметной чернотой под глазами, но с улыбкой пожал мне руку и пригласил присесть на диван, где мы могли поговорить.

Я спросил Его Величество, удастся ли ему хоть немного спать и как поправляются дети, лежавшие больными в Царском Селе.

Николай II ответил, что спать ему удастся и что новости о заболевших утешительные. Один из офицеров принес ему письмо от Императрицы, спрятав его под кителем. По словам Его Величества, тревожившегося за супругу и детей, весточка стала для него большим утешением.

Мы поговорили о планах на будущее; конечно, Император понимал, что его будущее от него уже не зависит. Он сказал, что хотел последовать моему совету, который я осмелился дать в своем письме, но события развивались стремительно, и вскоре стало слишком поздно. Предложение, чтобы Цесаревич занял престол под опекой регента, Николай II принять не мог, так как не вынес бы разлуки с единственным сыном, равно как и Императрица.

Его глубоко тронуло наше предложение сопровождать его в Царское Село. Император выразил надежду, что ему не придется уезжать из России, считая, что ему разрешат переехать в Крым. Но даже если нет, сказал Его Величество, то он скорее переедет в Англию, чем куда-либо еще.

Он не выказывал беспокойства по поводу собственной безопасности, что вообще было для него типично.

Вопрос о политическом убежище по многим причинам был для Николая II трудным.

Он выразил желание написать мне лично, выбрав именно такой «канал связи», и добавил, что правильным будет поддерживать новое правительство, ибо это лучший способ сохранить Россию в альянсе и закончить войну (последнее он неоднократно подчеркивал). Император тревожился, что революция погубит армию.

Когда я собрался уходить, он попросил меня прислать ему мою фотографию, что я сегодня и сделал; взамен Император обещал прислать мне одну из своих.

Когда я сказал «до свидания», думая, что завтра придется прощаться более официально, он повернулся ко мне и добавил: «Помните, сейчас нет ничего важнее победы над Германией».

Я вышел опечаленный и подавленный, думая, что Его Величество все еще надеется на победу, тогда как я уже нет.

Чернейшей, беспросветной во всех смыслах ночью я вернулся домой.

20 марта 1917 года.

Вчера я лег спать, думая о катастрофе, обрушившейся на свергнутого монарха.

После обеда пришел Великий Князь Сергей и долго просидел у меня в кабинете. Мы надеялись получить ободряющие сообщения из Англии о здешней армии. Анархия уже ощущалась; будет большой удачей, если Августейшая Семья сможет выбраться куда-то в безопасное место.

Покидая вчера резиденцию Императора, я увидел два красных флага, свешивавшихся из окон мест-

Государь Император Николай II

М. В. Алексеев

ной Думы почти напротив его кабинета. Прохожие на улицах, всего неделю назад кричавшие «ура» Императору, теперь расхаживали с красными бантами, приколотыми к пальто.

Будь здесь несколько сильных, влиятельных людей, все еще могло бы перемениться, но самодержавия больше нет.

Пришло сообщение от Алексеева, что нам лучше не сопровождать

Императора; Алексеев уже столкнулся с серьезнейшими проблемами, устраивая ему поездку в Царское Село, и теперь, когда правительство гарантировало безопасный проезд, наши действия могут быть восприняты как недоверие новому правительству. Мы, естественно, подчинились этому решению. Даже Император, несмотря на обрушившиеся на него несчастья, посчитает правильным поддержать выбранное правительство, два представителя которого будут его сопровождать.

Полдень: я только что попрощался с Императором. Он сказал, что надеется увидеть меня в Царском Селе, едва ли понимая всю эфемерность такой надежды.

Император заверил, что ему удалось немного поспать, но выглядел он измученным и подавленным. Он сказал, что написал прощальное посла-

ние к армии, которое, как он надеялся, будет обнаружено.

За мной пришли прощаться мои коллеги из других военных миссий, опечаленные и встревоженные. Император попрощался с каждым; не знаем, увидим ли мы Императора снова.

Плохие новости из Петрограда. В городе более-менее тихо и спокойно, но в армии, как сообщается, «неважно». Британские офицеры постоянно приезжают в войска, призывая их к порядку, но, похоже, солдаты не желают видеть на посту Главнокомандующего Великого Князя Николая и вообще никого из Романовых.

Творится настоящее безумие; люди и впрямь обезумели и готовы раздуть пламя, погасить которое удастся лишь титаническими усилиями.

Два часа дня: сообщения с Балтийского флота. Мятеж поулегся; матросы выразили сожаление в связи с убийством адмирала, которое, по их словам, они совершили под влиянием грандиозной провокации.

Сообщается, что граф Фредерикс арестован в Гомеле. Все плохо, но этот случай — из ряда вон. Алексеев очень обеспокоен ситуацией.

Послание из Генерального штаба относительно охраны Императора:

«Временное правительство приняло положительное решение по трем вопросам: оно примет все

Князь Г. Е. Львов

меры для обеспечения беспрепятственного проезда Императора в Царское Село, его пребывания в Царском Селе и проезда до Румынии в Мурманск.

Председатель Совета министров, князь Львов».

21 марта 1917 года.

Сегодня перед отъездом Император прощался со штабом — очень трогательная церемония, как мне передавали. Некоторые офицеры не сдержали слез. [...]

Люди здесь ходят по улицам с красными лентами на одежде. Полицию распустили — это называется «свободной страной» (не дай Боже!). Сегодня, проходя с итальянским генералом мимо церкви, я увидел первые результаты такой «свободы». Мы заметили, что печная труба и примыкающая к печи стена этого деревянного строения охвачены огнем и что остроконечная крыша тоже начинает заниматься. В алтаре преспокойно сидели какие-то люди. Мы сказали им о пожаре и огляделись в поисках кого-то, способного поднять пожарную тревогу. Так как полиция упразднена, пришлось просить случайно оказавшегося рядом солдата бежать за помощью. Пожарная бригада, к счастью, не упраздненная новой властью, вскоре приехала и спасла остатки здания. [...]

22 марта 1917 года.

Когда я проснулся, Мисси, мой ординарец и слуга, положил мне на кровать ворох телеграмм.

В 10.30 я, по просьбе Императрицы-Матери, зашел повидать ее перед отъездом в Киев. Последние события очень печалят и мучают Ее Величе-

ство, но я не видывал более волевой и бесстрашной женщины.

23 марта 1917 года.

Вчера вечером Алексеев послал за мной, и мы долго говорили. [...]

Жанен, де Рикель и я сделали все, что было в наших силах, но наши попытки сопровождать Императора в Царское Село были пренебрежительно отвергнуты.

Консультант Главного артиллерийского управления генерал-майор Джон Хэдлем, только что вернувшийся из поездки на фронт, показал мне очень интересный отчет о том, какие настроения царят в войсках.

Многие офицеры, к несчастью, прониклись совершенно ложным убеждением, что двор сверху донизу является прогерманским, однако не проявляют неприязни к царской династии. Назначение Великого Князя Михаила регентом приветствовалось, переход престола к Цесаревичу — тоже. [...]

Снова и снова Хэдлем слышал выражение: «Теперь у нас есть ответственные министры».

Киев, который он проезжал, являет собой смесь спокойствия и истерии.

Знакомый ему русский офицер, только что вернувшийся из Петрограда, рассказал следующее:

«Реальную опасность представляет крайнее крыло «лейбористской партии», где окопались не кто иные, как анархисты и террористы. Их всего-то процентов пятнадцать, но они имеют большое влияние. Эти люди не думают о последствиях и готовы закончить войну единственно ради поддержки

Февральские дни на улицах Петербурга

собственных доктрин. Они уже призывают убить Родзянко, который, как заявляют анархисты, спит и видит себя «первым президентом республики», а заодно и собственного представителя в правительстве, социалиста Керенского — дескать, «слишком умеренный», стал министром и теперь отрекнется от прежних обещаний.

Правительство не смеет приструнить этот «анархический элемент» — им удалось заручиться поддержкой солдат и теперь их партия называется Союзом рабочих и солдат.

Поддерживающие их солдаты находятся в депо Петрограда; в основном это юнцы 18–19 лет, лишь менее двух процентов среди них составляют нюхавшие пороха служаки. Первые два-три дня солдаты опустошали продуктовые и винные магазины, засыпая прямо там, где пили; теперь, когда им предложили высказаться, оказалось, они сами не знают, чего хотят. Эти, с позволения сказать, солдаты заявили,

что выполнили свою работу, скинув царя с трона, и теперь требуют выплаты жалованья и разрешения идти на все четыре стороны.

Очень важно предотвратить распространение влияния партии анархистов в регулярной армии. Делегаты, присланные правительством, большого вреда не причинят — они прибывают официально и работают с разрешения и под надзором командиров. Опасность заключается в тайных эмиссарах, которых экстремисты присылают для возбуждения мятежей.

Материального ущерба Петрограду нанесено немного. Помещения Военного министерства не пострадали, за исключением, может быть, нескольких разбитых стекол, но шесть генералов убиты на улицах, и несколько полицейских инспекторов, по слухам, сожжены заживо. Самый опасный элемент — матросы флота: они заживо сожгли адмирала, жена которого скончалась, не перенеся шока, а дочь застрелилась.

Снабжение фронта боеприпасами возобновилось, но дело движется плохо. Солдаты думают, что могут обойтись без офицеров — сыграли свою роль избыток болтовни и визиты агитаторов [...]

24 марта 1917 года.

Вчера все утро был очень занят телеграммами. Затем пришло сообщение о прибытии Великого Князя Николая. В 5 часов пополудни я пришел на станцию встретить его у поезда. Великий Князь Николай приветствовал меня самым радушным образом, как и Великий Князь Петр. С ними был мой старый друг Голицын. Сопровождение провели в каби-

нете Великого Князя. Генерал Жанен и остальные коллеги присоединились к нам за ужином (Жанен и я сидели за столом Великого Князя Николая).

Последний ехал в Ставку настоящим «триумфальным маршем», приветствуя войска и мирное население, собиравшееся на станциях к его поезду. Это означало, что не менее теплый прием может ожидать Великого Князя и в Петрограде. [...]

Но в целом ситуация остается критической и неопределенной.

В десять утра Жанен и я получили послание с просьбой прийти к Великому Князю.

В вагоне князя Голицына мы прождали до полудня, но впустую; в конце концов нам пришлось уйти, так как у нас была масса собственной работы. Позже мы присоединились к Великому Князю за ленчем. Продолжают приходить депеши, напоминающие нам быть «как можно корректнее в своей позиции». [...]

25 марта 1917 г.

В шесть часов вечера князь Голицын пришел ко мне и сказал, что Великий Князь получил письмо, которое должно было застать его в дороге, от Временного правительства с просьбой уйти в отставку в связи с тем, что народ якобы не желает видеть на службе никого из Романовых. По словам Великого Князя, у него сложилось впечатление, что желанием народа было как раз видеть его на должности Главнокомандующего и что сам Император написал ему, попросив принять командование армией, однако все выглядит так, что он ошибся, поэтому Великий Князь сообщил о своей отставке Времен-

ному правительству и стал ждать дальнейших указаний о том, что ему надлежит делать и куда и когда отбыть.

Жанен, который в это время был у меня, и я выразили свое сожаление и сообщили новость коллегам.

После обеда ко мне зашли два генерала; мы согласились, что в сложившихся обстоятельствах лучшим — и единственным — выходом для Великого Князя станет принять ситуацию как есть. Один из генералов, начальник кавалерийской школы, выразил надежду, что теперь все пойдет хорошо; он получил телеграмму от Гурко, который планировал быть здесь сегодня или завтра, и считал, что Гурко будет начальником Генерального штаба и Главнокомандующим Русской армии.

Он убеждал меня, что ситуация скоро выровняется сама по себе — в Петрограде тихо, и тому подобное.

«А как же продовольствие? — возразил я. — Его раздавали щедрой рукой, но лишь до девятого марта».

Насчет этого генерал сомневался. А ведь именно отсюда надвигалась беда!

Другой генерал сказал мне, что, к сожалению, солдаты, находящиеся сейчас на службе в Петрограде, принадлежат к классу, участвовавшему в революции 1905–1906 годов, не признают офицерского начальства и практически все «красные».

Я рассказал Великому Князю о депеше, полученной мной из Петрограда, о том, что Временное правительство гарантирует личную безопасность Императора. [...]

26 марта 1917 г.

Сообщили, что сегодня днем Великий Князь Николай примет глав союзнических военных миссий.

Прибыл Поливанов, помощник военного министра. Я встретился с ним в штабной столовой во время ленча. Поливанов сразу подошел ко мне и сердечно пожал руку, называя меня «самым давним другом среди союзников», как в свою бытность военным министром. Он был в прекрасном настроении и говорил: «Все идет хорошо, мне нравится такой плотный рабочий график, это мне подходит. Трудности и волнения — это прекрасно!»

Как бы ему не получить непомерно много и того, и другого: по-моему, эти господа откусили больше, чем смогут прожевать. Договорились встретиться завтра в четверть одиннадцатого. [...]

27 марта 1917 г.

Сегодня утром состоялся долгий разговор с Поливановым. Он очень оптимистично настроен. По его мнению, Алексеев — поборник слишком строгой дисциплины (Бог знает, сколько хоть какое-нибудь подобие дисциплины продлится при этих господах, удивляющих своим чисто детским поведением.) Он подчеркнул необходимость поддерживать Временное правительство. Я заверил его, что мы сделаем для этого все, что в наших силах, и честно добавил, что не только ради России, но ради продолжения войны совместно с нами, союзниками.

28 марта 1917 г.

Базаров из Генерального штаба зашел ко мне спросить, доволен ли я результатами беседы с Поливановым.

Я ответил: «Да, пока все вроде бы хорошо», но упомянул, что Поливанов обеспокоен приказами Алексеева в армии.

Я не видел способа отпустить дисциплинарные «вожжи» теперь, в такой важный момент; единственной, на мой взгляд, возможностью было немного изменить формулировки, неукоснительно придерживаясь принципа.

Постепенно становлюсь своего рода посредником между русскими и... русскими. Жаль, что не могу им сколько-нибудь существенно помочь. [...]

Бедный генерал Коанда, румын, пришел ко мне с жалобой на трудности с железными дорогами и снабжением в Румынии. Здешний штаб, при нынешней дезорганизации, мало на что способен, и я всей душой сочувствую генералу, но единственный выход, как я ему сказал, — ехать в Петроград и попробовать навести подобие порядка в том хаосе, что творится в Военном министерстве. Боюсь, однако, мой совет — не более чем соломинка для утопающего.

29 марта 1917 г.

Генерал А., старый товарищ Великого Князя, принес мне копию переписки между Великим Князем Николаем и Временным правительством по поводу ухода Великого Князя с поста Главнокомандующего.

Он сказал, что все они уехали в крымскую Ливадию, где у Его Императорского Высочества есть собственное имение, и что Голицын и его штаб пока остаются при них. [...]

Генерал А. сказал мне, что один из лояльно настроенных к нему солдат, проезжавший на поезде в гражданском платье, подслушал разговор двух

евреев, обсуждавших положение в стране и говоривших, что нынешняя республика — совсем не то, чего им хотелось.

Некоторые казаки в Петрограде настолько недовольны сложившейся ситуацией, что ушли прямоком на фронт, когда в Петрограде распространилась новость об убийстве взбунтовавшимися матросами восьмидесяти русских морских офицеров. И это в телеграфных сообщениях называют «мирной революцией»!

31 марта 1917 г.

Сообщается, что арестован генерал Иванов. Всего несколько месяцев назад он был одним из героев войны.

Противно слышать, как люди, еще вчера из кожи вон лезшие, чтобы быть представленными Императору, теперь наперебой оскорбляют его.

[...] Когда слышишь, что Император «в стоворе с немцами» и тому подобное, это наглая ложь, и одному или двум болванам-сплетникам я сказал это в лицо.

Вчера прибыл новый военный министр Гучков. Отобедав в штабной столовой, он подошел к нам и сказал, что хотел бы видеть сегодня у себя глав иностранных военных миссий. [...]

02 апреля 1917 г.

Ригтс, американский военный атташе, прибыл вроде бы по делам. Стало быть, в игру вступают США.

03 апреля 1917 г.

Дни заполнены отправкой телеграмм и описанием ситуации: я выслал отчеты нашему послу

в Петрограде и военному министерству в Англии, что означало массу работы для моего штаба из двух человек и для меня самого. И Эдвардс, и Портерс работали за четверых.

Вчера я встретил бывшего помощника коменданта Варшавы, который случайно оказался в Петрограде во время революции. Он рассказал, что обедал в «Яхт-клубе», когда внезапно на улице началась пальба, и мимо проехала машина с раненым офицером. Официанты клуба присоединились к мятежникам. Он попытался уехать домой, но по телефону сообщили, что его шофер застрелен, поэтому он и еще несколько человек провели ночь в читальном зале клуба, так как в других помещениях стоял оглушительный гвалт. На следующее утро он смог добраться до Думы, превратившейся в место общего сбора для тех, кто искал убежища. Он оставался там некоторое время, но в конце концов приехал сюда, в самое сейчас безопасное, полагаю, место в России.

Он сказал мне, что бедный старый граф Фредерикс после ареста был препровожден в какой-то дом, где был вынужден спать на полу без еды и воды в первый день и с очень скудной пищей во второй. Сообщают, что он очень болен, но его все равно держат под стражей в результате бредовой идеи о прогерманских настроениях Фредерикса, который является немцем по крови. Полнейшая неправда!

*Генерал-адъютант
Н. И. Иванов*

На улицах Петрограда в марте 1917 г.

Великий Князь Сергей приходил ко мне вчера вечером и сказал, что выслал Временному правительству уведомление о своей отставке из армии и со дня на день ждет приказа. Я посоветовал ему оставаться в квартире и не ходить в штабную столовую до получения распоряжений.

Великий Князь Борис находится под арестом в своем вагоне.

До нас дошла ужасная история о расправе над одним из адмиралов, которого вывели раздетым и босым на лед и заживо сожгли.

04 апреля 1917 г.

Вчера звонил капитан Василий Голяшкин, который с Филлимором и мной был на довольно «горячем» участке Рижского фронта, а сейчас уехал во Францию для соединения с частями генерала Палицына. Стало быть, рядовые дела кое-как идут. Должен признаться, Голяшкин нимало не жалеет, что выбрался подальше от неразберихи и беспорядков.

Сегодня пришла новость о том, что евреи вскоре получают полные гражданские права.

Об апреля 1917 г.

Вчера вечером выехал из Ставки и сегодня прибыл в Петроград. Удалось получить номер в гостинице «Медведь». Путешествие оказалось прескверным. Прибывший Риггс разделил со мной двухспальную кровать; Мисси, мой верный русский ординарец, лег поперек дверей и подпирал спиной створки, ибо гостиница переполнена рядовыми солдатами, которым после отмены сословий позволено входить везде и ездить в любых вагонах. На кровати нельзя было двинуться без риска сыграть на пол, и не было еды, но солдаты держались с нами очень хорошо.

Комнаты здесь неплохие, но нет отопления, и я сижу в снотовой шубе (которую привез из Канады и не нарадуюсь теперь своей удаче) и дрожу даже в ней, ибо русская зима ни в коей мере не кончилась. Как писала одна американская газета о Северной Дакоте, «зимой вам здесь не сады Эдема».

Ни хлеба, ни печенья, лишь вареное яйцо и джем — самое невкусное сочетание, какое я знаю, однако мне чертовски повезло, что хоть это есть.

На улицах более-менее тихо, но голодные толпы осаждают пекарни и булочные.

В посольстве я узнал новости, которые трудно назвать хорошими. По дороге назад проходил мимо Зимнего дворца, где часовые, прислонившись к стене, курили сигареты. Некоторые из солдат отдали мне честь, некоторые нет, хотя и стояли со смущенным видом, явно борясь с желанием взять под

kozyрек. Полагаю, они опасались показаться недостаточно революционными.

За столом во время обеда сидел с английским торговцем, прожившим здесь много лет. Бедняга очень подавлен и не видит конца беспорядкам. Его рабочие бастуют и требуют нереальных зарплат. Думает, что вскоре здесь произойдет еще одна революция. Считаю, что он прав.

Ходят слухи, что Августейшая Семья уехала в Петергоф — оставаться здесь им слишком опасно.

Перед самым моим отъездом из Ставки Великий Князь Сергей прислал за мной, пояснив, что хочет кое-что сказать мне лично, так как вряд ли будет еще в Ставке, когда я вернусь. К нему попало письмо от Императрицы к Императору. Офицер, взявшийся передать послание, с трудом избежал ареста. Великий князь просил меня как-нибудь передать Императору, что он сжег то письмо.

Я ответил, что у меня нет способа связаться с Императором, и вряд ли мне стоит искать связи с ним.

В газете сообщается, что перехвачено письмо Императора ко мне, в котором он сообщает, что с его семьей все хорошо, и упомянуто, что я друг Его Императорского Величества. Впрочем, написано без осуждения — просто констатировали факт.

Я так и не получил то письмо. Перед отъездом Император обещал написать мне и, без сомнения, сдержал слово.

Существующее правительство явно хочет заручиться всей поддержкой, которую только сможет получить. Сейчас они оказались между Сциллой ослабления собственных сил в результате падения

дисциплины в армии и на флоте и Харибдой новой революции.

Пасха, 08 апреля 1917 г.

В прошлом году наша Пасха совпала с русской, и мы праздновали ее вместе с Императором. А сейчас уже нет Императора, взамен — шаткое подобие республики.

Поехал в Военное министерство переговорить с Гучковым. Приема дожидалась толпа солдат в разномастной униформе и какие-то депутаты, причем министр был обязан принимать всех в порядке очереди. В результате зашел к нему в 17.30, и потом он отвез меня в Ставку в своей машине.

09 апреля 1917 г.

Улицы полны слоняющимися без дела солдатами, которые курят сигареты и болтают. Никто больше не останавливается и не вытягивается во фронт при виде генерала. Каждый день — солдатские парады и хоровое пенье «Марсельезы» на площади, где похоронены «жертвы» революции.

Я начинаю верить, что последние вот-вот поднимутся из могил и попросят певцов заткнуться. Сочувствую нашему посольству, чье здание примыкает к этой площади.

Люди напоминают расшалившихся детей, прогуливающих школу, но ситуация с каждым днем становится все серьезнее. Солдаты бездельничают, рабочие тоже бездельничают и требуют повышения зарплаты. Если армия не возродит дисциплину в своих рядах, я не вижу для нее иного будущего, кроме наступления анархии.

В опубликованном американской компанией пресс-коммюнике с выдержками из российских газет сказано: «Девятнадцатого марта Николай Второй, после получения разрешения от командира, послал на фронт представителю Британской армии следующую телеграмму:

“Генералу Хэнбери-Уильямсу. Дети поправляются. Мое самочувствие улучшилось. Николай”.

Перед отправкой телеграммы офицер немного переделал текст. Генерал Хэнбери-Уильямс – один из близких друзей бывшего Императора».

(Я так никогда и не получил эту телеграмму и до сих пор гадаю, как она выглядела до той непрошенной редакции.) [...]

12 апреля 1917 г.

Вчера поздно вечером получил телеграмму – меня отзывают в Англию. Я не жалею об этом, ибо не вижу для себя перспектив принести здесь особую пользу, однако мне жаль оставлять своих русских друзей, с которыми я очень сблизился за три года и столько повидал. Нельзя было прожить бок о бок с ними столько времени и не полюбить этих людей.

16 апреля 1917 г.

Написал домой о последних новостях. Боюсь, письмо вышло невеселым, но я вижу, что Россия остается в беспомощном состоянии, по крайней мере в том, что касается военного сотрудничества.

17 апреля 1917 г.

Много ездил верхом. Мне никто не мешал; хотя я не ношу красной повязки, меня, должно быть, считают эксцентричным англичанином, которому

и дела нет до всяких революций. [...]

22 апреля 1917 года.

За обедом мне показали вырезку из немецкой газеты, где Бьюкенену открыто желали скорой смерти от руки наемного убийцы.

Состоялся долгий разговор с новым начальником Генерального штаба генералом Деникиным о Месопотамии и генерале Моде.

Восемнадцатого мая я попрощался с Алексеевым и спросил, что мне доложить по возвращении в Англию.

Он просто сказал, что намерен сделать все, что в его власти, чтобы заставить армию сражаться и продолжить войну, но для этого необходимо восстановить в войсках дисциплину, которая, как я знал, чрезвычайно ослабла. Если солдаты его не поддержат, он будет вынужден уйти в отставку.

Гучков оставил пост главы Временного правительства; его преемником стал Керенский.

(Узнав по возвращении в Англию, что Алексеев подал в отставку, я понял, что это означает. Вечером перед отъездом он прислал ко мне своего зятя попрощаться и передал с ним свою фотографию.)

*Глава Временного
правительства
А. Ф. Керенский*

Император **после отъезда из ставки**

О событиях, произошедших после 21 марта, когда арестованный Император уехал из Ставки в сопровождении двух членов Временного правительства, можно лишь предполагать; к счастью, записки губернатора маленького Цесаревича, швейцарца Пьера Жильяра, которого я хорошо знал как преданного друга его подопечного, являют собой правдивое свидетельство тех дней вплоть до трагического финала.

Записки Жильяра, увидевшие свет под заголовком «Трагическая судьба Николая II и его Семьи», представляют собой хронику жизни Августейшей Семьи в Царском Селе и Тобольске; упомянуто много интересных деталей, свидетельствующих о непоколебимой преданности Их Величеств союзникам и нашей общей цели.

Уезжая, Император передал своим товарищам в армию следующее послание:

«8 (21) марта 1917 г.

Я в последний раз обращаюсь к вам, солдаты, столь дорогие моему сердцу.

Я отказался от русского престола за себя и от имени моего сына. Власть, которой я был наделен, переходит к Временному правительству, сформированному по инициативе Государственной думы.

Помоги ей Господь вести Россию по пути славы и процветания.

Помоги, Господи, и вам, доблестные солдаты, защитить нашу родную землю от жестокого врага. Два с половиной года вы ежечасно испытывали

тяготы и лишения изматывающей военной кампании; много крови пролито, великие усилия увенчались успехом, и уже близок час, когда Россия с ее союзниками совместным стремительным усилием окончательно сокрушит последнее сопротивление врага.

Войну, какой еще не знала история, нужно продолжать до окончательной и решительной победы. Тот, кто мечтает сейчас о мире, — предатель своей страны, уступающий ее врагу.

Я верю, что со мной согласен каждый солдат, достойный этого звания.

Продолжайте выполнять свой долг, защищайте нашу любимую и славную страну, подчинитесь Временному правительству, слушайте ваших командиров и помните, что любая слабина в армейской службе играет на руку врагу.

Убежденный, что безграничная любовь к нашей великой стране навсегда останется в ваших сердцах, я молю, чтобы Господь благословил вас и святой великомученик Георгий привел вас к победе.

Подписано: Николай.

Вторая подпись: Алексеев, начальник Императорского Генерального штаба».

Это послание не разрешили обнародовать в войсках — полагаю, из-за боязни реакции.

На следующий день, 22 марта, Император добрался до Царского Села, где нашел своих детей больными скарлатиной. Его сопровождал верный слуга князь Долгорукий. Другие поехали бы тоже, будь на то разрешение, но я знаю — Император хотел, чтобы у него в услужении осталось как можно меньше людей. Он считал, что каждый, служивший

*Император Николай II за работой по расчистке снега
в Царскосельском парке. Март-апрель 1917 г.*

лично ему, должен теперь в той или иной форме служить армии и стране.

Во время первого этапа заключения Августейшую Семью, без сомнения, поддерживала надежда, что их увезут куда-нибудь подальше от беспокойного Петрограда, возможно, вообще вывезут за границу или отправят туда, где Император, по его словам, хотел бы поселиться, — в Крым.

Лишь в середине августа им приказали собираться навстречу неизвестной судьбе; оказалось, их переводят в Тобольск.

Тоскливые и печальные дни узники переносили, не теряя присутствия духа. Мсье Жильяр рассказывал, что Император, не утративший интерес к физическим упражнениям и пребыванию на свежем воздухе, копался в саду, рубил и пилил лес. Остальные, едва только выйдя из рук докторов, присоединялись к нему в тех или иных занятиях. Цесаревич продолжал учиться под руководством своего любимого гувернера; часть уроков проводили Император или Императрица. [...]

Вне дома их постоянно охраняли вооруженные часовые.

Царская Семья и находящиеся с ней в заточении приближенные работают на огороде. Царское Село. 1917 г.

Керенский, чья первоначальная позиция по отношению к Императору, как говорили, была резкой и грубой, [...] на просьбу перевезти Царскую Семью в Ливадию ответил, что в данный момент это невозможно.

Баронесса Буксгевден, м-ль Шнейдер и доктор Боткин оставались при Августейшей Семье.

Время от времени к узникам попадали газеты; в начале мая (1917 года. — *Примеч. ред.*) Император, к своей великой печали, узнал об интригах экстремистов, желавших прекратить участие России в войне и растущем дезертирстве в армии, — обо всем, что указывало на общий мятеж, который Временное правительство остановить не в состоянии.

В записках Жильяра особо подчеркнута огромная тревога Императора о том, чтобы Россия осталась верной альянсу союзников. Находясь в заключении, свергнутый монарх думал не о своей участи, но в первую очередь о сохранении верности великому делу: «Русский подал в отставку, когда попросил солдат перейти в наступление и в ответ услышал отказ. Если это правда, значит, все кончено. Какой позор для России! Мы оставляем союзников гибнуть, а потом придет и наш черед».

Однако на следующий день Царь держался более оптимистично, памятуя о «нашем пристрастии к преувеличениям» и решительно отказываясь верить, что за два месяца можно полностью развалить армию.

У Цесаревича отобрали любимое ружьецо, с которым он так славно играл в Ставке. Однажды вечером, вскоре после того, как мальчик удалился

из столовой, наверху раздался взрыв хохота и восклицания; оказалось, Цесаревич примкнул к ружью маленький игрушечный штык и загнал им в угол двух ординарцев.

Примерно в это же время энтузиазм тех, кто ликовавал по поводу «обновления» и «возрождения» России после уничтожения самодержавия и «прогерманизма», начал понемногу спадать, перейдя в глухой ропот недовольства оборотом, который — совершенно неожиданно для ликующих — приняли события.

Просто невероятно, что говорили эти «свободные» и «обновленные» люди, когда враг стоял у ворот. Где находится Брест-Литовск? Ну как же, это наверняка станция где-то в Германии, отвечали они. Что такое большевизм? О, говорил кто-нибудь, это спасение общества!

Но когда этот спрут протянул свои гнусные щупальца к другим странам, включая нашу собственную, ликующие начали оглядываться в поисках доказательств своей эффективной деятельности.

Голод, нищета, эпидемии, использование иностранных и цветных наемников для выполнения

*Император Николай II
и «революционная охрана».
Царское Село. 1917 г.*

Император и Императрица в Царском Селе. 1917 г.

грязной работы, на которую не нашлось своих добровольцев, подтвердили полный провал.

Стадия очищения, о которой столько было сказано и написано, привела к какому-то странному состоянию сомнительной чистоты.

Дайте время, говорили «борцы с самодержавием».

Но люди уже устали давать время.

До Тобольска доехали 19 августа. Заточение здесь до некоторой степени напоминало обстановку в Царском Селе, хотя узники страдали от недостатка места для упражнений и занятий, остро необходимых в их положении.

В продолжение этой печальной истории Императрица проявила себя как преданная жена и хорошая мать, мужественно сносила невзгоды и, каковы бы ни были ее мысли о причинах ката-

строфы, делала все, что могла, для своего супруга и любимых детей.

Для Императора неизбежный грядущий коллапс России как военного союзника стал источником сильнейшего огорчения и тревоги. Надежда на предложение Корнилова выступить против усиливающегося влияния большевиков не оправдалась — предложение было отвергнуто.

Страдания Императора усугублялись тем, что его жертвенное отречение казалось бесполезным для России и впереди ожидалось куда более серьезные последствия, нежели любые несовершенства самодержавия.

Отсутствие газет и очень мало новостей делали обстановку еще более тяжелой. В середине ноября в стране уже безраздельно господствовал большевизм.

Последовавшее вскоре Рождество, наверное, было невеселым, хотя августейшие узники всячески старались подбодрить друг друга.

Февраль принес суровые холода и безрадостные новости: немцы перешли в наступление по всем фронтам, практически не встретив сопротивления.

Император и Императрица, по мнению мсье Жильяра, сохраняли слабую надежду на спасение, но никто из них не желал уезжать из страны.

В середине марта сообщение о Брест-Литовском договоре достигло их ушей. Император воспринял это как дополнительное бесчестье и с презрением отверг предложение немцев позаботиться о нем и его семье.

Он назвал Брест-Литовский договор «позором для России, равноценным самоубийству. Как мог-

ли немцы заключить договор с этими негодьями, предателями собственной страны? Но я уверен, это им не поможет. Это не спасет их от разгрома (весьма правдивое пророчество, как мы убедились со временем). Если их предложение — не новый заговор с целью дискредитировать меня, тогда это просто оскорбление мне лично».

Императрица, о «прогерманизме» которой распускали столько слухов, сказала: «После гнусного заговора, с помощью которого погубили Императора, я скорее умру в России, чем позволю спасти себя немцам».

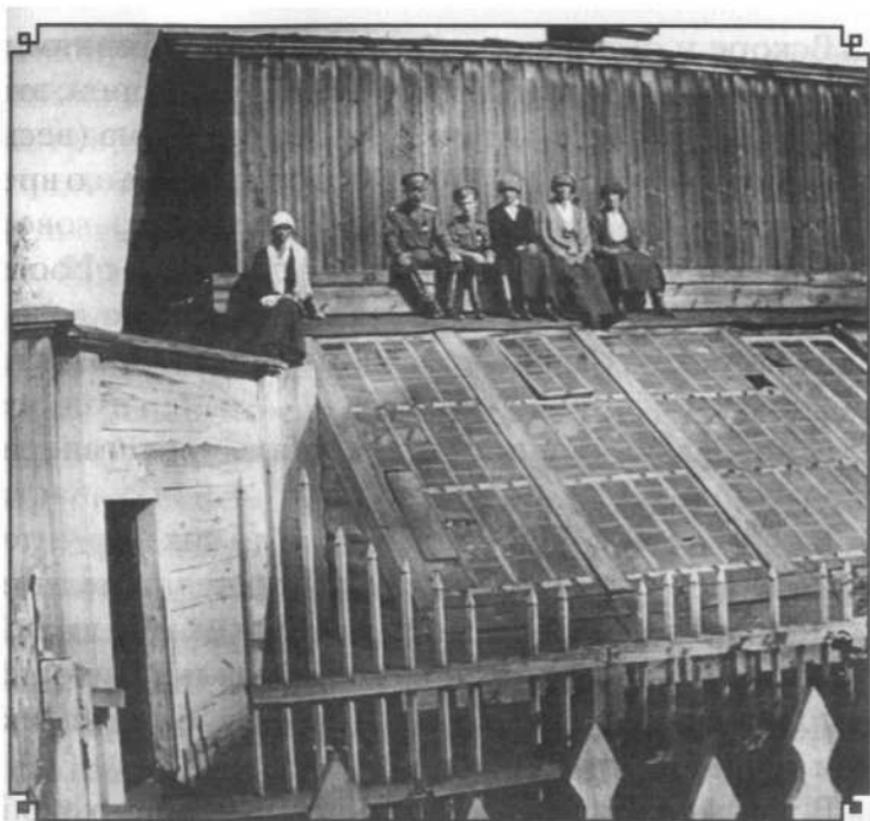
Двадцать шестого марта умерла последняя надежда на спасение: в Тобольск прибыл специальный отряд «красной гвардии» из Омска. Охрана была усилена, между тем как здоровье Цесаревича еще ухудшилось.

Теперь (13 апреля) в числе узников, помимо упомянутых ранее, оставались графиня Гендрикова, м-ль Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгорукий и мистер Гиббс, английский гувернер Цесаревича.

Двадцать пятого апреля большевистский комиссар Яковлев объявил о намерении перевезти Императора, заверив взволнованных узников, что Николаю II не причинят вреда и тем, кто решит его сопровождать, не станут чинить препятствий.

Императрица, разрываемая тревогой за супруга и за детей, особенно за маленького сына, лежавшего больным, решила все-таки сопровождать Императора.

Набросим вуаль на душераздирающую сцену прощанья, когда Их Величества выходили в темно-

Император Николай II, Наследник Цесаревич и Великие Княжны на крыше оранжереи в Царском Селе. 1917 г.

ту и холод русской ночи и усаживались на две простые деревенские телеги.

Императрица, всегда хрупкая здоровьем, вынесла все — лишение звания и почестей, разлуку с детьми и мучительную скорбь. Лишь одно оказалось выше ее сил — позволить любимому мужу подвергать себя риску и опасностям, которые она не сможет с ним разделить.

Восьмого марта встревоженные узники, с нетерпением ожидавшие новостей, узнали о прибытии Их Величеств в Екатеринбург.

Вскоре и оставшимся было велено собираться. По прибытии в Екатеринбург мсье Жильяру не позволили долее оставаться при Цесаревиче. Его рассказ завершается печальными свидетельствами одного из самых жестоких преступлений в истории.

Моим долгом было не пытаться связаться с Императором после его отъезда из Ставки. Я не делал таких попыток, однако постоянно думал о нем и его близких.

Я надеялся, что удастся изыскать средства для их спасения. [...]

В одном я могу поклясться, если до сих пор читатель мне верил, — что Николай II пошел на смерть без трепета за себя, но лишь за дорогих ему людей и за свою страну. Никто из его врагов и хулителей не может сказать, что Император не любил Россию всем сердцем. [...]

В той же книге на странице 150 сказано о злобной клевете, вылитой на Романовых тогда и теперь. Например, в газетах писали о привычке Царя злоупотреблять спиртным:

«Это утверждение категорически опровергают все, кто близко знал Николая II. Британский генерал У., постоянно находившийся в Ставке, ежедневно общавшийся с Государем и часто разделявший с ним трапезу, заявил, что за все эти месяцы он ни единого раза не видел Императора в состоянии опьянения».

Генерал У. — это, конечно, ваш покорный слуга, а вышеприведенное заявление — абсолютная правда. На страницах этого дневника я неоднократно упоминал, что Император был «любителем свежего воздуха», что полностью соответствует истине.

Никогда за все наше долгое знакомство я не видел, чтобы Николай II хоть в малейшей степени злоупотреблял спиртным. Не сомневаюсь, что мои коллеги, служившие в то время в Ставке, засвидетельствуют правдивость моего заявления.

Помимо моих слов, простая логика подсказывает, что человек не может так долго и часто работать и заниматься подвижными играми, если он страдает от вышеупомянутого порока. Я обсуждал дела с Его Величеством и поздно вечером, и рано утром и часто встречал его во время долгих прогулок.

Однако я считаю, что достаточно сказал на этих страницах, чтобы опровергнуть гнусные инсинуации о монархе, который [...] никогда не переставал быть джентльменом и добрейшим из друзей.

Тем, кто знал его, излишне даже говорить об этом.

В отношении тех, кто не знал его, но осмеливается критиковать, я питаю слабую надежду, что они научатся — пусть не полностью — уважать привилегию мертвых, о которых «либо хорошо, либо ничего...», и пощадят его память от обвинений, которые несправедливы, ибо ложны. Я говорю о том, что видел сам, а я достаточно долго живу, чтобы научиться зорко подмечать подобные вещи. [...]

За всю мою долгую службу в России я ни разу не видел пьяного солдата — только после революции. Мои старые товарищи по Русской армии, думаю, засвидетельствуют справедливость моих слов.

Воспоминания о России и без того достаточно трагичны, чтобы пересыпать их пикантными подробностями, не имеющими ни малейшего отношения к правде.

Император и императрица

Очень трудно анализировать эти два характера по отдельности; еще сложнее спекулировать на тему, как развивались бы события, если бы эти двое никогда не встретились и Николай II нашел бы другую супругу.

Император до самого конца оставался убежденным самодержцем. В этом его всецело поддерживала Александра Феодоровна, придерживавшаяся аналогичных взглядов на государственное устройство в России.

В речи, произнесенной в январе 1895 года, Император сказал: «Пусть они [общественность] знают, что мы, направляя все свои усилия на процветание нации, будем придерживаться принципов самодержавия так же твердо и неуклонно, как наш покойный отец, вечная ему память».

Так его учили с детства, и он считал своим долгом осуществлять самодержавное правление. [...]

Их Величества искренне полагали самодержавие единственно правильным для России государственным устройством. Таким образом, существовала пара, рука об руку работавшая, по их представлениям, на благо России. [...]

Согласно запискам мсье Жильяра о последних днях Императорской Семьи, прекрасные качества Императрицы, выразившиеся в ее заботе и преданности больным и раненым во время войны, проявились еще ярче в дни тревоги, унижений и позора.

Даже критики и враги Ее Величества, которых у нее было немало, признавали самоотверженное мужество и преданность Александры Феодоровны

*Император Николай II
и Императрица Александра Феодоровна*

супругу и детям, проявившиеся в условиях, которые были для нее худшей из пыток.

Даже смерть не разлучила их.

Живо интересуясь обстановкой в России, я был поражен отсутствием интереса, почти безразличием к судьбе русского Императора и его семьи, когда скорбная весть достигла Англии. Это можно объяснить двумя причинами: стремительной сменой событий, связанных с великой войной и ее последствиями, и сомнительностью поступавших сообщений — подтверждения и опровержения публиковались в газетах буквально каждый день.

Тем не менее, остается фактом, что одна из величайших трагедий в истории была очень

скоро забыта всеми, кроме тех, для кого она стала личным горем.

Что до «прогерманизма», в котором обвиняли Императора и Императрицу, думаю, я уже сказал достаточно, чтобы рассеять этот миф.

Впрочем, могу добавить кое-что еще на эту тему.

Как должно быть известно любителям новейшей истории, Чрезвычайный комитет создал специальную комиссию с целью подробно изучить официальную и личную корреспонденцию Их Величеств. Комиссия рьяно взялась за дело, как все, кому нравится совать нос в частные и семейные дела других. Предвкушая скандальные открытия и доказательства вины в виде переписки с врагом или хороших отзывов о немцах, члены комиссии прочитали все до единого письма, слово за словом.

Каков же оказался результат?

Один из членов Чрезвычайного комитета В. М. Руднев, в ком досада пересилила удивление, опубликовал личный отчет, доказав всему миру, что ни строчки, ни йоты, ни малейшего доказательства найдено не было.

Таинственные интриги Императрицы с врагом исчезли.

Обвинения Императора в предательстве разваливались на глазах.

Те, кто лично знал Их Величества, восприняли новость без удивления. Те, кто претендовал на знакомство с августейшими особами и бессовестно чернил их имена, занялись поисками — или сочинением — новых пикантных подробностей.

Что же за этим последовало? По злой иронии судьбы страна, где обвинения в предательстве при-

вели к свержению Императора и Императрицы, была отдана в руки того самого врага, в сношениях с которым обвиняли Их Величества, и Брест-Литовск и большевизм погубили Россию.

Цесаревич

Я впервые увидел Алексея Николаевича в 1915 году, когда ему было около одиннадцати лет.

Наслушавшись историй о Цесаревиче, я ожидал увидеть унылого, хилого мальчика. Наследник действительно оказался хрупким, ибо страдал от болезни, полностью излечиться от которой, как говорят врачи, невозможно, но в периоды, если можно так сказать, хорошего здоровья он становился обычным мальчишкой, шаловливым и живым, как его ровесники.

При нашем знакомстве в Ставке он был застенчив, как любой ребенок, внезапно оказавшийся среди толпы незнакомцев, причем не только русских, но также французов и англичан — представителей союзных армий.

Однако вскоре застенчивость прошла, и постепенно Цесаревич стал общим любимцем и баловнем, если возможно было избаловать такого милого и веселого мальчугана.

Во время нашей первой встречи в приемной губернаторского дома в Могилеве, где остановился Император, Цесаревич сопровождал своего августейшего отца, который обходил собравшихся, здороваясь с каждым за руку.

За обедом и ленчем Наследник сидел рядом с Императором, то есть напротив меня (я обычно занимал место рядом с графом Фредериксом, сидев-

шим напротив Императора). Цесаревич носил военную форму защитного цвета и высокие русские сапоги и очень гордился своей солдатской должностью; манеры имел прекрасные и разговаривал на нескольких языках чисто и хорошо.

По прошествии некоторого времени, когда первоначальная застенчивость прошла, Цесаревич стал держаться с нами, как со старыми приятелями. Его манера здороваться с каждым из нас вносила в нашу жизнь струю веселья. У меня он обязательно проверял, чтобы пальто было наглухо застегнуто — привычка, побудившая меня пропускать одну-две пуговицы. При виде такой неисправности Цесаревич сразу останавливал меня, выговаривал, что я «опять неаккуратен», вздыхал от моей небрежности к деталям и тщательно застегивал мне пальто.

Мальчик часто зазывал нас в маленькую альковную комнату рядом с обеденной залой, где обычно сервировали закуску, с которой всегда начинается русская трапеза. В этой маленькой комнате затевались всевозможные шумные игры, заканчивавшиеся почти всегда футбольным матчем с тем, кто оказывался под рукой. Бельгийский генерал, которого Наследник обожал и называл «папá де Рикель», будучи обладателем совершенно необъятной фигуры, представлял собой отличную возможность для нападения. Гувернер Цесаревича приходил в отчаяние, и веселая возня, как правило, заканчивалась вмешательством Императора, при появлении которого малыш предусмотрительно прятался за портьеру.

Через минуту он вылезал с огоньком в глазах и торжественно шествовал на свое место за стол.

Там он обстреливал хлебными шариками сидевших напротив, а со мной затевал игру, которую называл поло, с хлебными шариками покрупнее, подвергая немалой опасности бокалы и императорский фарфор.

Если за столом сидел незнакомец, Цесаревич, с присущими ему любезностью и шармом, унаследованными от отца, легко поддерживал беседу и задавал разумные вопросы. Но стоило нам собраться в приемной, игры возобновлялись и продолжались стремительно и неистово до тех пор, пока мальчика не уводили отец или гувернер.

«Дядька» Цесаревича, здоровенный матрос Нагорный, которого мальчик обожал, всегда был рядом — огромный, веселый и обожающий слуга своего маленького господина. Этот человек многим знаком по частым фотоснимкам, запечатлевшим его с Цесаревичем. Сообщали, что Нагорный был убит вместе с другими в июне 1918 года. Можно

*Наследник Цесаревич,
Алексей Николаевич*

не сомневаться, он до конца оставался преданным своему долгу. Через два месяца его тело было найдено на месте массовой казни.

Днем Император часто брал сына покататься на лодке или поиграть в песке, где они строили маленькие укрепления, забавляясь, словно двое мальчишек.

Военная форма очень шла Цесаревичу; особенно красиво он выглядел в казачьем мундире.

Несколько раз Алексей Николаевич сопровождал отца в поездках на фронт. Среди солдат Цесаревич пользовался огромной популярностью.

Он очень любил животных: его любимцами были спаниель и большой серый кот, которых можно увидеть на фотографии, сделанной в Ставке.

Временами мучившая его болезнь обострялась, и тогда каждый из нас всем сердцем сочувствовал этому веселому и счастливому мальчику, казавшемуся в остальное время совершенно здоровым.

В Ставке Наследник спал в комнате отца, всегда ходил с ним на церковные службы, частенько забегал в приемную посмотреть, здесь ли его «союзные» друзья, и сразу подмигивал, замечая кого-то из нас.

Губернер Цесаревича рассказывал, что 15 ноября Император, приехавший посмотреть войска генерала Щербачева, попросил каждого солдата, который воюет с начала войны, поднять руку. Из тысячного строя поднялись лишь несколько рук, что произвело большое впечатление на маленького солдата, стоявшего рядом с Императором.

Здоровье Цесаревича составляло предмет постоянных забот и тревог. Конечно, зимой ему лучше было бы дома, чем в Ставке, где за мальчика его воз-

раста приходилось постоянно волноваться. В душе Императрицы боролась тревога за здоровье сына и желание, чтобы он находился рядом с отцом, которому его визиты доставляли огромное удовольствие, но в конце концов мальчика увезли в Царское Село, где были лучшие условия для обучения.

Алексей Николаевич был достаточно умен и развит, чтобы понять, что такое революция и отречение; к счастью, юный возраст и самоотверженная забота близких смягчили для него шок от упразднения российского престола. Почти до самого конца, даже когда хрупкое здоровье Наследника заметно ухудшилось от дискомфорта и лишений, к которым он, естественно, не привык, он продолжал учиться. О финальной трагедии, так жестоко и бесчеловечно оборвавшей эту юную жизнь, я предпочитаю не писать. [...]

В СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО
Воспоминания дежурного генерала
при верховном главнокомандующем
(избранные главы)

Введение

В войну 1914–1917 гг. я, в течение почти трех лет, с самого ее начала и до 25-го мая 1917 года, занимал должность дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем.

Таким образом, мне пришлось нести эту должность сначала при Великом Князе Николае Николаевиче, затем, с конца августа 1915 года и до начала марта 1917 года, при Государе Императоре и последние три месяца — при генерале М. В. Алексееве, как раз до дня приезда нового Верховного — генерала Брусилова.

За эти три года мне пришлось быть близким свидетелем настолько интересных событий, что с моей стороны было бы недобросовестно не поделиться всем мною пережитым с другими.

Однако я долго не решался приступить к изложению своих воспоминаний, главным образом потому, что, кроме памяти, у меня нет в настоящее время решительно ничего под руками, никакой опоры или

*Государь и свита, сопровождавшая Его Величество.
Слева по порядку: К. Д. Нилов, граф А. Н. Граббе, полковник
Мордвинов, К. А. Нарышкин, В. Н. Воейков, Государь
Император, граф В. Б. Фредерикс, князь В. А. Долгорукий,
С. П. Федоров, инспектор императорских поездов*

канвы, тогда как в Петербурге остался мой дневник, который я вел довольно аккуратно с весны 1915 года и который, при своем бегстве за границу, я, к сожалению, оставил на сохранение у одних знакомых.

Надежда вернуться скоро на родину и иметь тогда возможность написать свои воспоминания на основании ежедневной записи мною событий и останавливала меня. Но время идет, и опасение, что это интересное прошлое исчезнет из моей памяти, а дневника своего я, может быть, никогда не увижу, заставляет меня взяться за перо теперь.

Париж. 1928 г.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Переезд Ставки из Барановичей в Могилев

Летом 1915 года, когда из-за недостатка артиллерийских снарядов вся наша армия была в полном отступлении, стало необходимым перенести Ставку Верховного Главнокомандующего из Барановичей более на восток.

Были избраны несколько пунктов, находящихся примерно за серединой фронта армий и удобных в отношении железнодорожных сообщений: Орша, Борисов, Быхов и Могилев.

Комендант штаба, генерал Саханский, командированный с несколькими офицерами для осмотра всех этих пунктов и выбора наиболее удобного для расположения Ставки, представил по своем возвращении результаты своей командировки, по которым нельзя было не прийти к заключению, что единственным подходящим местом, из всех им осмотренных, был Могилев.

В остальных было совершенно недостаточно зданий, тогда как в Могилеве была возможность использовать для помещения самого Верховного дом губернатора, а для размещения штаба — здания присутственных мест, все находящиеся около дома губернатора. Кроме того, в городе было много гостиниц, которые можно было использовать для

размещения чинов штаба и лиц, состоящих при Верховном Главнокомандующем. [...]

С утра началась укладка имущества. Я отправился в последний раз посмотреть на места, где была Ставка Верховного. Дом, занимавшийся Управлением генерал-квартирмейстера, стоял пустой, и мне было доложено, что по приказанию Верховного он был сфотографирован и, в случае занятия Барановичей немцами, должен был быть сожжен. Палатки-столовой не было, всё было убрано и увезено. Но, пройдя дальше, к бывшей Ставке Государя Императора, я к полному своему удивлению увидел, что здесь всё осталось в том виде, как было при последнем отъезде из Ставки Его Величества. Стоял огромный шатёр — столовая, рядом закрытый на замок домик, служивший кухней и буфетной, где видна была кое-какая посуда. Вызвав командира нестроевой роты, я приказал всё уложить и забрать с нашим поездом. Меня очень поразил тогда этот факт: как так — рядом убирают и укладывают всё из Ставки Верховного, а никому в голову не приходит подумать о Ставке... кого же?.. самого Государя Императора...

Впоследствии этот, сам по себе как будто бы незначительный факт, но на самом деле очень показательный и многозначительный, не раз приходил мне в голову: там было отдано определённое распоряжение, и всё было исполнено, а здесь приказания никакого не было и, хотя убиравшие Ставку Верховного не могли не видеть, никто и пальцем не пошевелинул, чтобы хотя бы спросить или напомнить относительно Ставки.

Глава 2

Могилев. Смена Великого Князя Государем Императором на посту Верховного Главнокомандующего и Н. Н. Янушкевича М. В. Алексеевым на посту начальника штаба Верховного

После переезда в течение суток мы на другой день вечером прибыли в Могилев. На вокзале мне передали, что начальник штаба просил меня и генерала Ронжина проехать прямо к нему.

Заехав предварительно со старшим квартирмейстером в ту гостиницу, где он приготовил помещение для моего Управления и осмотрев его, я проехал в дом губернатора, где в нижнем этаже занимал две небольшие комнаты Н. Н. Янушкевич. Ронжин был уже там и пил чай.

Поздоровавшись со мною, Янушкевич объявил мне, что Великий Князь больше не Верховный Главнокомандующий, а он не начальник штаба, что Верховное Командование принимает на себя Государь Император, а начальником штаба у него будет М. В. Алексеев. [...]

Предполагалось, что Его Величество займет дом губернатора, ввиду того удобства, которое представляло его местоположение. Не говоря уже о том, что в доме было, конечно, удобнее жить, чем в поезде, что он стоял на прекрасном месте, высоко над Днепром, на который из окон был чудный вид, что, наконец, вокруг дома был очень хороший сад, но главное, поселясь в доме губернатора, Верховный Главнокомандующий был в центре своего штаба.

Состоящие при Верховном Главнокомандующем лица и адъютанты: генерал-лейтенант Крупенский, полковники: граф Менгден, Коцебу, ротмистр барон Вольф, штабс-ротмистр Дерфельден и корнет граф Замойский

С одной стороны почти вплотную примыкало здание, занятое управлением генерал-квартирмейстера, а с другой стороны, через небольшой сквер, находящийся в центре площади, были здания, занятые дежурством и управлением военных сообщений. До приезда Его Величества, конечно, этот вопрос не мог быть решен, но все подготовлялось к тому, что Государь поместится здесь; кругом все чистилось и приводилось в порядок.

Наконец настал день прибытия Его Величества.

На случай, если Государь не захочет выезжать из поезда, была устроена железнодорожная ветка, на которой царский поезд был поставлен в саду одного имения, расположенного за вокзалом.

После встречи на особой платформе вскоре в поезде Государя был завтрак. Я к нему приглашен не был; присутствовали на нем только Янушкевич и Данилов. Об этом завтраке мне рассказывал Янушкевич. Состояние духа всех присутствовавших было крайне удрученное, один Государь Император был совершенно таким же, как всегда, как будто ничего особенного и не произошло. [...] За столом только Государь Император и Великий Князь и разговаривали, остальные присутствующие, в том числе и лица свиты, молчали. Между прочим Великий Князь спросил Государя, когда он разрешит ему выехать из Ставки, что он готов и может завтра же уехать. На это Его Величество сказал: «Ну, зачем же завтра? Это будет иметь вид, что ты от меня убегаешь, останься еще день». Так и было решено. [...]

К обеду в тот же день я был приглашен и поехал в имение, где среди сада стоял царский поезд.

По-видимому, если можно так выразиться, атмосфера уже не была так насыщена электричеством, как за завтраком, — было некоторое оживление и особенно веселы и оживлены были Государь и Великий Князь. Однако, наблюдая за Великим Князем, я ясно видел, что его оживление и смех были искусственны, что ему, конечно, было не до смеха. Зато Государь действительно держал себя просто и естественно и был в прекрасном настроении духа.

Через день Великий Князь почти со всеми состоявшими при нем лицами, а также и с Янушкевичем, уезжал из Могилева. Остались о. Георгий и Б. М. Петрово-Соловово, которого Государь оставил в прежней его должности Генерала для поручений при Верховном Главнокомандующем. [...]

*Ставка. Генералы: Алексеев, Борисов и Пустовойтенко
и адъютант Начальника штаба Верховного
штабс-ротмистр граф Капнист*

Уже приехал новый начальник штаба, М. В. Алексеев.

Мы с ним давно знали друг друга по службе в Главном штабе еще до выделения из него Главного Управления Генерального штаба, но вместе мы никогда не служили. Были мы также знакомы и домами.

Тотчас же по его приезде я попросил его сказать мне откровенно, желает ли он, чтобы я оставался в своей должности, и будет ли он оказывать мне полное доверие, ибо в противном случае я не считаю

возможным оставаться. Михаил Васильевич ответил, что об этом не может быть и речи, что он меня давно и хорошо знает и что он очень рад со мной служить.

На первом же докладе Его Величеству Алексеев доложил, что может работать только с теми помощниками, которых он хорошо знает, и поэтому просит генерал-квартирмейстером назначить генерала Пустовойтенко, с которым он в штабе Северо-Западного фронта уже сработался. Государь Император, конечно, не мог в этом ему отказать.

Таким образом Алексеев сразу добился своего. Как скоро выяснилось, он и приехал в Могилев уже с несколькими близкими ему людьми, а именно Пустовойтенко, Борисовым и, кажется, полковником Носковым, но они оставались в его вагоне и не показывались в городе до тех пор, пока Алексеев не получил от Его Величества согласия на выбор своих сотрудников.

Между тем, всем была известна совершенная непригодность генерала Пустовойтенко к занятию должности генерал-квартирмейстера.

Военный министр, генерал Поливанов, считал необходимым не допускать этого назначения и, насколько я знаю, докладывал об этом Его Величеству, указывая несколько генералов, которых можно было предложить Алексееву. Думаю, что М. В. Алексееву все это было известно, и он этот вопрос сразу захотел решить по-своему.

Глава 3

Царская Ставка

Очень скоро после отъезда Великого Князя Государь переехал в дом губернатора и поместился в верхнем этаже, заняв лично для себе всего две комнаты, — кабинет и спальню. Во втором этаже, кроме того, были еще зал, столовая и небольшая комната за ней; две комнаты, отведенные графу Фредериксу, и одна, занятая Воейковым. В первом этаже поместились: лейб-медик, профессор Феодоров, генерал-адъютант Нилов и свиты генерал-майор князь Долгорукий, исполняющий должность гофмаршала, а также полковник Нарышкин, занявший, после князя Орлова, должность начальника Военнопоходной канцелярии.

Из остальных лиц свиты, в здании окружного суда поместились: граф Граббе, начальник конвоя, барон Штакельберг, исполнявший обязанности начальника канцелярии министерства двора, и генерал Дубенский, на котором лежала обязанность записывать события во время войны. Лица свиты, не имевшие определенных должностей, были помещены в гостинице «Франция», а именно: Великий Князь Дмитрий Павлович, Князь Игорь Константинович, граф Шереметьев, капитан 1-го ранга Саблин и другие флигель-адъютанты.

Генерал Алексеев занял две комнаты во втором этаже, в помещении генерал-квартирмейстерской части, где раньше помещался генерал Данилов. Кстати сказать, Данилов уехал на другой же день после приезда генерала Алексеева, будучи назначен командиром корпуса.

На другом конце коридора, в том же этаже, была комната генерала Пустовойтенко, а рядом очень маленькая комната, которую мы потом называли «щель» Борисова. Тотчас по своем официальном приезде эти два генерала нанесли мне визит, но меня не застали и оставили карточки.

Когда я отправился к ним с ответным визитом, то застал обоих.

Пустовойтенко мне не приходилось встречать раньше, Борисова же я знал. Первый держал себя вполне корректно, Борисов же пустился в рассуждения крайне странные: он стал мне говорить, что до сих пор война велась господами в белых перчатках, а теперь начнется настоящая работа, когда к ней привлекут «кухаркиных сынов».

Это наименование, как тут же выяснилось, он относил не только к себе и Пустовойтенко, но и к генералу Алексееву, работу которого стал тут же превозносить. С очень тяжелым чувством ушел я от них.

Борисов произвел на меня впечатление какого-то юродивого.

Перспектива совместной службы с ними обоими мне не улыбалась.

Тотчас по переезде Его Величества установилась регулярная жизнь Государя в Ставке. В 9 часов утра Государь отправлялся в генерал-квартирмейстерскую часть принимать доклад начальника штаба, на котором присутствовал и генерал Пустовойтенко. К завтраку, в 12 1/2, часов дня, Его Величество возвращался к себе.

К этому времени в зал собирались лица свиты и приглашенные к высочайшему столу чины Став-

*В лесу по пути в Каменец-Подольск в 1915 г.
Государь Император и лица ближайшей Свиты Его Величества*

ки, а также приезжие, если таковые были. Все приглашенные становились по старшинству от дверей в кабинет Его Величества, лица свиты примыкали к ним, располагаясь далее вокруг зала. В будние дни приглашенных было немного, в воскресенья и в праздники значительно больше.

Государь, выйдя из кабинета, обходил всех, со всеми здоровался и затем направлялся в столовую. Министр двора приглашал всех следовать за Его Величеством. В столовой, слева от окна стоял открытый ломберный стол, покрытый скатертью, на котором стояли закуски: селедка, редиска, сыр, масло, сардины, кильки, иногда икра, иногда балык или семга, какая-нибудь горячая закуска и водка двух сортов.

Государь Император выпивал одну, иногда две рюмочки водки, (называю их уменьшительным именем, ибо рюмки были небольшие), тут же, около столика, закусывал, разговаривая с кем-нибудь из присутствующих. Видя, что за ним стесняются подходить к закуске, Государь всегда очень мило просил закусывать, как настоящий любезный хозяин.

Потом все попривыкли, и я с удовольствием выпивал две рюмки водки, закусывая чем-нибудь вкусным.

Когда все успевали закусить, Государь направлялся к столу, на свое место, посредине его, лицом к окнам. Напротив Его Величества садился всегда министр двора; по правую руку от Государя — генерал Алексеев, если он был, если же его не было, то кто-нибудь из приезжих высокопоставленных лиц или, большей частью, один из иностранных представителей, строго по очереди между собой.

Генерал Алексеев с самого начала обратился к Государю с просьбой приглашать его к высочайшему столу только по праздникам, указывая на то, что это отнимает у него слишком много дорогого времени. Поэтому он, как и все старшие чины ставки, бывал на завтраках по воскресеньям и по праздникам и не более одного раза в неделю в будние дни, тогда как все генералы бывали обычно приглашаемы два раза в неделю.

Борисов долгое время совсем уклонялся от приглашений, что возможно было устроить, конечно, только через Алексеева, но потом, когда в Ставку приехал Наследник, его удалось как-то вытащить из его «щели»; он стал бывать одновременно с Пустовойтенко и даже очень подружился с Наследником.

Я по-прежнему был в паре с Ронжиным.

Все иностранные представители были ежедневными гостями Государя, как за завтраком, так и за обедом, им подавался большой шестиместный автомобиль, который Вредену удалось достать из Петербурга, как мне говорили, он был заказан еще Сухомлиновым для своих поездок. В этот автомобиль помещались как раз все шесть представителей.

За царский стол они садились всегда на стороне министра двора; генерал Уильямс и маркиз Лагиш по сторонам графа Фредерикса, а остальные через одного, — между ними садились приглашенные чины штаба. На обычных завтраках и обедах я был или рядом с генералом Уильямс или рядом с генералом Лагиш; с обоими я объяснялся по-французски и у нас установились с ними очень хорошие отношения.

В будние дни за столом сидели просторно, обыкновенно было не более 20 человек; по воскресеньям к завтраку приглашалось больше, и тогда в столовой усаживалось до 30 человек, а иногда, в праздники, накрывали еще стол в комнате за столовой.

Завтрак состоял всегда из трех блюд, обед из четырех. Вино наливали трех сортов: мадеру, белое и красное. Государь не пил ни белого, ни красного, а всегда лишь свое любимое вино — хороший портвейн, бутылка которого ставилась перед Его Величеством и которого он выпивал никогда не более двух рюмок. За столом бывало всегда очень оживленно, Государь Император разговаривал и с соседями, и с сидевшими напротив него. Завтрак продолжался обычно около часа, Затем Государь вставал и перехо-

дил в зал; все следовали туда же и становились вдоль по стенкам, где придется; мы с Ронжиным обычно становились налево от двери из столовой. Государь, не торопясь, обходил всех и, прощаясь, всегда обращался при этом с несколькими словами, с некоторыми же из присутствовавших разговаривал довольно долго. Затем Его Величество направлялся к двери в кабинет, кланялся всем и уходил.

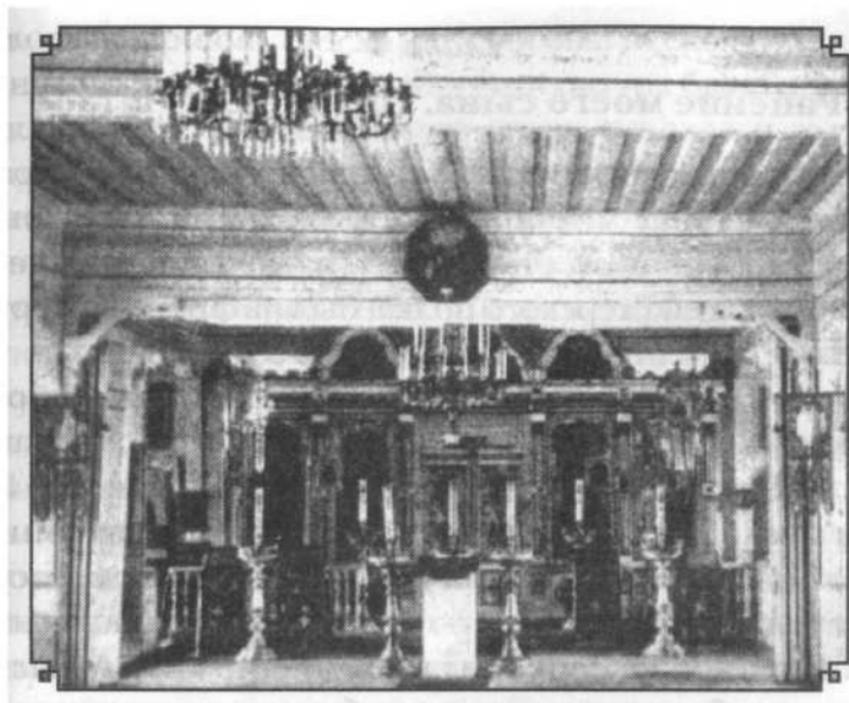
В три часа подавался автомобиль, и Государь в сопровождении четырех-пяти лиц свиты отправлялся на прогулку.

Выехав за город в том или ином направлении, все вылезали из автомобилей и шли пешком; Государь был великолепный ходок и шел всегда таким свободным и широким шагом, что не всякому были под силу эти прогулки. Граббе, хотя и молодой еще, но довольно рыхлый, мне неоднократно говорил, что ему приходилось очень тяжело в течение этих прогулок в несколько верст, которые приходилось проходить пешком.

Поэтому Государя сопровождали лишь более крепкие из лиц свиты, — всегда Воейков, князь Долгорукий, Саблин, Нарышкин. Государь, кажется, очень любил прогулки вдоль берега Днепра. Около 5 часов Его Величество приезжал обратно. В 7 часов был обед.

Каждую субботу ко всенощной и по воскресеньям к обедне Государь отправлялся в церковь. Входил он в левую боковую дверь и проходил прямо на левый клирос, где и молился до самого конца службы.

Клирос был отделен от церкви широкой колонной, так что другим молящимся Государь не был виден.

*Внутреннее убранство храма, в котором молился
Государь Император*

Я здесь указываю только известный всем нам распорядок дня Его Величества, то, что мы все видели своими глазами, и не касаюсь того, чего мы не видели: когда Государь вставал, когда ложился спать, когда и много ли занимался. Знаю только, что четыре раза мне пришлось быть в кабинете Его Величества по вызову Государя, и каждый раз я заставал его за работой над очень солидным количеством докладов в папках всяких министерств. Ежедневно с фельдъегерем доставлялась Государю из Петербурга новая почта и отправлялась обратно предыдущая. [...]

Ранение моего сына. Перемены в штабе

В очень скором времени после прибытия Государя в Ставку мне пришлось экстренно выехать в Петербург. Мой старший сын, молодой офицер лейб-гвардии Егерского полка, был на фронте. В августе вся гвардия была перекинута с Юго-Западного фронта на Северо-Западный и вела упорные бои с немцами на Виленском направлении.

Я ежедневно со страхом ожидал известий, и в последних числах августа получил телеграмму, что сын легко ранен в ногу и с санитарным поездом направлен в Москву.

Я тотчас же испросил разрешение М. В. Алексева на небольшой отпуск, чтобы перехватить сына в пути и отвезти его в Петербург.

Мне дали вагон, и я отправился на север. В Витебске удалось перехватить санитарный поезд, в котором везли сына; мне разрешили взять его в мой вагон, и я доставил его в Петербург, где его поместили в Благовещенский лазарет Конного полка.

Рана оказалась не только не легкой, но даже исключительно тяжелой: пуля на близком расстоянии пробила ногу навывлет, немного ниже колена, и хотя не раздробила кости, отбив только небольшой ее осколок, но зато перебила главную вену.

Старший врач лазарета, известный хирург Р. Р. Вреден, родной брат нашего начальника автомобильной команды, решил сделать все возможное, чтобы спасти ногу и жизнь юноши.

Пришлось сделать тяжелую операцию, которая, кажется, на медицинском языке называется опера-

цией аневризма. После нее сын был несколько дней между жизнью и смертью; температура была страшно высока, временами же сразу спадала и затем вновь быстро поднималась; нога почернела, и налицо были все признаки заражения крови.

Однако после тяжелой и упорной борьбы Вредену удалось побороть недуг, не ампутировав ноги.

Все это происходило уже после моего отъезда из Петербурга, и все сведения я ежедневно имел от жены, которая в самые тяжелые дни не отходила от сына ни днем, ни ночью.

Я был в отсутствии всего несколько дней. По моем возвращении я тотчас же был приглашен к высочайшему обеду. Здороваясь со мною, Его Величество спросил меня: «У Вас ранен сын?» «Так точно, Ваше Величество, в ногу навывлет». Государь спросил, раздроблена ли кость, куда сын помещен, а уже за столом стал вновь расспрашивать меня о сыне, какого он полка, давно ли произведен в офицеры, откуда.

Узнав, что сын мой был фельдфебелем Пажеского корпуса, Государь удивился, что не помнит его, и стал вспоминать последних фельдфебелей, которых всех хорошо знал. Я тогда пояснил Его Величеству, что сын мой был первого ускоренного выпуска, производства октября 1914 года, поэтому фельдфебелем он был фактически всего два месяца и в такое время, когда не было приемов, так что, вероятно, Государь видел его всего один раз, при производстве в офицеры.

После обеда, прощаясь со мною, Государь пожелал моему сыну скорейшего выздоровления и сказал, что будет меня спрашивать о состоянии его здоровья.

Император Николай II беседует с офицером

Все это было так сердечно, в словах Государя было столько доброты и участия, что я был тронут до глубины души. Самый близкий человек не проявил бы больше участия, чем проявил в отношении меня Государь Император. Мало того, почти каждый раз, что он меня видел после этого, Государь спрашивал о сыне, и когда ему было очень плохо, то, видя, как я беспокоюсь, Его Величество меня успокаивал и обнадеживал, причем в глазах его всегда светилась бесконечная доброта и ничего напускного, никакой рисовки.

Как сейчас вижу эти глаза Государя, добрые, ласковые...

Сентябрь 1915-го года был очень тревожный на фронте. Немцы произвели известный Молодечненский прорыв, куда ими была брошена конница. Ликвидировать этот прорыв было не так легко.

На всякий случай генералом Алексеевым были приняты меры к тому, чтобы перевести Ставку еще более вглубь страны. После осмотра Калуги, Вязьмы и еще какого-то города, выбор остановился на Калуге.

Однако ни малейшего изменения в обиходе жизни самого Верховного Главнокомандующего не произошло: как всегда в определенный час Государь отправлялся на доклад начальника штаба, как всегда ездил на свои обычные прогулки. То же спокойствие, то же ко всем внимание, простота в обращении, никакой нервности, никакого волнения. Это, конечно, не могло не влиять и на работу штаба.

Прорыв удалось ликвидировать, и необходимость переезда Ставки в Калугу миновала.

Очень скоро после принятия Его Величеством Верховного Командования армиями в штабе были произведены некоторые перемены.

В Барановичах никакой пехотной части при Ставке не было; для службы охраны прикомандировывался лишь один кавалерийский полк; ближнюю охрану нес Гвардейский жандармский эскадрон.

Теперь признано было необходимым иметь небольшую пехотную часть. Для этого учреждена была новая часть под названием «Георгиевский батальон». Для его формирования вызваны были от всех частей армии по определенному числу наиболее достойных, бывших раненых, георгиевских кавалеров солдат. Таким же порядком, по выбору главнокомандующих и командующих армиями, назначено было в этот батальон необходимое количество штаб- и обер-офицеров. Командиром баталь-

она был назначен тяжело раненный полковник Пожарский, тоже георгиевский кавалер. От этого батальона ежедневно выставлялся офицерский караул, выставлявший необходимое число постов кругом дома, где жил Государь, и вокруг сада, окружающего дом. В общем порядке этот батальон был подчинен мне.

Затем в составе штаба были учреждены новые должности: генерал-инспектора артиллерии при Верховном Главнокомандующем, на которую был назначен Великий Князь Сергей Михайлович, и начальника морского штаба при Верховном Главнокомандующем, с назначением на эту должность адмирала А. И. Русина. Великий Князь Сергей Михайлович, который в начале войны был очень тяжело болен, да и теперь еще не совсем оправился, приехал сейчас же в Ставку с двумя адъютантами и поселился в небольшом деревянном особняке, окруженном садиком, на уединенной улице города, в некотором отдалении от Ставки. Был выработан штат управления, вызваны офицеры, и все артиллерийские вопросы были мною туда переданы. Хотя в то время в артиллерийских и ружейных патронах еще был значительный недостаток, но самое острое время кризиса миновало, и этот вопрос понемногу налаживался.

Было поэтому немного обидно передавать теперь этот вопрос, который успел причинить столько волнений, беспокойств и огорчений. [...]

Кроме живого, острого ума, Великий Князь обладал великолепной памятью, знал отлично не только личный состав артиллерии, но и весь высший командный состав армии, высказывая о каждом

поразительно верное суждение. В результате этих моих докладов установилось очень хорошее отношение ко мне Великого Князя, и это отношение нисколько не изменилось и в Ставке.

А. И. Русин с самого начала своей службы в Ставке поставил себя очень хорошо; держал он себя очень скромно, сумел, однако, очень скоро объединить в своих руках морское командование, что было, конечно, необходимо. У нас с ним вскоре установились очень хорошие отношения. [...]

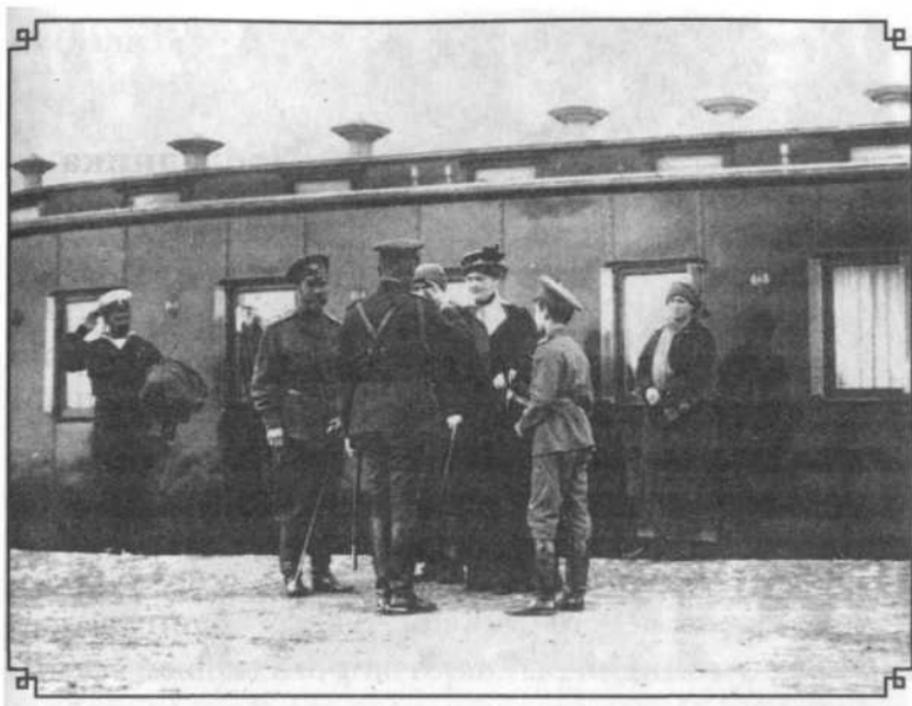
Глава 5

Приезды в Ставку Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и Великих Княжон

Почти через месяц после принятия Государем Императором Верховного Командования в Ставку приехала Государыня Александра Феодоровна с Наследником Цесаревичем и августейшими дочерьми.

Государь Император, вся свита и все старшие чины штаба встречали Ее Величество на военной платформе. Императрица и вслед за ней все Великие Княжны обошли всех нас, выстроившихся, как всегда, по старшинству, и поздоровались со всеми, подавая руку, которую мы целовали. Впоследствии, когда эти приезды стали более часты, я не мог не обратить внимания на то, что при этом обходе Великие Княжны всегда шли на одном и том же расстоянии одна от другой — именно таким, чтобы не надо было ни торопиться, ни ждать, чтобы поцеловать ручку следующей.

Мне уже приходилось видеть Императрицу очень близко, а именно на Романовских празднествах, когда в течение нескольких часов продолжался «безмен», который пришлось выдержать обеим Императрицам. Помню, что тогда мне бросилась в глаза разница в силах обеих: насколько Императрица Мария Феодоровна, несмотря на свой возраст, легко переносила это мучение, одаряя каждого милой улыбкой, настолько молодая Государыня буквально изнемогала; ее лицо, бледное и покрывшееся красными пятнами, имело такой мученическим

*Император Николай II, Наследник Цесаревич,
Императрица Александра Феодоровна и Великие Княжны
на платформе у императорского поезда*

вид, что нельзя было не пожалеть Ее Величества и не почувствовать себя невольным виновником лишней секунды ее мучения.

Теперь Императрица выглядела гораздо лучше.

Августейших же дочерей и Наследника я видел так близко в первый раз. Все Великие Княжны произвели на меня впечатление олицетворенной доброты, чистоты и невинности; младшая, Анастасия Николаевна, показалась мне более бойкой, чем остальные. Наследник сразу очаровал нас всех.

В первый свой приезд Государыня пробыла в Ставке, кажется, три дня. За эти три дня я три раза был приглашен к высочайшему столу. Государыня

*Император Николай II, Великие Княжны
и Наследник Цесаревич*

и Великие Княжны, как и Государь, обходили всех присутствующих и здоровались со всеми; все время закуски они все стояли в стороне, разговаривая между собой, а иногда с кем-нибудь из лиц свиты.

За столом все Великие Княжны сидели на стороне Государя, между ними сидели Великие Князья и старшие лица свиты. Так как я сидел на противоположной стороне, то мог внимательно за всеми наблюдать, и должен сказать, что искренно любовался ими.

Великие Князья Сергей Михайлович и Дмитрий Павлович были, по-видимому, в самых добрых и простых отношениях с ними, шутили и смеялись. Думаю, что для Великих Княжон приезды в Став-

ку были большим развлечением, особенно для двух младших, в глазах которых так и искрилось удовольствие.

Наследник тоже был, по-видимому, в полном восторге. Этот исключительно живой мальчик производил прямо чарующее впечатление.

Всем известная болезнь Наследника заставляла меня всегда наблюдать за ним, насколько заметна была его хромота. Должен сказать, что иногда она была заметна больше, иногда же совсем нельзя было ее заметить.

Как-то в церкви, когда вся Царская Семья стала на колени, я заметил, что Наследник становился собственно на одно колено, несколько вытягивая назад больную ногу, которая, по-видимому, не могла сгибаться, как здоровая; но делал он это с помощью рук очень ловко и вставал совершенно свободно.

После завтрака, когда все переходили в зал, Государь, как всегда, обходил присутствующих, разговаривая с ними и прощаясь, а Императрица садилась в кресло у двери в кабинет и разговаривала с Великими Князьями; иногда, по поручению Ее Величества, один из Великих Князей подзывал к Императрице кого-либо из присутствующих, с кем Государыня хотела говорить. Великие Княжны и Наследник стояли тут же — глядя на них, сразу было видно, что Наследник был их общий баловень, так они все были с ним добры и ласковы.

После завтрака, в 3 часа, вся Царская Семья отправлялась в автомобилях на прогулку, затем Императрица с детьми возвращалась в свой поезд и к обеду вновь приезжала в Ставку. Довольно скоро после обеда Государыня уезжала в поезд.

Император Николай II, Наследник Цесаревич и Великие Княжны Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны на берегу Днепра. Могилев. 1916 г.

Приезд в Ставку Царской Семьи был, конечно, большим событием как для самой Ставки, так и для всего города. Днепровский проспект, по которому Императрица проезжала с вокзала в Ставку, ко времени проезда наполнялся горожанами.

Между двумя и тремя часами, пока Царская Семья находилась в Ставке, очень много горожан направлялось мимо здания, занимавшегося моим управлением, в городской сад, который примыкал к саду губернаторского дома: Княжны и Наследник часто подходили к окнам и таким образом проходящие имели возможность видеть их на близком расстоянии. В субботу и воскресенье, когда вся Царская

Семья ездила в церковь, по пути тоже собиралось масса народу; в церковь допускались только получившие разрешение, но в эти дни она была переполнена. Думаю, и даже уверен, что не одно простое любопытство заставляло всех стремиться «хоть одним глазком» взглянуть на Царскую Семью, — это были любовь и обожание верноподданных своего Царя и его семьи.

Впоследствии, кроме церкви, чины Ставки, а также и жители Могилева получили возможность видеть Государя и всю Царскую Семью, — а именно в театре.

Как я упоминал, в Барановичах в одном из барачков был устроен кинематограф для чинов Ставки. Спустя некоторое время по переезде нашем в Могилев, я решил, с разрешения начальника штаба, устроить то же самое и здесь.

Единственным подходящим и притом вполне удачным для этого помещением был городской театр. Он снимался наезжавшими в Могилев труппами, но оказалось вполне возможным за небольшую плату предоставить его нам для кинематографа по воскресеньям днем и раз в неделю вечером. В театре были сделаны все необходимые приспособления.

По воскресеньям днем я предполагал показывать в присутствии Его Величества только фильмы с фронтов и фильмы поездок Государя на фронт и в разные места России. По вечерам же обычные пьесы вообще для чинов штаба Ставки. Предварительно пришлось переговорить с дворцовым комендантом, генералом Воейковым, который доложил Государю и получил высочайшее одобрение. Потом

пришлось заняться распределением мест. В середине театра, в бельэтаже, была ложа губернатора, которая, естественно, должна была быть царской. Направо и налево от нее шли обыкновенные ложи на 5–6 человек каждая. Такие же ложи были и в 1-м ярусе. Все эти ложи были мною распределены: одна для начальника штаба и генерал-квартирмейстера, другая для остальных старших генералов штаба, две для лиц свиты, две для иностранных представителей, одна для губернатора, остальные для различных управлений Ставки. Все это надо было сделать безобидно, ибо в Могилев ко многим чинам Ставки приехали их семьи, которые, естественно, хотели иметь возможность бывать на спектаклях в высочайшем присутствии.

Весь партер предоставлялся офицерам и чиновникам, а третий ярус — писарям и нижним чинам команд и частей гарнизона Ставки.

В фильмах недостатка не было: с одной стороны Севастопольский комитет в лице стоявшего во главе кинематографического отделения капитана Левченко постоянно присылал нам безвозмездно фильмы, рисующие боевую жизнь армии и поездки Государя Императора, но также и всевозможные пьесы; с другой стороны представитель фирмы Патэ по-прежнему, тоже безвозмездно, поставлял и те, и другие. Кроме того, в случае надобности мы могли пользоваться фильмами имевшихся в Могилеве двух частных кинематографов.

Во избежание повторения случая, имевшего место в Барановичах, когда была поставлена совершенно неприличная пьеса, которую на половине пришлось прекратить, я, несмотря на то, что

Император Николай II и Наследник Цесаревич

это отнимало у меня некоторое время, лично предварительно просматривал те пьесы, в полном соответствии которых не было уверенности.

Первое представление в высочайшем присутствии прошло очень торжественно. Собрался буквально весь штаб, а также и все семейства чинов Ставки.

Когда Государь вошел в театр в сопровождении лиц свиты, оркестр Георгиевского батальона заиграл встречный марш и затем, когда Государь вошел в ложу, гимн. Все стояли, обратясь лицом к царской ложе. Вскоре гимн был подхвачен всем театром и могучими раскатами гремел по всему театру, будучи повторен трижды. Государь Император, поклонившись на все стороны, сел, рядом с ним Великие

Князя и свита. Спектакль прошел вполне хорошо. Когда Государь увидел меня при отъезде, то поблагодарил.

Так прошло, кажется, два спектакля, затем к следующему воскресенью приехала Императрица с дочерьми и Наследником, и пришлось устраивать первый спектакль при них.

Наслышавшись много о строгом воспитании Императрицей августейших дочерей, я очень боялся, как бы не шокировать Императрицу чем-нибудь легкомысленным.

Надо сказать, что, кроме боевых картин и царских путешествий, я еще ставил всегда небольшую пьесу, обычно французскую, из написанных специально во время войны для поднятия патриотизма, и, кроме того, одну комическую. Просматривая все имевшиеся у нас комические пьесы, я нашел, что две из них очень глупые, третья же мне страшно понравилась: веселая, живая, прелестно разыгранная, но в ней так много целовалась парочка главных действующих лиц, что я, из опасения неудовольствия Императрицы, принужден был ее забракковать. Главная пьеса тоже была скучная, так что спектакль, как нарочно, был неудачный; мне это было ужасно неприятно, но, как ни хотелось, поставить для оживления легкомысленную пьесу я все же не решился.

В первом антракте во время спектакля Государь Император, выйдя из ложи в небольшой зал, позвал меня и попросил не показывать столь продолжительных картин из его поездок, ибо это все в общем одно и то же, да и смотреть все на себя уж слишком скучно. Надо бы что-нибудь поинтереснее, пожи-

Император Николай II и Великие Княжны Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны на горной тропе в Крыму

вее. Тогда я доложил Его Величеству, что у меня есть очень хорошенькая и веселая пьеса, но я ее побоялся ставить в присутствии Великих Княжон, «так как уж очень много в ней целуются»... «Только целуются, больше ничего?» — спросил Государь. «Ничего, кроме поцелуев, пьеса вполне чистенькая и очень хорошенькая». «Так ведь это же сама жизнь, Кондзеровский, что же тут дурного, пожалуйста, ставьте пьесу». Сделав тотчас же распоряжение, чтобы в конце спектакля, без перерыва, была бы поставлена еще и эта пьеса «на закуску», я с интересом ждал произведенного ею впечатле-

ния. Раз поцелуи Государем не считались предосудительными, то я не сомневался в полном ее успехе, ибо пьеса была на редкость хорошая и интересная. Действительно, успех превзошел ожидание. Государь был очень доволен и, прощаясь и благодаря меня с милой улыбкой, сказал: «Великолепно!»

Государь Император всегда и впоследствии, каждый раз выходя из театра, непременно благодарил меня, причем прибавлял: «Превосходно! Отлично!» — или какое-нибудь другое слово.

Его Величество охотно посещал эти спектакли, но особенно любили их Великие Княжны и, главное, Наследник. Позже нам удалось получить от Патэ очень интересную, прекрасно поставленную детективную пьесу «Тайны Нью-Йорка», кажется в 20-ти эпизодах. Пьеса эта особенно подходила к вкусам мальчика его лет, и Наследник ею страшно заинтересовался. Мы ставили сразу по два эпизода и получали фильмы обыкновенно накануне спектакля — в субботу. В воскресенье за завтраком Наследник всегда атаковывал меня расспросами, получили ли «Тайны Нью-Йорка», как называются эпизоды и т. п.

Я обычно писал на меню завтрака название эпизодов и передавал Его Высочеству. Наследник сейчас же восторженно делился с сестрами, если они были в Ставке, или же с Его Величеством полученными сведениями. Однажды при этом на вопрос Государя, откуда он об этом узнал, Наследник ответил, указывая на меня: «Он сказал», — и тут же получил за такое выражение замечание от Его Величества.

Во время спектакля антракты делались обыкновенно между двумя эпизодами «Тайн Нью-Йорка».

Однажды (это было летом 1916 года), я взял в свою ложу мою дочь, которой было тогда 14 лет и которой страшно хотелось поближе увидеть Царскую Семью — моя ложа отделялась от царской только ложей начальника штаба, между тем как ложа, где обыкновенно сидели мои дети, была внизу и очень далеко от царской.

В этот раз эпизод «Тайн Нью-Йорка» был особенно интересен.

Как только он окончился и дали свет, в мою ложу, из которой я не успел еще выйти, вбежал Наследник в полном восторге от пьесы, чтобы поделиться со мною впечатлениями. Увидев незнакомую девочку, он остановился, слегка смутился, но когда я сказал, что это моя дочь, Наследник приветливо протянул ей руку и сразу спросил, нравятся ли ей «Тайны Нью-Йорка»; получив утвердительный ответ и выразив мне свой полный восторг, Наследник выбежал из ложи. Нечего и говорить, что дочь моя долго была под впечатлением этого случая, счастлива и горда, что с нею поздоровался Наследник.

К большому огорчению Наследника, после представления большей части пьесы присылка дальнейших эпизодов прекратилась из-за затруднений в доставке морем через Архангельск. Только через большой промежуток времени и после многих хлопот стали, наконец, ее вновь присылать, но Наследник уже не был в Ставке, так как он заболел и уехал в Царское Село. Когда Его Высочество стал поправляться, я снарядил офицера с механиком, комнатным аппаратом и фильмами в Царское Село, где они показали последние четыре эпизода Наследнику и Великим Княжнам, чем доставили им огромное

удовольствие и при этом были отлично приняты во дворце.

Государь Император от времени до времени уезжал из Ставки, то в Царское Село, то на фронт, объезжая части. Сначала Его Величество ездил один, а затем стал брать с собой и Наследника. Почти всю зиму 1915–16 гг. Наследник Цесаревич провел вместе с Государем, то в Ставке, то в поездках. Пасху 1916 года Его Величество встречал в Ставке. После заутрени во дворце было устроено разговенье. Иностранцы приглашены не были, поэтому я сидел налево от графа Фредерикса, который был крайне мил, но в течение ужина несколько раз начинал говорить одно и то же, забывая, что только что уже это сказал.

На второй день весь штаб поздравлял Их Величеств. Чины всех управлений по очереди, по старшинству, один за другим, непрерывной вереницей подымались во дворец, христосовались с Его Величеством и целовали ручки Императрицы и Великих Княжон, а затем, через столовую и буфетную, по другой лестнице спускались.

Во время пребывания в Ставке, времяпрепровождение Его Величества было неизменно то же. Обязательно в 3 часа Государь выезжал на прогулку, стараясь по возможности разнообразить и менять направления. В начале мая ко мне приехала вся моя семья, вместе с сыном, который выписался из госпиталя и мог ходить на костылях. Я нанял для них небольшую дачу за городом, недалеко от вокзала. Дом был окружен садиком с чудным цветником. Кругом были большие фруктовые сады, которые в это время были в полном цвету. Красота была

*Император Николай II, Великие Княжны, Цесаревич
и лейб-медик Царя Е. С. Боткин на отдыхе*

поразительная, и как на жену, так и на детей, никогда ничего подобного не видавших, это произвело чарующее впечатление. К сожалению, у сына скоро после приезда рана воспалилась, он слег, и пришлось ему делать операцию.

Государь Император, который не забывал спрашивать меня о состоянии здоровья моего сына, был в курсе его положения. Однажды, по время одной из прогулок, Его Величество проехал мимо дачи, занятой моей семьей и, вероятно, обратив внимание на красивый сад, узнал, что это моя дача; при первой же встрече Государь рассказал мне, что видел мою дачу, которая ему очень понравилась.

Другой раз Государь во время прогулки встретил мою дочь, которая каталась верхом с офицером, заведовавшим нашим конным составом. Увидев меня после этого, Его Величество сказал мне, что видел мою дочь и спросил, разве я не боюсь отпускать ее кататься верхом. Я доложил, что вполне уверен в благоразумии и умении ездить офицера, ее сопровождающего, который не допустит с ее стороны какой либо опасной неосторожности (дочери моей шел всего 15-й год).

Еще раз как-то я с семьей поехал в автомобиле, часов в пять, прокатиться в лес, поискать грибов; на пути мы встретили Его Величество, возвращавшегося с прогулки со своими спутниками. На другой же день Государь сказал мне, что видел меня с семьей, спросил про здоровье сына и велел ему его представить, когда он поправится.

К крайнему огорчению сына, нога его не поправлялась, образовывался нарыв, приходилось его резать, снова укладывать сына в постель и мучить его перевязками. Летом приехавший из Петербурга доктор Вреден сделал ему серьезную операцию по очищению раны с выскабливанием кости, дабы прекратить в будущем нагноения. Сын лежал долго в лазарете Красного Креста в Могилеве, но это не помогло, и через некоторое время после заживления раны опять произошло внутреннее нагноение, и пришлось вновь резать. В общем, со времени своего ранения сын перенес 10 операций, из которых несколько очень серьезных.

В результате к осени, решили не давать закрываться ране, а держать ее открытой, делая постоянно перевязки; через день или через два наши два

доктора приезжали к нам (к зиме я нанял квартиру на Днепровском проспекте) и делали перевязку, после чего жена угощала их чаем и чем только могла повкуснее. Так продолжалось всю зиму, но временами сын чувствовал себя лучше. Такой период временного улучшения имел место в декабре, и мы решили, что он может принять участие в ужине, устраиваемом бывшими пажами в день Пажеского праздника.

В этот день сын был приглашен к обеду во дворец и в полном смысле слова обласкан Его Величеством.

Приглашены к царскому столу в этот день были только бывшие пажи, так что я, к сожалению, лично не мог видеть приема моего сына Государем, но, судя по тому впечатлению, которое произвело на моего сына обращение Его Величества, оно было действительно чарующим.

Нет ничего удивительного в том, что такая молодежь обожала своего Монарха и потом безбоязненно умирала под расстрелом большевиков с именем Государя на устах. О таких случаях я слышал — они имели место в Пятигорске, где происходили массовые расстрелы офицеров осенью 1918 года.

Надо сказать, что вообще все, кто лично близко видел Его Величество, даже те, которые хотели бы сказать что-нибудь скверное о Государе, не могут отрицать, что он был исключительно обворожителен в обращении и буквально пленял все сердца.

Простота обращения, доброта, сквозившая в красивых, ласковых глазах Государя, внимание, даже в мелочах, — все это создавало чарующее впечатление. Я нарочно привел несколько случаев,

имевших место со мною, чтобы показать, сколько внимания Государь проявлял к окружавшим его лицам. При этом надо сказать, что Государь Император совсем не знал меня до своего первого приезда в Ставку, ибо видел меня раньше только мимолетно при двух моих представлениях Его Величеству в Царском Селе.

Следовательно, такое отношение Его Величества было обычным со всеми — и, действительно, так это и было; доброта, ласка, внимание — это было в его манере, было врожденное.

Один только раз мне лично пришлось наблюдать иное отношение Государя Императора к одному человеку, а именно к бывшему тогда военным министром генералу Поливанову незадолго до его увольнения от должности. Это было в Ставке же.

Военный министр приехал с докладом к Его Величеству, и приезд этот совпал с пребыванием в Ставке Государыни Императрицы.

Я и Ронжин были приглашены к обеду, Поливанов тоже. За обедом он сидел на левой стороне стола, а я был почти напротив него.

Ни одного раза ни Государь, ни Императрица не обратили на него ни малейшего внимания. После обеда, как всегда, все стояли кругом залы; приглашенных было много; мы с Ронжиным стояли, как всегда, налево от двери из столовой, Поливанов стоял около рояля. Императрица села в кресло у двери в кабинет и сначала разговаривала с Великими Князьями, потом через Великого Князя Георгия Михайловича подозвала кого-то приезжего с фронта, не помню точно, кто это был, чуть ли не Маслов, бывший лейб-улан. Окончив с ним разговор, Импе-

ратрица вновь обратилась к Георгию Михайловичу, и вдруг он подошел ко мне со словами, что меня просит Ее Величество.

Это было еще первый раз, что Императрица пожелала со мной говорить. Я страшно смутился и сначала даже плохо понимал, что мне говорила Государыня, но к счастью быстро овладел собой; Императрица очень милостиво говорила со мной по-русски.

После меня таким же порядком подозван был к Государыне и Ронжин, с которым она тоже очень милостиво говорила.

Тем временем Государь Император, как всегда, обходил всех. Я не уверен, что Государь прошел мимо Поливанова, но, во всяком случае, если и говорил с ним, то лишь два слова. Наоборот, и со мной, и с Ронжиным Его Величество говорил очень много.

Все это произвело на меня вполне определенное впечатление: генералу Поливанову была ясно выражена немилость Их Величеств. И действительно, вскоре после этого он был заменен на посту военного министра генералом Шуваевым, занимавшим при Ставке должность походного интенданта.

Мне никогда не приходилось присутствовать на докладах Его Величеству генерала Алексева; на них присутствовал только генерал-квартирмейстер, поэтому я ничего не могу сказать о служебных отношениях, которые установились между Государем и Алексеевым. Что же касается отношения Государя к Алексееву во внеслужебной обстановке, то оно было исключительно хорошее. Его Величество называл его по имени и отчеству и всегда был к нему внимателен.

Мне казалось, что и генерал Алексеев платил Его Величеству тем же, но он со мною никогда не был откровенен и ни до, ни после революции не разговаривал со мною о Государе, так что истинного отношения его к Его Величеству я не знаю, а чего не знаю, о том предпочитаю и не говорить, дабы не впасть в ошибку своими догадками.

Один только раз, придя к генералу Алексееву с докладом, я застал его в страшно возбужденном состоянии, бегающим взад и вперед по его маленькому служебному кабинету. И тут он мне взволнованно сказал несколько слов о том, какое ужасное влияние имеет на Государя Императрица, как она этим портит Государю и как вредит всему. По поводу чего именно так волновался М. В. Алексеев, я так и не узнал. Случай этот был еще до его болезни. [...]

Обычно же я всегда радовался приезду Государыни, ибо она приезжала всегда с Великими Княжнами, которые меня каждый раз все больше и больше очаровывали. На одном завтраке мне пришлось сидеть рядом с Великой Княжной Анастасией Николаевной; она, всегда очень бойкая, видимо, была несколько смущена, что рядом сидит почти незнакомый генерал, отвечала на мои вопросы довольно короткими фразами и совсем смутилась, когда я предложил положить ей второго блюда (обносили с моей стороны), что, по-видимому, по придворному этикету, не полагается.

За этим же завтраком поблизости от меня сидел Великий Князь Борис Владимирович, который незадолго до этого был назначен Походным Атаманом. В руках у него был чудной работы тяжелый атаман-

Августейшие сестры милосердия в госпитале

ский пернач, на котором изображены были гербы всех казачьих войск.

Великий Князь его с удовольствием всем показывал, когда же сели за стол, то он отдал его лакею, который тут же принял от одной из Княжон зонтик и поставил вместе, в угол палатки, а после завтрака подал Великому Князю пернач, а Великой Княжне — зонтик. Воздерживаюсь от комментариев.

Мне только один этот раз пришлось сидеть рядом с одной из Великих Княжон — обычно мое место было напротив них, а Великие Княжны сидели между Великими Князьями и болтали с ними. Я ими искренно любовался, такие они все были чистые, светлые. Две младшие были, как еще девочки, более живые, непринужденные, в глазах их так и сверкали искорки удовольствия, когда Великие Князья с ними шутили, подтрунивали над ними.

Раза три-четыре за все время две старшие Княжны обращались ко мне с просьбами. Делалось это так: обычно перед завтраком, когда мы закусывали, ко мне подходил гофмаршал Долгорукий и говорил, что такая-то Великая Княжна меня просит. Императрица с дочерьми стояла во время закуски в стороне у окна; Великая Княжна отделялась от группы и шла ко мне навстречу, причем обычно передавала маленькую записку, в которой была изложена просьба, большей частью о переводе какого-нибудь офицера из одного полка в другой и т. п.

Эти просьбы Великие Княжны делали всегда с ведома Государя, который, видимо, разрешал им обратиться ко мне, ибо каждый раз потом Государь спрашивал меня, обращалась ли ко мне такая-то Великая Княжна и можно ли исполнить ее просьбу. Если же бывали какие-либо просьбы Императрицы или Государыни Марии Феодоровны, то Государь передавал их сам и обыкновенно прибавлял: «Это просьба матушки, мне бы хотелось, чтобы она была исполнена».

В этих случаях Государь просил меня задержаться после обеда или завтрака, я входил в кабинет, Государь передавал мне содержание просьбы. Не помню теперь точно содержание всех этих просьб, но помню одну: чтобы по освобождении должности командира 5-го Гусарского Александрийского Ее Императорского Величества Императрицы Александры Феодоровны полка на нее был бы назначен полковник этого же полка Скуратов. Очевидно, Государь передавал желание августейшего шефа — Императрицы.

О таких «просьбах» Государя я докладывал начальнику штаба, а затем телеграммами сообщал

на соответствующий фронт и в Главный штаб, что Его Величество выразил такое-то желание. В частности же назначение Скуратова так и не состоялось, ибо должность командира полка долго не освобождалась, а потом настала революция.

Смело могу сказать, что ни одного раза мне не было передано таким путем ни одной незаконной просьбы, ни разу не было никакого намека на произвол; эти царские пожелания не шли далее назначения того или другого лица командиром того или иного полка, шефом которого состоял кто-либо из близких Государю особ Императорской Фамилии.

Кроме того раза, о котором я упоминал, был еще другой случай, когда Императрица пожелала со мной говорить. Это было в саду, после завтрака; Государыня сама подошла ко мне и со мной разговаривала; факт этот я очень хорошо помню, но я не могу вспомнить, о чем говорила Ее Величество. [...]

Глава 6

Революция

После возвращения Государя Императора из Царского Села в Ставку в феврале 1917 года не было уже того спокойствия в смысле общего настроения, как было до убийства Распутина.

Толковали обо всем, что делалось, о министерстве Голицына, о Протопопове и т. п.

Ко мне в кабинет часто заходили делиться впечатлениями самые высокопоставленные лица. Однажды зашел Великий Князь Кирилл Владимирович и долго говорил о том, что так продолжаться не может, что все неминуемо кончится катастрофой. Другой раз зашел П. М. Кауфман, перед тем как идти к Государю с целью указать на невозможность продолжения принятого курса внутренней политики.

Делился со мною своими впечатлениями и протопресвитер, отец Георгий, который рассказывал, что когда он попробовал заговорить с Его Величеством на эту же тему, Государь решительно перевел разговор на другую тему. Тем же кончались попытки других лиц. Иных Государь все-таки выслушивал, иных обрывал. Слухи из Петрограда шли очень нехорошие. Наконец стало известно о начавшихся там волнениях черни.

Особенного значения этому вначале не придавалось.

В феврале я был приглашен к высочайшему обеду. Обед прошел как-то очень скоро, в каком-то приглушенном общем настроении.

После обеда Государь, как всегда, обошел всех, причем передал мне какое-то поручение, какое —

теперь не помню. Я уехал домой. У нас был генерал Лукомский с женой. Вечером, когда мы пили чай, мне передали по телефону на квартиру, что начальник штаба экстренно требует к себе меня и генерала Лукомского. За нами был немедленно прислан автомобиль, и мы поехали.

Оказалось, что Государь Император решил направить в Петроград генерал-адъютанта Иванова, дав ему широкие полномочия в целях водворения порядка в столице. Сопровождать генерала Иванова должен был Георгиевский батальон.

Генерал Алексеев поручил мне набросать проект предписания генералу Иванову, с указанием тех полномочий, коими он снабжался.

Генералу Лукомскому было поручено спешно отдать разные распоряжения в связи с этим. Я вернулся домой довольно поздно и отвез в гостиницу С. М. Лукомскую, так как Лукомский задержался еще дольше меня., Я еще не спал, когда уже поздно ночью услышал сильный гул от быстрого движения нескольких автомобилей. Бросившись к окну, я увидел, что мимо полным ходом промчались по направлению к вокзалу царский автомобиль и за ним все машины со свитой.

Ясно, что Государь уезжал из Ставки. Какое-то жуткое впечатление произвел этот отъезд в глухую ночь.

*Князь Н. Д. Голицын,
последний Председатель
Совета министров
Российской Империи*

*Император
у своего поезда.
Ставка. 1916 г.*

На другой день стало известно, что Государь поехал в Царское Село, где была Государыня с детьми, больными корью.

После этого несколько дней прошли как в тумане. Из Петрограда доходили самые чудовищные слухи о том, что там происходило.

О Государе первый день ничего не было известно; затем дошел слух, что через станцию Дно царский поезд направился в Псков.

Помню, что меня поразило название станции Дно, где оказался царский поезд. Затем события пошли с безумной быстротой: отречение Государя от престола в пользу Наследника, затем с передачей престола Великому Князю Михаилу

Александровичу — все эти вести приходили одна за другой. Ставка была ошеломлена в полном смысле слова.

Затем стало известно, что Государь Император едет в Ставку.

Начальник штаба разрешил присутствовать на встрече Государя, кроме старших начальников, встречавших Государя при каждом его приезде в Ставку, также и всем чинам штаба, занимавшим должности не ниже делопроизводителей.

Почти весь штаб, за исключением самых младших чинов, собрался на платформе. Поезд приходил вечером. Погода была ужасная, сильный холодный ветер, мокрый снег.

На военной платформе, к которой должен был подойти поезд, был барак; чтобы временно укрыться от непогоды, я зашел туда; в числе находившихся уже там были Великие Князья Борис Владимирович и Сергей Михайлович.

К приходу поезда метель немного улеглась. Все выстроились в две длинные шеренги. Поезд подошел. Как всегда к царскому вагону подставили сходни, стали два казака конвойца, вышла свита.

Сейчас же показался Государь, поздоровался с Великими Князьями и своим обычным спокойным тоном заговорил о погоде. Затем как-то сразу оборвал и стал всех обходить, здороваясь с каждым и, как всегда, глубоко в каждого вглядываясь. Я стоял на правом фланге и могу засвидетельствовать, что вначале Государь был совершенно спокоен, но мои офицеры говорили мне потом, что к концу обхода всех встречавших у Государя по щекам текли слезы.

На всех эта встреча Государя произвела неизгладимое тяжелое впечатление, — по наружному виду как будто бы ничего не изменилось, все, как прежде, а между тем это был на самом деле только мираж, ибо Царя уже не было.

Затем прошло несколько дней пребывания Государя в Ставке.

Дни эти были тяжелые, ибо в Ставке проявились элементы, которые скоро стали очень живо реагировать на все, что творилось в Петрограде. Из нижних чинов, как я узнал, тон взяли, и притом самый революционный, электротехники, т. е. солдатская интеллигенция. Они влияли на все остальные команды, и их слушались. Хотя, в общем, порядок в Ставке сохранялся еще очень долго, во всяком случае до моего отъезда, т. е. еще три месяца, но настроение нижних чинов, их взгляды и понятия перевернулись почти моментально.

Георгиевский батальон, эта отборная из отборных частей, тотчас по возвращении в Ставку после безрезультатной поездки с генералом Ивановым к Петербургу для водворения порядка первые два дня был настроен очень контрреволюционно, но затем одного обвинения именно в этой контрреволюционности со стороны задававших тон электротехников было довольно, чтобы внести в эту часть смущение и некоторое волнение, потребовавшее даже посещения батальона генералом Алексеевым. Затем батальон был охвачен тем же революционным настроением, что и другие части.

Вся эта революционная метаморфоза и все события вообще шли так быстро, что как-то нельзя было

еще усвоить только что совершившегося, как уже разворачивались новые события и с ними новые взгляды, новые понятия.

Уже через два или три дня после возвращения Государя в Ставку по приказу из Петрограда электротехниками было решено устроить революционный праздник, и вот во все части и команды дано было распоряжение выступить, разукрасившись красными бантами, к такому-то часу на городскую площадь.

Все это — помимо начальства, помимо офицеров. Мне обо всем этом было доложено, и я перед докладом начальнику штаба хотел вызвать к себе по телефону начальников частей; когда я велел соединить меня конвоем Его Величества, то мне с главной станции ответили, что телефон туда испорчен.

Как потом выяснилось, электротехники все время следили за моим телефоном, подслушивая мои разговоры, и не пожелали соединить меня с конвоем, вероятно, не будучи уверены в его настроении. Как бы то ни было, но когда я доложил о готовящемся солдатском параде, то было решено, дабы не выпускать управление частями из рук, сделать этот парад по распоряжению начальника штаба.

К определенному часу приказано было всем частям и командам Ставки со всеми офицерами прибыть на городскую площадь. Там генерал Алексеев обошел части, а затем пропустил их мимо себя церемониальным маршем.

Помню хорошо, что к моему приезду на площадь она оказалась запруженной массой народа, главным образом, конечно, евреями. При этом два молодых

еврея непременно хотели над тем местом, где стояли начальствующие лица с генералом Алексеевым, водрузить какую-то революционную надпись, изображенную на куске красной материи, натянутой между двумя длинными палками, которые они держали. Как я, так и Лукомский несколько раз решительно прогоняли их, но они самым наглым образом лезли опять.

Вот как быстро пришло в Ставку это революционное настроение, что в присутствии только что отрекшегося от престола Императора в его Ставке был устроен праздник революции, и мимо дворца шли на этот праздник с музыкой и с красными бантами на груди почти все части Ставки.

Мало того, в Ставке стали говорить о нежелательности состояния при Государе двух лиц: генерала графа Фредерикса и генерала Воейкова, первого — ввиду его немецкого происхождения, второго — вследствие общего скверного к нему отношения и, главное, ввиду нелюбви к нему солдат подчиненного ему Собственного Его Величества Сводного полка, которые якобы готовились, в случае неудаления его, арестовать его во дворце.

Быть может, все эти получаемые с разных сторон сведения были преувеличены, быть может, до самовольного ареста Воейкова дело не дошло бы, но уже и в среде офицеров Ставки на этой почве началось брожение.

Как бы то ни было, генерал Алексеев решил доложить Государю о желательности удаления как графа Фредерикса, так и Воейкова.

Отчего-то генерала Алексеева поддержал в этом отношении принц Ольденбургский, прибывший в Ставку и постоянно бывавший во дворце.

Когда графу Фредериксу было сказано, что он должен выехать из Ставки, то преданный Государю старик никак не мог уяснить себе, как это так — Государь остается здесь без него, а он должен почему-то уехать.

В результате бедный старик должен был в сопровождении преданного ему чиновника, ухаживающего за ним всегда, как хорошая нянька, сесть в петербургский поезд. В Петербурге, на Царскосельском вокзале, обезумевшая толпа чуть не вытащила его из кареты и подвергла всевозможным оскорблениям, но в конце концов удалось все-таки отвезти его в Думу, а затем он был выпущен на свободу.

Воейков решил поступить иначе; он отлично понимал, что немедленно по приезде в Петербург он будет арестован и неизвестно чему может подвергнуться. И он решил инкогнито бежать в свое имение и там пока спрятаться. Поэтому он отправился переодетый и чуть ли не пешком на вокзал и сел в поезд, шедший в обратном от Петербурга направлении, с тем чтобы с несколькими пересадками добраться до своего имения, кажется, в Рязанской губернии. Это ему не удалось. Его проследили и на одной из станций под Москвой арестовали и отвезли в Петербург, где он сначала сидел в здании Государственной Думы, а затем в Петропавловской крепости.

Через день или два после приезда Государя в Ставку, в Могилев к Его Величеству прибыла из Киева Государыня Императрица Мария Феодоровна с состоящим всегда при ней гофмейстером, князем Шервашидзе. Ее Величество почти весь день

проводила с Государем, и в ближайшее воскресенье они оба были в нашей церкви.

Это была обедня, которую трудно забыть. В первый раз на ектениях не поминали Их Величеств; было ужасно тяжело видеть Государя и Императрицу-Мать на клиросе, на том самом месте, на котором Государь всегда стоял эти полтора года, и вместе с тем понимать, что этого ничего больше нет, — это было ужасно!

Когда на великом входе диакон вместо «Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго...», стал возглашать что-то странное и такое всем чуждое о Временном правительстве — стало невыносимо, у всех слезы из глаз, а стоявший рядом со мной Б. М. Петрово-Соловово рыдал навзрыд.

Все эти дни пребывания Государя в Ставке мы почти не видели Его Величества, ибо к столу, конечно, никого не приглашали.

Государь выезжал из дому только гулять, или к Императрице-Матери, но большей частью Государыня приезжала к Его Величеству и подолгу оставалась у него.

Состоявший при Императрице князь Шервашидзе, знавший мою жену еще с детства, увидев меня и узнав, что моя семья со мною, сказал, что непременно заедет повидать жену. Действительно, он приехал в придворном автомобиле, застал жену и довольно долго сидел; остался бы он, может быть, и гораздо дольше, но визит его был прерван тем, что шофер и лакей заявили, что им холодно и долго ли еще князь собирается оставаться. Это имели наглость заявить эти подлые холуи, жившие постыдными «на-чаями», и кому же, князю Шервашид-

зе, который в отношении щедрости этих «на-чаев» был всегда исключителен.

Но что же искать благодарности и признательности со стороны таких людей, как придворные лакеи, народ заведомо невысокой нравственности, когда люди действительно приближенные показали себя по отношению к Государю в эту трудную минуту часто ничуть не лучше лакеев. С другой стороны, если среди вторых оказалось несколько лиц, истинно преданных Государю и Его Семье, то и среди простых людей, состоявших при Царской Семье, нашлось несколько человек, доказавших свою беззаветную преданность и поплатившихся за это жизнью.

Действительно, в Ставке при Его Величестве было несколько лиц постоянно всюду его сопровождавших, а именно граф Фредерикс, Воейков, Нилов, Феодоров, князь Долгорукий, граф Граббе и Нарышкин.

Граф Фредерикс и Воейков были удалены. Адмирал Нилов был тоже удален, как я укажу ниже. Из остальных четверых остался при Государе до конца один Долгорукий, который и был, как известно, убит большевиками одновременно с убийством ими Царя и всей Царской Семьи. Я не знаю почему ни Нарышкин, ни граф Граббе, ни один из флигель-адъютантов, состоящих постоянно при Государе, не сопровождали Его Величество после его отречения, после отъезда из Ставки и в дальнейшем.

Предпочитаю не передавать циркулировавшие по этому поводу слухи, но не могу не упомянуть о разговоре, который у меня был всего за два-три дня

до окончательного отъезда Его Величества из Ставки с профессором Федоровым. Отношения у нас были очень хорошие; раньше, когда я бывал во дворце и у меня была свободная минутка, то я часто заходил к нему, а профессор тоже изредка заходил ко мне. На этот раз он пришел попрощаться; естественно, разговор зашел об отъезде Его Величества и о том, кто будет сопровождать Государя впоследствии.

Надо сказать, что тогда все мы были уверены, что Государь со своей семьей выедет за границу. И вот, Федоров сказал несколько таких фраз, которые, должен сказать прямо, больно резанули меня по сердцу. Почему-то, говоря о Государе, он не назвал его ни «Государь», ни «Его Величество», а говорил «он». И это «он» было ужасно!..

Ну, а затем и то, что было сказано профессором, навсегда оттолкнуло меня от него. Он стал говорить, что совершенно не знает, кто из докторов будет сопровождать Государя за границу, ибо прежде это было просто: «он» пожелает, чтобы ехал такой-то, ну и едет; теперь же другое дело. У Боткина большая семья, у Деревеньки тоже, и у него тоже. Бросать семью, все дела и ехать с «ним» за границу — это не так просто.

Примерно в этом духе был весь разговор. Отнюдь ничего враждебного Государю сказано не было, скажу даже больше: все сказанное было житейски, может быть, понятно, но я никак не ожидал от профессора Федорова такого цинично-житейского разговора.

Наконец стало известно, что Государь уезжает в Царское Село.

Накануне отъезда Его Величество отдал собственноручно им написанный прощальный приказ по действующей армии. Приказ этот был немедленно отпечатан в нашей типографии. В дальнейшем, я не уверен, но кажется, что прежде чем рассылать его по фронтам, Алексеев сообщил этот приказ военному министру Гучкову, и тот велел приказ задержать. Однако или мы успели уже часть приказов послать, или впоследствии он был все же распространен, но факт тот, что приказ этот не остался в секрете, а стал многим известен.

Накануне отъезда Государь пожелал проститься со штабом.

Единственный зал, где могли поместиться все чины штаба, к этому времени уже очень разросшегося, был зал окружного суда, в котором помещалось Управление дежурного генерала. Он был совершенно освобожден от мебели, и к назначенному часу туда собрались все офицеры и чиновники штаба. Не могу не отметить, что и здесь уже сказались проникновение революционного яда в офицерскую среду. Мне сказали, что едва ли удобно, чтобы Государь прощался с одними офицерами, что по этому поводу могут потом пойти среди нижних чинов нежелательные разговоры, во избежание коих желательно было бы присутствие при прощании Государя хотя бы немногих нижних чинов.

Тогда я, с разрешения начальника штаба, вызвал по одному представителю из нижних чинов от всех частей и команд штаба.

В зале были выстроены все чины штаба по старшинству Управлений: генерал-квартирмейстера,

дежурного генерала, военных сообщений и т. д. Последними, около выхода, стали представители нижних чинов, — это были, конечно, старые вахмистры, фельдфебели и старшие писаря. Несмотря на большие размеры зала, многолюдность собравшихся потребовала стать группами, в две и три шеренги в глубину.

Все были при холодном оружии.

Государь Император пришел пешком, вместе с генералом Алексеевым. Кажется, Его Величество пожелал в этот день в последний раз присутствовать на оперативном докладе и пришел прямо оттуда. При входе Его Величества в зал я скомандовал: «Смирно, господа офицеры!» — и стал на свое место, на правом фланге своего управления.

Его Величество, войдя и поклонившись всем, стал посередине и сказал всем теплые прощальные слова; затем сказал несколько слов генерал Алексеев. Мне они оба были хорошо видны, и я ясно видел, как слезы катились по щекам Его Величества. Плакал и генерал Алексеев. Я чувствовал, как какой-то комок подступает к горлу, что могу сейчас разрыдаться; глаза застилал туман.

Государь стал всех обходить и прощаться со всеми, протягивая каждому руку и глядя каждому в глаза своим чудным, добрым взглядом. Подошла моя очередь; Государь крепко пожал мне руку, в последний раз я видел его чудные глаза. В зале все громче и громче слышались рыдания многих, которые не в силах были сдержаться. Слезы были буквально на глазах у всех.

Вдруг один офицер конвоец грохнулся во весь рост, ему стало дурно; затем другой, Георгиевского

батальона. Нервы всех были напряжены до крайности.

Государь не смог окончить обхода всех и поспешно повернул к выходу, но, проходя мимо нижних чинов, Его Величество попрощался с ними; они тоже почти все плакали, особенно старики. Его Величество вышел, сел в автомобиль и уехал на вокзал в свой поезд. Это прощание произвело на всех неизгладимое впечатление.

Отъезд Государя в Царское Село ожидался на следующий день. Утром меня вызвал генерал Алексеев и сказал, что никто на вокзал ехать не должен, что поедет он один. Когда я стал ему возражать, указывая, что нельзя же нам запретить проводить своего Государя, генерал Алексеев сказал, что это желание самого Государя, чтобы никто из чинов штаба его не провожал. «Раз это воля Его Величества, — сказал я, — то, конечно, она будет исполнена, я сейчас сообщу об этом всем по телефону». Таким образом, никто из чинов штаба Государя не провожал (в записках генерала Дубенского обратное указано ошибочно). Когда генерал Алексеев вернулся с вокзала, я прошел к нему и попросил рассказать, как произошел отъезд Государя.

Надо сказать, что в этот день утром из Петербурга приехали специально для сопровождения Его Величества четыре комиссара.

Я их не видел и фамилий их не помню. Когда генерал Алексеев приехал на вокзал, то они ему объявили, что генерал-адъютант Нилов подлежит исключению из числа лиц, которые могут сопровождать Государя. Затем они объявили генералу Алексееву, чтобы он предупредил Госу-

Государь Император Николай II в окне своего поезда

даря, что он должен считать себя на положении арестованного.

Генерал Алексеев сказал мне, что он попробовал протестовать, но ему ответили, что по этому поводу получены определенные указания.

Сначала генерал Алексеев не хотел брать на себя передачу Его Величеству этого тяжелого поручения, но потом решил, что Государю легче будет выслушать это от него, а не от комиссаров, и потому пошел доложить Его Величеству, что он должен считать себя арестованным. По словам Алексеева, Государь принял эту весть вполне спокойно, известие же о недопущении Нилова его сопровождать очень огорчило Государя.

Его Величество тепло простился с адмиралом, который был страшно взволнован и, по своему обыкновению, бранился, не стесняясь.

При прощании адмирал Нилов поцеловал руку Его Величества.

Мы были за завтраком, когда мне доложили, что адмирал вернулся с вокзала, ибо ему не разрешили сопровождать Его Величество.

Надо было устроить и успокоить расстроенного адмирала. Поместить его в комнате, которую он раньше занимал во дворце, было неудобно, и он сам не хотел этого, поэтому я распорядился поместить его в одной из комнат при моем Управлении, освободившихся за отъездом членов свиты. Относительно разрешения отъезда его из Ставки была послана телеграмма, и через два дня он беспрепятственно уехал в Царское Село, где и жил, кажется, никем не беспокоенный, до своей смерти два-три года спустя.

Кажется, через три дня после отъезда Его Величества в Ставку прибыл Великий Князь Николай Николаевич, которого перед самым своим отречением от престола Государь Император вновь назначил Верховным Главнокомандующим. [...]

Днем генерал Алексеев сказал мне, что я должен буду с ним поехать к Великому Князю.

Перед этим он получил письмо от князя Львова о том, что им предлагается Великому Князю для спокойствия в стране отказаться от поста Верховного Главнокомандующего. Таким образом, мы были у Великого Князя зная уже, что Его Высочество не остается Верховным, но Алексеев не доложил еще этого Великому Князю, и вообще никому это еще известно не было. [...]

На другой день Великий Князь должен был принести присягу Временному правительству. Меня вызвал генерал Алексеев и сказал, что он должен был в качестве свидетеля присутствовать при присяге Великого Князя, но никак не может, ввиду спешности разных важных дел, поэтому просит меня заменить его и ехать сейчас же в поезд Великого Князя, захватив с собой несколько присяжных листов.

При этом генерал Алексеев показал мне письмо князя Львова и сказал, что я могу доложить Великому Князю, что я посвящен им, Алексеевым, в этот секрет. Когда я приехал к великокняжескому поезду и прошел в вагон Великого Князя, то из начавшегося разговора и какой-то таинственности понял, что Великий Князь не знает, известно ли мне, что он не остается Верховным Главнокомандующим. Тогда я доложил Его Высочеству, что мне под большим секретом сообщил об этом генерал Алексеев. Великий Князь тотчас же крикнул бывшему в соседнем купе Великому Князю Петру Николаевичу: «С ним можно не секретничать, он все знает». Тогда я стал говорить Великому Князю о том ужасе, к которому мы идем с каждым днем все вернее и вернее; как быстро разлагаются войска, какое ужасное влияние идет из Петербурга; что до сих пор все еще надеялись, что с назначением Великого Князя Верховным все еще может поправиться, а что теперь и эта надежда рухнула.

Великий Князь вдруг прервал меня и спросил: «Кондзеровский, Вы верите в Бога?» «Верю, Ваше Высочество». «Так вот смотрите, вот какую

массу телеграмм получил я на пути сюда со всех концов России, от всех слоев населения, с приветствиями мне. Значит, народ смотрит иначе, и это отразится на всем. Верьте, что Господь Бог не оставит Россию, молитесь Ему». «Верю, Ваше Высочество, и молюсь, но повторяю, что все идет такими шагами, что поневоле страшно становится за будущее».

Великий Князь был очень взволнован. Перешли в соседний салон, где должна была произойти присяга.

Комната была освобождена от лишней мебели, стоял аналой и в стороне письменный стол и несколько стульев. Кроме Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича присягали: старик принц Александр Петрович Ольденбургский, сын Великого Князя Петра Николаевича Роман Петрович и пасынок Великого Князя Николая Николаевича.

Отец Рыбаков читал слова присяги; я стоял поодаль, смотрел на Великого Князя и думал о том, что он переживает, принося эту присягу какому-то самозваному Временному правительству.

Когда окончилась присяга, Великий Князь взял перо и расписался на лежавшем на аналое присяжном листе, расписался нервно, и когда делал свой обычный росчерк, то перо зацепило бумагу и разбрызгало чернила. Великий Князь взял пресс-бювар и стал нервно бить им по бумаге, в результате чего получились огромные кляксы. Потом он передал перо Великому Князю Петру Николаевичу, и как только тот расписался, начал нервными ударами прикладывать к свежей

подписи пресс-бювар, и так со всеми остальными, после чего весь присяжный лист приобрел печальный вид. Великий Князь отдал этот лист мне и простился со мной. [...]

Еще через день мы провожали Великого Князя, который с разрешения Временного правительства отправился в Крым. [...]

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Сэр ДЖОН ХЭНБЕРИ-УИЛЬЯМС, генерал-майор Британской армии, Глава Британской военной миссии в России.	
Император Николай II, каким я его знал	19
Введение	19
Русский дневник. Первый год войны	29
Император после отъезда из Ставки	186
Император и Императрица	198
Цесаревич	201
П. К. КОНДЗЕРОВСКИЙ. В Ставке Верховного.	
Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем (избранные главы)	206
Введение	206
Часть 2	
Глава 1. Переезд Ставки из Барановичей в Могилев	208
Глава 2. Могилев. Смена Великого Князя Государем Императором на посту Верховного Главнокомандующего и Н. Н. Янушкевича М. В. Алексеевым на посту начальника штаба Верховного	210

<i>Глава 3.</i> Царская Ставка.	215
<i>Глава 4.</i> Ранение моего сына. Перемены в штабе	222
<i>Глава 5.</i> Приезды в Ставку Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и Великих Княжон	228
<i>Глава 6.</i> Революция.	250

ПРАВОСЛАВНОЕ
СЛОВО
НА ПЯТНИЦКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВОСЛАВНОГО
СВЯТО-ТИХОМОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

*Мы работаем с 1991 г.
Всегда рады предложить
все необходимое для нужд
храма и домашнего обихода.
Скидки. Доставка оптовых
заказов по России.
Иллюстрированные каталоги
на сайте в интернете.*

КНИГИ * МУЗЫКА * ИКОНЫ * УТВАРЬ * ТКАНИ

Наш адрес: 119017, г. Москва, Пятницкая 51
ст. м. "Новокузнецкая", "Павелецкая", "Третьяковская"
Тел./факс: (495) 951-51-84; 951-34-97; 951-50-44

Время работы: Пн. - Пт.: 9.00-21.00;
Сб.: 10.00-17.00; Вс.: 10.00-14.00

www.pravslovo.ru

ГОСУДАРЬ НА ФРОНТЕ

Воспоминания

Составление, общая редакция С. Лизунов

*Обложка О. Александрова
Редактура, корректура Т. Никитина
Макет, оформление Е. Белогорцева*

Подписано в печать 20.10.2011. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Нью Баскервиль». Печ. л. 8,5.
Тираж 8000 экз. Заказ 1690

Издательство «Русский Хронограф».
127337, Москва, Ярославское шоссе, д. 24, к. 2

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

